ISBN 0131–5706

Научно-публицистический журнал

3/2005

РОССИЯ

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители:

Министерство образования Российской Федерации

Министерство промышленности, науки и технологий Российской Федерации

Правительство Республики Мордовия

Федеральное государственное научное учреждение «НИИ регионологии»

Журнал издается с октября 1992 г.

Выходит 1 раз в квартал

3/2005
(№ 52)

СОДЕРЖАНИЕ

3 **Заявление Президента Российской Федерации В.В.Путина по важнейшим вопросам развития страны**

13 **Выступление Главы Республики Мордовия Н.И.Меркушкина на гражданском форуме «Десять лет созидания»**

Территориальное управление

24 **А.С.Лукин, Ю.В.Деришев.** Экономические основы определения эффективности программ муниципального развития

38 **С.И.Яковлева.** Региональный опыт разработки обоснований развития территориальной инфраструктуры

Экономика региона

46 **Основные показатели социально-экономического положения регионов Российской Федерации в I полугодии 2005 г.**

72 **Х.К.Казанчева.** Основные направления вывода региона из депрессивного состояния

83 **И.Е.Ильин.** Оценка современной аграрной реформы в регионе

Региональные проблемы науки и образования

89 **Ю.Н.Андреев.** Мониторинг региональной научно-технической политики

106 **Г.А.Балыхин.** Развитие системы образования Южного федерального округа и Чеченской Республики как фактор стабилизации геополитической обстановки на Юге России

119 **С.М.Мургаев.** Международное сотрудничество Калмыцкого государственного университета

Социология региона

125 **Т.М.Дадаева.** Динамика гендерной структуры рынка труда и занятости в Мордовии

142 **Л.А.Черкасова.** Женская безработица: социально-экономические аспекты

146 **М.М.Шульга.** Высшее образование как ценность: социологический аспект

157 **Д.Г.Курачев.** Межконфессиональное восприятие современной молодежи

171 **Ю.В.Васильев.** Механизмы и методы урегулирования этнических конфликтов на юге России

Информационное пространство региона

185 **В.И.Антонова, Л.А.Поелуева.** Механизм информационного воздействия на гармонизацию этнокультурных процессов в республиках Приволжского региона

Народы России: возрождение и развитие

191 **В.П.Иванов.** Динамика расселения и численности чувашей в XX в.

Региональная история и историография

198 **Ю.Н.Мокшина.** Этнонорматика в общинном самоуправлении мордвы

209 **В.А.Иванов.** Обеспечение марийской областной милиции и охрана социальных прав ее личного состава в 1920-х гг.

Провинциальная культура

222 **Г.Н.Семенова.** Отражение национально-культурной специфики народа в именных композитах (на материале разносистемных языков)

231 **О.Г.Беломоева.** Этнофутуризм: региональное в глобальном

240 *Рецензии*

250 *Новые книги*

Редколлегия:

А.И.СУХАРЕВ
(главный редактор)
В.Д.ВОЛКОВ
Т.И.ГОЛУБЧИК
(ответственный секретарь)
В.И.ГРИБАНОВ
Д.В.ДОЛЕНКО
В.В.ИВАНОВ
В.В.КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В.В.КОНАКОВ
Н.С.КРУТОВ
Г.Ф.КУЦЕВ
Н.П.МАКАРКИН
М.В.МОСИН
В.А.НЕЖДАНОВ
В.А.НЕЧАЕВ
Ю.А.НОВИКОВ
К.И.ПЛЕТНЕВ
С.В.ПОЛУТИН
О.И.ПРУДНИКОВ
М.Н.ХОХЛОВ
Ю.В.ШЛЕНОВ
В.А.ЮРЧЕНКОВ

© «Регионология», 2005

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В.ПУТИНА ПО ВАЖНЕЙШИМ ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

5 сентября 2005 г. в Большом Кремлевском дворце состоялась встреча Президента РФ В.В.Путина с членами Правительства РФ, руководством Федерального Собрания РФ и членами президиума Государственного совета РФ.

Вниманию читателей предлагается заявление Президента РФ В.В.Путина.

Основной целью нашей с вами деятельности, ключевым вопросом государственной политики является существенное повышение качества жизни граждан России.

Я собрал вас, чтобы обсудить вопросы создания новых механизмов для решения именно этой задачи. Время встречи тоже выбрано не случайно. Мы встречаемся после того, как на основе положений ежегодного Послания Президента Федеральному Собранию Правительство Российской Федерации подготовило и направило в парламент проект бюджета на 2006 г. Не буду сейчас вдаваться в детали, в подробности, отмечу лишь наиболее существенное для сегодняшней нашей встречи.

Рост непроцентных расходов запланирован почти с ростом в 24,4 %. В реальном выражении это будет означать рост в 14 %, а рост экономики планируется только на 5,8 %. Правительству в целом удалось сбалансировать проект бюджета по макроэкономическим показателям, но это стало возможным не в последнюю очередь за счет хорошей внешнеэкономической конъюнктуры. Прошу вас это учитывать при дальнейшей работе над бюджетом и воздержаться от таких решений, которые могли бы создать серьезные проблемы для развития России в будущем. Уверен, вы понимаете, что я имею в виду: мы можем тратить только столько, сколько зарабатываем. Если мы воспользуемся внешнеэкономической конъюнктурой, хорошей для нашей страны сегодня, влезем в долгострой на десятки лет впе-

ред. Все вы прекрасно понимаете или должны понимать, что это будет означать: в случае изменения этой конъюнктуры необходимо либо снова залезать в долги, для того чтобы завершить начатые проекты, либо резко и болезненно сокращать расходы.

Давайте будем думать не только о сегодняшнем дне, но и о будущем нашей с вами страны. Вместе с тем убежден: сегодняшние возможности России вполне позволяют добиться более ощутимых результатов повышения благосостояния народа России. Добиться, не нарушая баланса основных экономических показателей и не допуская всплеска инфляции, и потому уже открывающиеся в российской экономике возможности не должны быть нами упущены.

Напомню, за последние пять лет экономика России выросла почти на 40 %. Проводимый курс обеспечил макроэкономическую стабильность. Есть и неплохие сдвиги в развитии социальной инфраструктуры, в увеличении доходов населения. Но, будем откровенны, цифры экономического роста еще для очень многих людей в стране остаются пока абстрактными. Нельзя мириться с тем, что 25 млн наших сограждан получают доходы ниже прожиточного минимума, и потому качественные социальные услуги недоступны всем нашим гражданам. Конечно, еще совсем недавно мы говорили о том, что за чертой бедности у нас живет более 30 млн чел. Сдвиги есть, они очевидные, позитивные, но мы понимаем, что и 25 млн — это огромная цифра. Об остроте этих проблем и путях их решения говорилось в посланиях 2004 и 2005 гг., говорилось как о единой программе наших действий на ближайшую перспективу. Эта программа реализуется, но, думаю, вы со мной согласитесь, крайне медленно.

Сегодня хотел бы особо остановиться на практических шагах в реализации приоритетных национальных проектов в таких областях, как здравоохранение, образование, жилье. Мы много раз возвращались к этой теме. Считаю необходимым вернуться к ней еще раз.

Во-первых, именно эти сферы определяют качество жизни людей и социальное самочувствие общества. И, во-вторых, в конечном счете решение именно этих вопросов прямо влияет на демографическую ситуацию в стране и,

что крайне важно, создает необходимые стартовые условия для развития так называемого человеческого капитала.

Прежде всего о мерах в области здравоохранения.

Будем откровенны, о его состоянии люди судят по тому, как их принимают и как им помогают в конкретном фельдшерском пункте, поликлинике либо больнице. Надо признать, что положение дел здесь далеко не благополучно. Его нужно коренным образом менять. Особое внимание считаю необходимым уделить развитию первичного медицинского звена, первичной медицинской помощи, профилактике заболеваний, включая вакцинацию и эффективную диспансеризацию населения. Мы обязаны существенно снизить распространенность инфекционных заболеваний, в том числе ВИЧ-инфекции и других, ввести новые программы медицинского обследования новорожденных.

Что у нас произошло в 1991 году? Мы формально и окончательно передали в муниципалитеты вот это самое первичное звено. Но там не было ни умения самостоятельно решать ряд важнейших вопросов, не было и до сих пор отсутствует правовая база, и, самое главное, там не было и до сих пор нет нужного количества денег. Только сейчас мы с вами говорим о разделении полномочий в рамках здравого смысла и с обеспечением необходимым финансированием. И то до сих пор эту работу не довели до конца. Я прошу Правительство и всех, кто этим занимается, эту «бодягу» заканчивать как можно быстрее.

В результате такого положения дел из года в год ситуация в первичном звене здравоохранения постепенно, но уверенно ухудшалась. Нужно прямо признать, что муниципальная сеть здравоохранения находится сейчас в плачевном состоянии. Предлагаю сегодня говорить о проблемах не в общем виде, а предельно конкретно. Нужно прямо и честно сказать: без нашей помощи никакие новации там будут невозможны. Нужно это звено здравоохранения — первичное здравоохранение — поддержать с федерального уровня.

В ближайшие два года новым диагностическим оборудованием необходимо оснастить более 10 тыс. муниципальных поликлиник, из них более трети на селе, а также значительное число районных больниц и фельдшерских

пунктов. Это практически все первичное звено здравоохранения. У нас их чуть больше, около 17,5 тыс., но разница — это ведомственная сеть.

В начале 2006 г. заработная плата участковых терапевтов, педиатров и врачей общей практики должна в среднем вырасти на 10 тыс. руб. в месяц, а медсестер — как минимум на 5 тыс. руб. При этом ее конкретный размер должен прямо зависеть от объема и качества оказываемой медицинской помощи. Хочу подчеркнуть: не до 10 и до 5 тыс., а на 10 и на 5 тыс., т.е. плюсом к тому, что есть.

Надо обеспечить подготовку более десятка тысяч участковых врачей и врачей общей практики. Следует серьезно обновить и автопарк «скорой помощи», включая приобретение реанимобилей, медоборудования и современных систем связи.

Особая проблема — это доступность высоких медицинских технологий в кардиохирургии, онкологии, травматологии, ряде других важнейших областей и прежде всего их использование при лечении детей.

Число граждан, которым за счет федерального бюджета будет оказана высокотехнологичная медицинская помощь, должно вырасти к 2008 г. не менее чем в четыре раза. Для этого предстоит поднять эффективность работы как уже существующих центров высоких медицинских технологий, так и построить новые, и прежде всего в регионах Российской Федерации, включая Сибирь и Дальний Восток.

На решение обозначенных выше задач предлагаю направить существенные средства федерального бюджета. При этом сразу же обращаю внимание на необходимость того, чтобы планы были сжатыми и совершенно конкретными. Современные строительные технологии, технологии оборудования медицинской части позволяют сделать это в кратчайшие сроки. За два года мы в состоянии решить эту проблему. И работу эту нужно начинать прямо сейчас.

Вместе с тем проблемы здравоохранения не могут быть решены только за счет новых финансовых вливаний. Нам нужны решительные продуманные шаги по системной модернизации отрасли, и здесь нужно вести продуктивный диалог, в том числе с медицинским сообществом.

Следующий вопрос — это создание механизмов, способных кардинально поднять качество отечественного об-

разования. Мы должны, наконец, создать основы для прорывного инновационного развития страны, для укрепления ее конкурентоспособности. Очевидно, что нужны особые меры государственной поддержки вузов и школ, активно внедряющих инновационные образовательные программы. В предстоящие два года на приобретение для них лабораторного оборудования, программного обеспечения, модернизацию учебных классов и подготовку преподавателей должны быть выделены значительные суммы. Этой программой будут охвачены несколько десятков вузов и тысячи школ страны. За этот же период еще как минимум 20 тыс. школ должны получить доступ к Интернету. К 2008 г. количество таких школ должно составить более 30 тыс. — половину всех школ Российской Федерации. При этом должны активно внедряться современные образовательные технологии, включая дистанционные программы обучения. У военнослужащих срочной службы должна быть возможность получить в специальных учебных центрах гражданские дипломы о начальном профессиональном образовании, а у контрактников — возможность готовиться к поступлению в высшие учебные заведения.

Прошу решить вопрос о создании в 2006—2007 гг. на базе уже действующих вузов и академических центров новых университетов в Южном и Сибирском федеральном округах, а также об открытии бизнес-школ для подготовки управленческих кадров в Московском регионе и Санкт-Петербурге. Мы рассчитываем, что региональные власти и частные инвесторы также проявят интерес к участию в подобных проектах. При этом хочу отметить: это должны быть совершенно новые, качественно новые учебные заведения и центры подготовки, на самом современном уровне. Надо существенно поднять уровень вузовской науки, обеспечив ее связь с экономикой за счет развития инновационной инфраструктуры. Работа в российских университетах должна быть привлекательной и для высококвалифицированных специалистов, в том числе для иностранных и особенно для наших соотечественников, работающих сейчас за рубежом. Для того чтобы поддержать инициативную, способную, талантливую молодежь, будет учреждено не менее 5 тыс. индивидуальных грантов для школьников, студентов, молодых специалистов.

Нельзя забывать: добротная, первоклассная подготовка студентов и аспирантов — это необходимое условие развития фундаментальной науки. Нужно сдвинуть с мертвой точки вопрос притока молодежи в науку, дать ей возможность продуктивно заниматься исследовательской деятельностью, получить доступ к управлению наукой.

В августе мною были даны поручения по повышению оплаты труда работников Российской академии наук. При некотором сокращении количества бюджетных ставок в течение 2006—2008 гг. ежемесячная заработная плата квалифицированных научных сотрудников в среднем должна вырасти до 30 тыс. руб., при этом заработная плата молодого поколения исследователей, от которых во многом зависят перспективы и динамика развития российской науки, должна увеличиться наиболее ощутимо.

Низкая зарплата педагогов — это одна из ключевых проблем российской школы. Напомню, что уже принято принципиальное решение об увеличении заработной платы в бюджетной сфере в полтора раза в реальном выражении в течение ближайших трех лет. Здесь накопились те же самые проблемы, что и в здравоохранении при передаче всего и вся на муниципальный уровень без соответствующего обеспечения.

Необходимо ликвидировать прямую зависимость труда учителя от количества проведенных им уроков и перейти на новую систему оплаты труда. В ее основе должно быть качество преподавания. В течение 2006 г. надо завершить переход к так называемому нормативному финансированию учебного процесса, при котором бюджетные средства следуют за учащимися. Наряду с этим целесообразно установить и дополнительное ежемесячное денежное вознаграждение за классное руководство, в том числе для учителей начальных классов. Это в целом около миллиона учителей. Мы должны помнить, что воспитание школьников — важнейшая часть работы педагога, требующая большой отдачи. Предлагаю также учредить ежегодные поощрения в размере 100 тыс. руб. для 10 тыс. лучших учителей страны.

Теперь о жилищной политике и о жилищных проблемах. От качества жилья во многом зависит здоровье людей, их семейное благополучие. Однако более комфортная квартира или дом, по сути, пока остаются лишь мечтой для милли-

онов российских семей. Наша задача к 2007 г. обеспечить значительный рост объемов жилищного строительства. По отношению к уровню 2004 г. не менее чем на одну треть. Для этого в бюджетах всех уровней прежде всего нужно выделить средства на оснащение инженерной инфраструктуры земельных участков под жилищное строительство. Я подчеркиваю: именно из бюджетов всех уровней.

В последнее время много говорится об ипотеке. Однако на практике делается еще явно недостаточно. Прошу завершить формирование нормативной базы, необходимой для выпуска ипотечных ценных бумаг. Поручаю Правительству Российской Федерации разработать механизм субсидирования ипотечных кредитов, а также значительно увеличить уставный капитал Агентства по ипотечному и жилищному кредитованию, предоставив ему серьезные государственные гарантии.

Обращаю внимание Правительства на исполнение нового законодательства об обеспечении жильем военнослужащих. Работа затянулась. В месячный срок должны быть согласованы все требуемые документы и обеспечено полноценное функционирование накопительной ипотечной системы. Мои контакты с военнослужащими показывают, что они об этом почти ничего не знают. Нужно наладить информирование должным образом.

В целом проблемам военнослужащих, сотрудников правоохранительной системы должно постоянно уделяться особое внимание. Эти люди выполняют задачи по обеспечению безопасности граждан и государства, и вопросы их социального обеспечения должны решаться существенно более высокими темпами, а предлагаемые меры — учитывать специфику службы в армии, в иных силовых структурах и при этом находиться в общей логике наших действий по повышению качества жизни граждан России.

Особый вопрос — значительное увеличение расходов федерального бюджета на поддержку молодых семей. Надо помочь решению жилищной проблемы молодых специалистов на селе. Рассчитываю здесь на заинтересованное участие региональных и местных властей. Положительная практика такой работы имеется. В гораздо больших объемах должны исполняться государственные обязательства по предоставлению жилья ветеранам войн и вооруженных

конфликтов, чернобыльцам, инвалидам, другим категориям граждан. Необходимо навести порядок с тарифами на наиболее востребованные и социально значимые услуги, которые регулируются местными органами власти. Речь прежде всего идет о тарифах на общественный транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и связь. Право определять размеры тарифов в этих сферах нужно, конечно, предоставлять органам субъектов федерации, но не выше пределов, установленных федеральным Правительством, чтобы не было в этой сфере никакой вакханалии.

Поручаю Правительству подготовить поправки в законодательство, а региональным властям — предметно заняться демонополизацией ЖКХ, системы общественного транспорта и связи. Одной монетизации здесь недостаточно. Знаю и помню, как многие губернаторы говорили, что еще немного, еще два-три года максимум — и транспорт полностью развалится. Да, какие-то средства сейчас стали поступать в транспортную систему. Повторяю, этого недостаточно. Нужно проводить структурные изменения в этих отраслях, иначе без конкуренции по-прежнему будут расти только цены и тарифы, но не качество и не разнообразие самих услуг.

Еще один принципиальный вопрос — газификация. Поддерживаю инициативу компании «Газпром» по реализации масштабной программы газификации страны. В нее должно быть вложено не менее 35 млрд руб. в ближайшие три года. Такая программа особенно необходима сельским территориям страны. При этом улучшение жизни на селе, развитие агропромышленного производства считаю, безусловно, приоритетным.

Сегодня в сельском хозяйстве доля лиц, получающих заработную плату ниже прожиточного минимума, наиболее высока. Бедность и отсутствие работы ведут к потере жизненных ориентиров, способствуют распространению пьянства и других пороков. Вместе с тем опыт многих агрохозяйств уже свидетельствует: российское село может и должно быть экономически успешным и инвестиционно привлекательным. Нам уже удалось добиться значительных успехов в производстве зерна. Из импортера Россия стала его экспортером. В последнее время у меня

было много встреч с работниками агропромышленного комплекса. Я разделяю полностью их мнение о необходимости дополнительной поддержки сельхозпредприятий, в том числе крестьянских и подсобных хозяйств, обратив сегодня особое внимание на создание условий для развития животноводства. Сельхозпредприятия должны получить реальный доступ к кредитным ресурсам. Из федерального бюджета нужно выделить дополнительные средства на субсидирование процентных ставок. В 2006—2007 гг. должна быть создана система земельно-ипотечного кредитования, позволяющая привлекать средства на длительный срок и под приемлемые проценты под залог земельных участков.

Надо стимулировать создание заготовительных и снабженческо-сбытовых структур, а также производств по переработке сельхозпродукции, кредитных кооперативов. Это должно позволить существенно увеличить объем производства и покончить с монополизмом перекупщиков, а значит, повысить доходы самих производителей сельхозпродукции.

В федеральном бюджете прошу предусмотреть дополнительные средства на субсидирование процентных ставок по кредитам сроком до восьми лет на строительство и модернизацию животноводческих комплексов. Те, кто работает на селе, и те люди, с которыми я встречался и которым вполне можно доверять, имея в виду их результаты в практической деятельности, просят как раз об этом. Полностью их поддерживаю.

Значительные ресурсы следует выделить на развитие сельхозлизинга. Это должно позволить стране в течение двух лет поставить десятки тысяч голов племенного скота, а также технику и оборудование для животноводства.

Требует совершенствования практика таможенно-тарифного регулирования при определении квот на продовольствие. Действовать, конечно, при этом нужно аккуратно, не создавая дефицита на рынке продовольствия. Соответствующие поручения уже даны.

Кроме того, считаю целесообразным отменить ввозные пошлины на технологическое оборудование для животноводства, не имеющее отечественных аналогов. Да и в целом

полагаю, что Правительству необходимо решить вопрос о существенном снижении, а в отдельных случаях и отмене ввозных пошлин на импортное оборудование, не имеющее отечественных аналогов и для других отраслей, обеспечив тем самым ускоренное технологическое перевооружение российской экономики и науки. Наполняемость бюджета у нас, вы знаете, хорошая. И здесь субстантивные моменты развития нашей экономики должны уступить место текущим вопросам фискального характера.

Работа над реализацией национальных проектов, которую мы начали два года назад, не может исчерпываться только вышеперечисленными мерами. Повторю: надо продолжить системную модернизацию здравоохранения, образования, жилищной сферы. И здесь я рассчитываю на конструктивное сотрудничество всех ветвей власти.

Проект федерального бюджета на 2006 г. уже внесен в Думу. Обращаюсь к парламентариям и членам Правительства. Важно сохранить уже взятый хороший темп бюджетного процесса. В ходе дальнейшей работы прошу акцентировать внимание на обозначенных приоритетах. Ход этой работы намерен постоянно держать в поле зрения. Для этого будет создан совет по реализации приоритетных национальных проектов, деятельность которого буду контролировать лично. Считаю, что в его состав могут войти представители всех уровней власти, местного самоуправления, основных политических сил. В работе совета должны принять участие экспертные и деловые круги. Прошу Администрацию подготовить соответствующие предложения.

В заключение хотел бы подчеркнуть: концентрация бюджетных и административных ресурсов на повышении качества жизни граждан России — это необходимое и логичное развитие нашего с вами экономического курса, который мы проводили в течение предыдущих пяти лет и будем проводить дальше. Это гарантия от инертного проедания средств без ощутимой отдачи. Я уже говорил на одной из встреч: у нас не должно быть бюджетопроедания, это курс на инвестиции в человека, а значит, и в будущее России. В этом абсолютно убежден.

Материал взят с официального сайта Президента РФ
http://president.kremlin.ru

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ Н.И.МЕРКУШКИНА НА ГРАЖДАНСКОМ ФОРУМЕ «ДЕСЯТЬ ЛЕТ СОЗИДАНИЯ»

23 сентября 2005 г.

Дорогие соотечественники!
Уважаемые гости!

10 лет тому назад состоялось Конституционное Собрание, на котором была принята новая Конституция и избран Глава Республики Мордовия.

Сегодня мы впервые в таком широком составе собрались в зале нового Дворца спорта, чтобы в рамках республиканского гражданского форума подвести итоги, сверить наш курс, определить ориентиры на будущее.

Трудные годы, прошедшие с того знаменательного сентябрьского дня, до предела наполненные созидательным трудом нашего народа, по своей важности вобрали в себя целую историческую эпоху.

Напомню, что в первую половину 1990-х гг. в труднейший для России и республики период Мордовия переживала состояние глубочайшего политического и социально-экономического кризиса.

Бескомпромиссная, бесплодная политическая борьба полностью расшатала власть на всех уровнях, отвлекала от решения сложнейших социально-экономических проблем, способствовала разгулу криминала и обвальному росту преступности. Мордовия погрязла в бесконечных политических метаниях, ее захлестнули губительные амбиции некоторых местных политиков. Мордовия стала одним из центров противостояния федеральным органам власти.

В итоге по большинству показателей республика занимала последнее, либо одно из последних мест в Российской Федерации. Только за один 1994-й г. на 40 % сократился валовой региональный продукт. Большинство промышленных предприятий встали. Людям месяцами не вып-

лачивались зарплаты и пенсии. Огромной бедой для многих стала безработица, а уровень жизни населения достиг критической черты, ниже которой был только в Чечне, находившейся в состоянии войны.

Все это привело к широкому распространению в обществе апатии и ощущения полной безысходности.

Жизнь настоятельно требовала быстрых и коренных изменений, и прежде всего в органах государственной власти. Нужно было сформировать на всех уровнях сильную и эффективную власть, восстановить утерянное доверие народа к власти, возродить веру и надежду людей на лучшую жизнь.

Важным шагом в этом направлении были выборы в Государственное Собрание, которое на своей Первой же сессии 31 января 1995 г. образовало Конституционную Комиссию. Ей было поручено разработать проект новой Конституции.

Концепция, положенная в основу главного документа республики, состояла в его соответствии Конституции России, восстановлении управляемости политических и экономических процессов путем согласования действий между всеми органами государственной власти, местного самоуправления, политическими партиями и общественными институтами.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что именно в ходе разработки, и особенно всенародного обсуждения проекта Конституции, произошло объединение и консолидация всех конструктивных сил, которые фактически проходили на основе впоследствии сформулированного принципа «Согласие. Порядок. Созидание».

Уже тогда были четко определены стоящие перед республикой задачи, понятные для каждого человека. Это спасение Мордовии от социально-экономического краха, возрождение республики, обеспечение ей достойного места среди субъектов Российской Федерации, защита безопасности и обеспечение прав граждан, последовательная борьба с преступностью. Это идеология патриотизма, любви к малой родине и России, служения Отечеству.

Новая Конституция подводила прочную правовую основу для решения этих задач, и это понимало большинство граждан республики. Это же нашло свое яркое выраже-

ние в работе Конституционного Собрания, на котором были представлены все территории Мордовии, ее этническое, социальное и культурное многообразие, депутаты всех уровней, все ветви власти, разные слои общества и различные политические силы.

Я с особым волнением и гордостью вспоминаю дни работы Конституционного Собрания. Тогда царили деловой настрой, осознание особой значимости происходящего, атмосфера огромной ответственности. И хотя тогда у некоторых из нас были разные взгляды на те или иные вопросы, но всех нас объединяло главное — забота о возрождении республики, о ее будущем.

Сегодня участники того исторического Конституционного Собрания находятся в этом зале. Я обращаюсь к вам со словами искренней благодарности за вашу ответственную гражданскую позицию, которая определила судьбу республики на многие, многие годы вперед.

Хотел бы высказать особые слова благодарности тем, кто стоял у истоков Экономического Союза, активистам Аграрной партии, всем тем, кто принимал самое активное участие в подготовке проекта Конституции.

Сегодня мы не можем не вспомнить о большом вкладе в разработку Конституции Председателя Правительства Валерия Николаевича Швецова, заместителя Председателя Государственного Собрания, заместителя Председателя Конституционной комиссии Александра Николаевича Буркано-ва, заместителя Председателя Конституционной комиссии Андрея Вячеславовича Лукшина, которых, к глубокому сожалению, уже нет с нами.

Уважаемые товарищи!

Сентябрь 1995 г. явился отправной точкой огромной работы, целенаправленно проводимой на протяжении последних десяти лет.

Прежде всего в республике была создана сильная и действенная вертикаль власти, налажен активный диалог власти и общества, установлено эффективное взаимодействие с Федеральным центром.

Огромные усилия потребовались нам для того, чтобы остановить обвальный спад производства, возродить предприятия промышленности, обеспечить людей работой и

постоянным заработком, спасти от полного развала агропромышленный комплекс и вдохнуть в село новую жизнь. Органы государственной власти сделали все для восстановления партнерских отношений с другими регионами, для налаживания связей с крупнейшими российскими и зарубежными компаниями.

В те годы мы вместе с директорским корпусом облетели десятки тысяч километров, побывав во всех крупных регионах, в самых различных частях страны.

Хотел бы особо отметить, что для решения стоящих перед республикой сложнейших проблем мы во многом избрали свой путь с учетом ситуации, сложившейся в республике и стране.

В то время не все наши подходы вписывались в доминировавшие в стране представления о переходе к рыночным отношениям. Мы исходили из того, что все наши шаги в первую очередь должны служить укреплению политической и социальной стабильности, возрождению экономики, повышению уровня жизни людей, и в то же время должны работать не только на день сегодняшний, но и на перспективу.

Это касается роли государства в регулировании экономики, поддержке отечественного товаропроизводителя, создании благоприятных условий для инвестирования капиталов, и в необходимых случаях, во введении контроля за ценами, элементов государственной монополии на производство и оборот спиртосодержащей продукции.

Это относится к постоянной государственной поддержке сельхозпроизводителя, к осуществлению программы газификации всех населенных пунктов, а также, что особенно важно в настоящее время, для реформы местного самоуправления России, к введению двухуровневой системы межбюджетных отношений.

Это относится также и к широкомасштабным программам, которые осуществляются в последние годы — строительство объектов социального назначения, строительство дорог, ипотечного кредитования жилья, развитие массовой физкультуры и спорта и другие.

Многие выработанные тогда и реализованные впоследствии нами подходы сегодня становятся нормой для всей страны.

Все это позволило нам не только остановить разрушительные процессы, но и добиться стабильного роста экономики и значительных сдвигов в социальной сфере.

Все наши усилия были направлены на то, чтобы шаг за шагом постоянно улучшать жизнь людей, чтобы они поверили в свои силы, чтобы они могли строить планы на будущее для себя, своих детей и внуков.

Все эти годы мы активно способствовали развитию культуры, образования, здравоохранения, физкультуры и спорта. Мы делаем ставку на молодежь, потому что без гармоничного, развитого, образованного и здорового человека нет будущего. Мы всегда стремились воспитывать у людей, и особенно у молодежи, чувство патриотизма.

Мы хорошо понимаем, чтобы лучше работать для будущего, мы должны взять из прошлого все положительное, все, что как наследство передается от поколения к поколению. Мы уделяем постоянное внимание и проявляем уважение к ветеранам. Широко, как нигде в других регионах, отмечаем памятные исторические даты, в том числе и советского периода, традиционные праздники. Ярким свидетельством этому явилось всенародное празднование 60-летия Великой Победы.

Особое внимание мы уделяем строительству объектов социального назначения. И мы вместе с вами можем гордиться тем, что в то время, когда во многих регионах, намного превосходящих нас по своим возможностям, продолжаются процессы деградации производственного потенциала и, особенно, социальной инфраструктуры, мы за эти десять лет сделали в этом направлении значительно больше, чем в лучшие советские годы.

Мы строим жилье, в том числе и по ипотечному кредитованию, строим школы, больницы и лечебные учреждения, дома культуры и крупные спортивные сооружения. Так, за десять лет у нас полностью реконструировано и построено 39 больниц и поликлиник, 81 здание школ и других учебных объектов. Все они оснащены самым современным оборудованием.

Мы построили десятки спортивных объектов мирового уровня, равных которым нет в других регионах. Это и культурно-спортивный комплекс «Мордовия», и уникальный стадион «Старт»; мы полностью реконструировали

стадион «Светотехника», начали строительство Ледового Дворца. На будущий год мы первыми в стране реализуем Президентскую программу по строительству физкультурно-оздоровительных комплексов в каждом районе.

Мы все можем гордиться тем, что практически газифицировали всю республику, и по этому показателю занимаем первое место в России. А ведь многие регионы, в том числе и некоторые наши соседи, за эти десять лет не построили ни одного километра газовых сетей.

За последние годы заметно изменился облик многих наших сел, районных центров и, особенно, столицы нашей республики — города Саранска.

Результатом повышения общего уровня культуры населения, более бережного отношения сотен тысяч людей к своему городу, и, конечно, большой целенаправленной работы органов власти, стало то, что в этом году Саранск вошел в тройку лучших по благоустройству столиц регионов России.

Огромная работа в республике, и прежде всего по инициативе самих людей, проведена по восстановлению и строительству храмов.

Историческим событием, символом духовного возрождения, воплощением величия и красоты станет строящийся Свято-Федоровский Кафедральный собор, крупнейший в Поволжье. Этот храм будет мощным источником уважения и любви к родному городу, родному краю, родной земле.

Конечно, все наши достижения являются прежде всего, результатом созидательного труда людей: рабочих и инженерно-технических работников, тружеников сельского хозяйства, руководителей промышленных и сельскохозяйственных предприятий, предпринимателей, нашей интеллигенции — врачей, учителей, творческих работников и ученых.

Уважаемые товарищи!

Сегодня мы с вами можем гордиться и значительно возросшим уровнем политической культуры и гражданской активности жителей Мордовии. Это находит свое подтверждение в общественно-политической жизни республики и страны.

Состоявшиеся в последние годы выборы Президента Российской Федерации в Государственную Думу, выборы Главы Республики и депутатов Государственного Собрания продемонстрировали у нас самую высокую в стране явку избирателей и самый высокий процент солидарного голосования. И хочу особо сказать, что в прошедшем десятилетии это наше самое весомое, самое ценное и самое результативное достижение.

Я хотел бы сегодня выразить слова глубокой признательности всем гражданам республики за их политическую мудрость.

За эти годы неизмеримо вырос авторитет республики и ее народа. Сегодня Мордовию хорошо знают в России, о ней много пишут в центральных средствах массовой информации, ее знают и за рубежом. Впервые в истории нашего края глава Российского государства Президент России В.В.Путин дважды посетил Мордовию. На празднование двухтысячелетия Христианства также впервые к нам приезжал Патриарх Всея Руси Алексий Второй.

Мы плодотворно сотрудничаем с обеими палатами Федерального Собрания Российской Федерации и находим понимание и поддержку у их руководства. В этом году в нашу республику состоялись визиты Сергея Михайловича Миронова и Бориса Вячеславовича Грызлова, которые имеют большое значение для дальнейшего развития экономики и социальной сферы.

Мы активно сотрудничаем с Администрацией Президента России, Правительством России, Полномочным Представителем Президента России в Приволжском Федеральном округе.

Уважаемые товарищи!

Жизнь убедительно подтвердила, что главная основа наших успехов — это общественное согласие и политическая стабильность.

Ключевое значение для их достижения имеет взаимопонимание власти и общества.

Сегодня здесь, в этом зале находятся представители политических партий, ветеранских и других общественных организаций, органов государственной власти, хозяйствен-

ные руководители, директора учебных заведений и учреждений культуры, главные врачи больниц, представители широкой общественности. Все они внесли и вносят весомый вклад в политическую стабильность и согласие в нашей республике.

Важную роль во взаимодействии власти и общества играют партии, имеющие разные политические взгляды и выражающие интересы различных слоев населения.

На разных этапах прошедшего, очень сложного десятилетия в решении сложных проблем принимали активное участие Аграрная партия, «Отечество — Вся Россия», «Единая Россия», сумевшие консолидировать большую часть политически активного населения республики.

Значительный вклад в становление гражданского общества и развитие демократических основ в республике вносят партии самой различной политической ориентации, в том числе оппозиционные. В результате их активной работы мы неоднократно корректировали свои действия с учетом интересов социальных слоев, которые они представляют.

Ключевую роль за все эти десять лет сыграли депутаты Государственного Собрания всех созывов. Их творческая работа, направленная с первых дней на благо республики, на благо людей, позволила усилить процессы согласия и созидания.

Мне хочется сказать особые слова благодарности профсоюзам республики, которые по нашей Конституции получили право законодательной инициативы, и которые активно ведут диалог с властью, защищая интересы трудящихся.

Я обращаюсь со словами глубокой и сердечной признательности к Республиканскому Совету ветеранов, к Консультативному Совету ветеранов при Главе Республики, куда входят все бывшие партийные, советские и хозяйственные руководители республики, другим ветеранским организациям, а также нашим женским организациям — Союзу женщин, Комитету солдатских матерей, «Юрхтаве» и Союзу эрзянских женщин.

Их активная работа на протяжении всех этих лет способствовала созданию атмосферы согласия и вовлечению широких слоев населения в созидательные процессы.

Слова искренней благодарности я адресую Межрегиональному движению мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, самой крупной общественной организации, которая занимается проблемами национального возрождения не только у нас в республике, но и по всей стране, а также Национальным культурным автономиям и национальным центрам во многих регионах России.

Я благодарю за активную работу наши молодежные объединения. У нас сформировалось одно из первых в стране активное молодежное движение «Созидание», в которое входит множество молодежных, юношеских и детских организаций различных направлений, охватывающие десятки тысяч человек. Мы будем делать все, чтобы любая инициатива, творческая деятельность молодежи всегда находили поддержку органов власти.

Слова особой благодарности я говорю в адрес Совета директоров промышленных предприятий, который, начиная с Экономического Союза и по сегодняшний день, является прочной опорой стабильности в республике.

Такой же опорой на протяжении всех этих лет были главы городов и районов республики, которые находятся ближе всего к народу, его нуждам и проблемам.

Сегодня я не могу не сказать слова самой сердечной благодарности людям, которые отдавали и отдают все свои силы, весь свой потенциал, укрепляя общественное согласие и созидательный настрой в обществе: Валерию Алексеевичу Кечкину, Владимиру Дмитриевичу Волкову, Виктору Ивановичу Гришину, Владимиру Васильевичу Литюшкину, Александру Ивановичу Сухареву, Валентину Васильевичу Конакову, Ивану Яковлевичу Ненюкову, Владимиру Федоровичу Сушкову, Владыке Варсонофию, Анатолию Ивановичу Солдатову, Виктору Александровичу Скопцову, Николаю Михайловичу Костину, Людмиле Павловне Ярославкиной, Александру Осиповичу Пиксаеву, Геннадию Михайловичу Измалкину, Василию Семеновичу Учайкину и многим, многим другим.

Сегодня на нашем форуме присутствуют наши именитые земляки, которые весь этот период были вместе с нами. Это Почетный гражданин Мордовии Герой Советского Союза генерал-полковник Николай Тимофеевич Антош-

кин, Почетный гражданин Мордовии Герой России летчик-космонавт Владимир Николаевич Дежуров, Почетный гражданин Мордовии кавалер Ордена Ленина Олимпийский чемпион Петр Григорьевич Болотников, бывший секретарь ЦК КПСС Посол Советского Союза во Франции Яков Петрович Рябов.

Сегодня я хочу сказать добрые слова в адрес двух Главных Федеральных инспекторов в Мордовии Александра Михайловича Пыкова и Павла Николаевича Гришина, которые своей работой активно способствовали созидательным процессам в республике.

Уважаемые товарищи!

Десятилетие Конституции — это десятилетие нашей совместной работы. Мы вместе прошли большой и трудный путь, мы многого добились, но перед нами стоят задачи, не менее важные и не менее сложные.

Нашей главной задачей на ближайшие годы является значительное повышение качества жизни людей путем создания условий для неуклонного роста заработной платы во всех отраслях и сферах, для устойчивого роста доходов подавляющего большинства населения. Для этого в нелегких условиях предстоящей интеграции в мировую экономику, когда нам необходимо будет конкурировать с развитыми странами мира, нам надо создать здоровую конкурентоспособную среду во всех сферах нашей жизнедеятельности. Это относится не только к промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, строительным, транспортным и жилищно-коммунальным организациям. Это относится и к системе образования, здравоохранения, социальной сфере в целом. И конечно, это относится прежде всего к органам государственной власти и местного самоуправления.

Нам надо создать конкурентоспособную экономику, работающую на человека. Перестроить ее так, чтобы подавляющая часть валового регионального продукта формировалась как в ведущих странах мира за счет новых знаний, выраженных в товарах, технологиях, услугах, подготовке квалифицированных кадров, эффективности организации управления и промышленного производства.

Выполнить эти задачи можно лишь опираясь на современное мышление, новейшие знания, расторопность, предприимчивость и активность наших людей. Только на этой основе мы сможем проводить сильную социальную политику, направленную на обеспечение достойной жизни каждому человеку.

Мы вместе со всей страной будем решать эти задачи, оберегая как свое самое ценное достояние общественное согласие, межнациональный мир и политическую стабильность.

А.С.ЛУКИН

Ю.В.ДЕРИШЕВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Наиболее адекватно описывающим сущность программ муниципального развития является понятие ***инвестиционных проектов***[1] Отличие программ муниципального развития от коммерческих инвестиционных проектов состоит в целевом начале: для коммерческих инвестиционных проектов главным является прибыль инвестора, а для программ муниципального развития — общественные блага.

Таким образом, программы муниципального развития — это инвестиционные проекты особого вида, представляющие собой комплекс организационных, правовых и экономических мероприятий, связанных с вложением средств (бюджетных средств, муниципального имущества, в том числе имущественных прав, привлечение частного капитала) в объекты экономической и социальной деятельности в целях достижения общественно-полезного эффекта, осу-

ЛУКИН Андрей Сергеевич, заведующий лабораторией научно-прикладных экономических исследований Вятской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат экономических наук.

ДЕРИШЕВ Юрий Викторович, соискатель кафедры организации производства и предпринимательства Вятской государственной сельскохозяйственной академии.

ществляемые в рамках отдельного муниципального образования[2] Это положение применимо, на наш взгляд, и к другим видам целевых программ. Исходя из этого можно сказать, что теоретической основой оценки эффективности программ муниципального развития должны быть методы инвестиционного анализа, для чего необходимо применять соответствующие показатели эффективности инвестиций.

На основе методов инвестиционного анализа нами разработана и обоснована методика оценки эффективности программ муниципального развития.

Важным фактором этой оценки является выявление и количественное измерение (по возможности) эффектов реализации программ муниципального развития для всех ее участников (эффект характеризует превышение результатов реализации программ муниципального развития над затратами на нее за определенный период времени). По нашему мнению, социально-экономические последствия осуществления программ муниципального развития включают как непосредственные результаты и затраты программ (прямые эффекты), так и «внешние» (косвенные эффекты): затраты и результаты в смежных секторах экономики, экологические, социальные и иные внеэкономические эффекты. В соответствии с этой классификацией в нашей методике оцениваются различные виды эффективности (см. рисунок).

Прямые эффекты отражают результаты реализации программы для ее непосредственных (прямых) участников инвестиционного проекта, лежащего в основе программы. Единым источником прямых эффектов от реализации программ муниципального развития выступает добавленная стоимость, которая может быть получена путем исключения материальных затрат из валовой выручки. На основе первичных эффектов рассматриваются соответствующие виды эффективности. При этом прямая эффективность программ муниципального развития образуется за счет следующих составляющих: коммерческая, бюджетная, социальная эффективности. Косвенные эффекты учитываются в количественной форме на основе соответствующих нормативных и методических материалов, а также с использованием экспертных оценок. Если косвенные эффекты не

Рисунок. Система эффективности программ муниципального развития

допускают количественного учета, следует провести качественную оценку их влияния.

Программа, как и любая операция, связанная с получением доходов и (или) осуществлением расходов, порождает денежные потоки (потоки реальных денег). Содержательная направленность оценки каждого вида эффективности диктуется сущностью каждого вида эффективности, проявляющейся в составе денежных потоков, присущих только данному виду эффективности, и информационных предпосылках (условиях) их измерения. В нашей методике используются денежные потоки по программе и денежные потоки для отдельных участников программы.

Показатели ***коммерческой эффективности*** проекта учитывают финансовые последствия его осуществления для участника, реализующего программные мероприятия, в предположении, что он производит все необходимые для реализации программы затраты и пользуется всеми его результатами[3]. По этой причине показатели эффективности определяются на основании денежных потоков только от инвестиционной и операционной деятельности. Основным притоком реальных денег от операционной деятельности

является выручка от продаж, а также прочие и внереализационные доходы. Оттоки — затраты на производство и сбыт. Денежные потоки по программе выражаются в прогнозных ценах. При оценке коммерческой эффективности используются показатели чистого дохода и чистого дисконтированного дохода, внутренней нормы доходности, индексы доходности инвестиций, а также сроков окупаемости.

Чистый доход (ЧД) и чистый дисконтированный доход (ЧДД) характеризуют превышение суммарных денежных поступлений над суммарными затратами по программе без учета и с учетом неравноценности эффектов (а также затрат, результатов), относящихся к различным моментам времени. Расчет показателей для коммерческой эффективности осуществляется по формулам:

$$ЧД_{ком} = \sum_{t=1}^{n} ДП_t , \qquad (1)$$

$$ЧДД_{ком} = \sum_{t=1}^{n} \frac{ДП_t}{(1+E_{ком})^t} . \qquad (2)$$

где $ДП_t$ — денежный поток в период t, рассчитанный для оценки коммерческой эффективности;

$E_{ком}$ — коммерческая норма дисконта;

n — количество периодов (шагов расчета).

Для признания проекта эффективным необходимо, чтобы ЧДД был положительным. При сравнении альтернативных вариантов программы предпочтение должно отдаваться варианту с большим значением ЧДД (при выполнении условия его положительности).

Внутренней нормой доходности (ВНД) называется такое положительное число, которое обращает ЧДД в 0. Для оценки эффективности значение ВНД необходимо сопоставлять с нормой дисконта Е. Инвестиционные проекты, у которых ВНД > Е, имеют положительный ЧДД и поэтому эффективны. Проекты, у которых ВНД < Е, имеют отрицательный ЧДД и потому неэффективны. Уравнение для расчета ВНД:

$$\sum_{t=1}^{n} \frac{ДП_t}{(1+ВНД)^t} = 0 , \qquad (3)$$

где $ДП_1$ — денежный поток в период t, рассчитанный для оценки коммерческой эффективности.

Индекс доходности инвестиций (ИД) представляет собой отношение суммы элементов денежного потока от операционной деятельности к абсолютной величине суммы элементов денежного потока от инвестиционной деятельности. Он равен увеличенному на единицу отношению ЧД к накопленному объему инвестиций:

$$ИД = \frac{\sum_{t=1}^{n} ДП_t^{опер}}{\sum_{t=1}^{n} И_t} + 1, \quad (4)$$

где $ДП_t^{опер}$ — денежный поток от операционной деятельности в период t;

$И_t$ — сумма инвестиций в период t.

Индекс доходности дисконтированных инвестиций (ИДД) — отношение суммы дисконтированных элементов денежного потока от операционной деятельности к абсолютной величине дисконтированной суммы элементов денежного потока от инвестиционной деятельности. ИДД равен увеличенному на единицу отношению ЧДД к накопленному дисконтированному объему инвестиций.

$$ИДД = \frac{\sum_{t=1}^{n} ДП_t^{опер}(1+E_{ком})^{-t}}{\sum_{t=1}^{n} И_t(1+E_{ком})^{-t}} + 1, \quad (5)$$

где $ДП_t$ — денежный поток в период t, рассчитанный для оценки коммерческой эффективности;

$E_{ком}$ — коммерческая норма дисконта;

$И_t$ — сумма инвестиций в период t;

n — количество периодов (шагов расчета).

При расчете ИД и ИДД учитываются все капиталовложения за расчетный период, включая вложения в замещение выбывающих основных фондов.

Сроком окупаемости (СО) называется продолжительность периода от начала (нулевой шаг) до момента полной окупаемости. Моментом окупаемости называется наиболее ранний период времени, после которого ЧД становится и

в дальнейшем остается неотрицательным. Срок окупаемости выступает в качестве ограничения.

Сроком окупаемости с учетом дисконтирования (ДСО) называется продолжительность периода от начального до момента окупаемости с учетом дисконтирования. Последним называется тот наиболее ранний момент времени в расчетном периоде, после которого ЧДД становится и в дальнейшем остается неотрицательным.

Основной показатель коммерческой эффективности ЧДД в силу специфики расчета объединяет в себе финансовые результаты реализации программы для всех коммерческих организаций-участников. Эффективность программы с точки зрения участников характеризуется показателями эффективности их участия в программе. Расчет соответствующих показателей базируется на той же исходной информации, что и для расчета коммерческой эффективности, с привлечением дополнительной информации об источниках и схеме финансирования программы.

Эффективность участия проектоустроителя выражается в суммах ежегодного остаточного денежного потока, который характеризует остаток денежных средств в распоряжении внешнего инвестора после расчетов с кредиторами и с бюджетом. Для оценки эффективности участия проектоустроителя в программе рассчитываются те же показатели, что и для оценки коммерческой эффективности, с учетом того, что общий денежный поток для проектоустроителя включает сальдо потоков по финансовой деятельности; денежный поток от операционной деятельности включает затраты по обслуживанию займов (кредитов); в качестве суммы инвестиций при расчете индексов доходности используется сумма вложенного собственного капитала проектоустроителя; норма дисконта для проектоустроителя должна быть не ниже достигнутого уровня рентабельности собственного капитала инвестора.

Эффективность участия кредитора возникает в случае присутствия заемных средств в структуре капитала, используемого для реализации программ муниципального развития. При этом целесообразность кредитования предприятия, реализующего проект, определяется положительной величиной потока, в котором оттоками являются средства, предостав-

ляемые по кредиту (кредитной линии), а притоками — возврат кредитных ресурсов вместе с процентами:

$$ЧДД_{кр} = \sum_{t=1}^{n} \frac{К_t + П_t - ВК_t}{(1+Е_{кр})^t}. \quad (6)$$

где $К_t$, $П_t$ — возвращаемые кредитные ресурсы и проценты в период t;

$ВК_t$ — выдаваемые кредитные ресурсы в период t;

$Е_{кр}$ — норма дисконта для кредитора.

Норма дисконта для кредитора определяется исходя из максимальной доходности альтернативных финансовых инструментов с тем же уровнем риска.

Бюджетная эффективность отражает финансовые последствия реализации программ муниципального развития для бюджета. Показатели бюджетной эффективности рассчитываются на основании определения потока бюджетных средств по программе[4] Основой расчета показателей бюджетной эффективности являются суммы налоговых поступлений в бюджет и выплат для бюджетов различных уровней. Направления в денежных потоках, связанных с бюджетами соответствующего уровня, выделяются из базовых потоков, используемых для оценки коммерческой эффективности проекта.

Критерием бюджетной эффективности выступает сумма чистых поступлений в бюджеты всех уровней от реализации программ муниципального развития. С учетом разновременности возникновения поступлений и расходов бюджетная эффективность выражается показателями чистого дохода бюджета ($ЧД_б$) и чистого дисконтированного дохода бюджета ($ЧДД_б$):

$$ЧД_б = \sum_{t=1}^{n} БП_t - БР_t, \quad (7)$$

$$ЧДД_б = \sum_{t=1}^{n} \frac{БП_t - БР_t}{(1+Е_б)^t}. \quad (8)$$

где $БП_t$ и $БР_t$ — бюджетные поступления и расходы за период t;

$Е_б$ — норма дисконта для бюджетных средств.

Бюджетная норма дисконта используется при расчетах показателей бюджетной эффективности и отражает аль-

тернативную стоимость бюджетных средств. Она устанавливается органами власти, по заданию которых оценивается бюджетная эффективность ИП (получателями бюджетного эффекта) и может определяться как отношение ставки рефинансирования, установленной ЦБ РФ, и объявленного Правительством РФ на данный год темпа инфляции. Принимается во внимание также поправка на риск, учитывающая степень ориентации ИП на использование инноваций.

По нашему мнению, ***социальная эффективность*** программы определяется через выявление и согласование интересов связанных с ней социальных групп: трудовых коллективов, участвующих в реализации программы и связывающих с ней свое материальное благополучие; потребителей, чьи интересы лежат в основе разработки самой идеи программы; иных групп, чьи интересы оказываются в зоне, затрагиваемой программой, и нарушение которых может привести к социальным конфликтам.

Социальные и иные внеэкономические результаты программ муниципального развития учитываются в расчетах эффективности, если они имеют количественное выражение. По нашему мнению, основной прямой социальный эффект от реализации программ муниципального развития, выражаемый в денежной форме, — сумма средств на выплаты работникам, задействованным в программе. Этот эффект способствует экономическому развитию, расширяет возможности трудоустройства местного населения, увеличивает поступления налогов в бюджеты разных уровней. Его расчетными формулами являются:

$$ЧД_{от} = \sum_{t=0}^{n} ДП_t^{от}, \qquad (9)$$

$$ЧДД_{от} = \sum_{t=0}^{n} \frac{ДП_t^{от}}{(1+E_{от})^t}, \qquad (10)$$

где $ДП_t^{от}$ — чистый денежный поток для работников, занятых на введенных программой объектах;

$E_{от}$ — норма дисконта для доходов, получаемых указанными работниками.

При этом не учитываются единый социальный налог и налог на доходы физических лиц (они учитываются в по-

казателях бюджетной эффективности). В данном показателе в стоимостной форме выражаются создание рабочих мест и уровень заработной платы, которые выступают в качестве дополнительных показателей. Норма дисконта для денежных потоков по оплате труда определяется исходя из уровня инфляции. Население, проживающее в зоне реализации программы, выступает в качестве потребителей услуг программы. Результатом удовлетворения потребностей этой группы населения, с точки зрения продавца, является выручка от реализации услуг, которая может служить индикатором эффекта в этой сфере.

Реализация программ муниципального развития порождает не только прямые эффекты в экономике, но и косвенные (вторичные), которые желательно учитывать в количественной форме. В случае отсутствия соответствующих нормативных и методических материалов и при существенности косвенных эффектов можно использовать приближенные методы расчетов, включая и метод экспертных оценок. Если количественно определить косвенные эффекты невозможно, то необходимо провести качественную оценку их величины.

По нашему мнению, косвенные эффекты выражаются прежде всего в добавленной стоимости сторонних организаций, полученной последними от продукции и услуг, реализованных в рамках программ муниципального развития. Сюда относится добавленная стоимость организаций, привлеченных для проектирования, строительства, поставки оборудования и комплектующих, предоставления услуг электроснабжения и пр. Конкретный перечень таких организаций определяется исходя из данных базовой модели денежных потоков. Выбор в качестве показателя рассматриваемого эффекта добавленной стоимости обусловлен экономическим содержанием этой категории: она объединяет в себе коммерческий, бюджетный и социальный эффекты для указанных организаций, вследствие чего отпадает необходимость их отдельного выделения. Общая добавленная стоимость для указанных организаций может быть рассчитана с использованием следующих формул:

$$ДС_{стор} = \sum_{i=1}^{m} \sum_{t=0}^{n} ДС_t^i , \qquad (11)$$

$$ДДС_{стор} = \sum_{i=1}^{m}\sum_{t=0}^{n}\frac{ДС_t^i}{(1+E_{стор})^t}. \quad (12)$$

где $ДС_t^i$ — добавленная стоимость, полученная i-й сторонней организацией в период t в результате взаимодействия с проектоустроителем в рамках реализации программы;

$E_{стор}$ — норма дисконта для сторонних организаций.

Добавленная стоимость, созданная каждой организацией в рамках программы, может быть представлена, по нашему мнению, в виде доли выручки этой организации (выручка равняется затратам проектоустроителя на приобретение ресурсов у организации). Например, исчисленные в рамках модели денежных потоков затраты на электроэнергию одновременно являются выручкой поставщика электроэнергии, а также частью этой выручки является добавленная стоимость поставщика электроэнергии. Таким образом,

$$ДС_t^i = ВЫР_t^i \times УД_{ДС}^i, \quad (13)$$

где $ВЫР_t^i$ — выручка i-й организации, взаимодействующей с проектоустроителем, в период t;

$УД_{ДС}^i$ — удельный вес добавленной стоимости в выручке i-й организации (удельная добавленная стоимость).

Реализация программ муниципального развития приводит в действие механизм мультипликатора. Эффект мультипликатора образуется в результате взаимосвязанного воздействия прироста объемов производства в какой-либо отрасли, вызванного увеличением инвестиций в нее, на положение и развитие в других смежных отраслях экономики. Прирост доходов под влиянием увеличения инвестиций порождает цепочку хозяйственных взаимосвязей, которая вызывает рост производства, а значит, и дохода.

Таким образом, эффекты «первой волны» для сторонних организаций (непосредственно взаимодействующих с проектоустроителем), выявляются с использованием указанных выше формул. Отследить и определить в стоимостной форме результаты дальнейшей цепной реакции с той же точностью проблематично ввиду резкого увеличения числа хозяйственных связей и отсутствия информации об этих связях. Поэтому для учета дальнейших эффектов можно

использовать коэффициенты мультипликаторов отраслевых эффектов ($m_{отр}$), характеризующих отношение изменения используемого конечного продукта к изменению добавленной стоимости отрасли. Для целей программы вновь созданная добавленная стоимость $ДС_t^i$ i-й организации характеризует изменение добавленной стоимости для отрасли, к которой принадлежит эта организация. Таким образом, с учетом отраслевых мультипликаторов общий эффект для сторонних организаций можно выразить следующим образом:

$$ЭФ_{стор} = \sum_{i=1}^{m}\sum_{t=0}^{n} ДС_t^i \times (1 + m_{отр}^i), \quad (14)$$

$$ДЭФ_{стор} = \sum_{i=1}^{m}\sum_{t=0}^{n} \frac{ДС_t^i \times (1 + m_{отр}^i)}{(1 + E_{стор})^t}, \quad (15)$$

где $m_{отр}^i$ — мультипликатор отраслевых эффектов для отрасли, к которой принадлежит i-я организация.

Косвенная выгода от создания новых рабочих мест в регионе может быть выражена через сокращение расходов на выплату пособий по безработице лицам, получившим работу в результате реализации программ муниципального развития:

$$СР_{пос} = \sum_{t=0}^{n} ПОС_t \times N_t, \quad (16)$$

$$ДСР_{пос} = \sum_{t=0}^{n} \frac{ПОС_t \times N_t}{(1 + E_б)^t}. \quad (17)$$

где $ПОС_t$ — средняя сумма пособия по безработице в период t (с учетом его повышения в течение расчетного периода);

N_t — среднее число занятых по программе в период t;

$E_б$ — норма дисконта для бюджетных средств.

Эффект от активизации застройки территории района будет являться результатом повышения привлекательности территории для проживания (как следствия улучшения социальной инфраструктуры). Активизация частной застройки выразится в увеличении денежных потоков от продажи земельных участков в районе; приросте объемов

производства подрядных организаций. При этом следует учитывать наличие временного лага между началом реализации программ муниципального развития и возникновением эффекта активизации застройки.

Повышение привлекательности района для проживания приведет к увеличению рыночной стоимости жилья в муниципальном образовании. Выгода от этого увеличения может быть представлена в виде дополнительного денежного потока (чистого дохода), получателем которого выступают все собственники жилья в районе. Этот денежный поток может быть определен следующим образом:

$$ЧД_{ж} = S_{жф} \times \Delta РЦ, \quad (18)$$

$$ЧДД_{ж} = \frac{S_{жф} \times \Delta РЦ}{(1+E_{жф})^{t=n}}. \quad (19)$$

где $S_{жф}$ — общая площадь жилого фонда микрорайона реализации программы (м^2);

ΔРЦ — прогнозное изменение рыночной цены 1 м^2 жилья по причине реализации программы;

$E_{жф}$ — норма дисконта для стоимости жилого фонда;

n — порядковый номер последнего периода горизонта планирования.

Площадь жилого фонда района ориентировочно может быть принята на уровне 100 тыс. м^2 Норма дисконта для стоимости жилого фонда может быть принята равной темпу инфляции.

Таким образом, совокупная (интегральная) эффективность определяется следующим образом:

$$Э_{инт} = ЧД_{ком} + ЧД_{б} + ЧД_{от} + ЭФ_{стор} + СР_{пос} + ЧД_{жф}, \quad (20)$$

$$ДЭ_{инт} = ЧДД_{ком} + ЧДД_{б} + ЧДД_{от} + ДЭФ_{стор} + ДСР_{пос} + ЧДД_{жф}. \quad (21)$$

При оценке региональной эффективности денежных потоков не учитываются взаиморасчеты между участниками программы. В то же время учитывается влияние реализации проекта на деятельность ее участников и сторонних предприятий. Иными словами, необходимо исключить из расчета эффекты (денежные потоки), получателем кото-

рых является внешняя среда (организации из других регионов). Таким образом, необходимо учитывать, во-первых, дополнительный эффект в смежных отраслях народного хозяйства, а социальные и экологические эффекты учитывать только в рамках региона. Во-вторых, что в денежные притоки региона включаются возникающие в связи с реализацией проекта денежные поступления (оплата произведенной в регионе продукции, платежи по предоставленным регионом займам, поступления заемных средств, субсидий и дотаций, поступающие налоги) из внешней среды (федерального центра, других регионов, иностранных источников). В-третьих, в денежные оттоки включаются платежи (за использованные ресурсы других регионов, оплата поступивших в регион ресурсов, предоставление займов, платежи по полученным займам, перечисление налогов) во внешнюю среду (в бюджет более высокого уровня, иностранным государствам, другим регионам). В-четвертых, при наличии необходимой информации учитываются изменения доходов и расходов, связанные с влиянием реализации проекта на деятельность других предприятий и населения региона (косвенные результаты проекта).

Для определения региональной эффективности программ муниципального развития может быть использована приведенная выше формула совокупной (интегральной) эффективности. Для этого из денежных потоков по каждому элементу интегральной эффективности необходимо исключить потоки, уходящие за пределы региона.

Механизм мультипликатора в регионе действует по тому же принципу, что и в экономике государства. Масштаб этого эффекта для конкретного региона определяется долей организаций, находящихся внутри региона, в общем числе организаций, увеличивших объемы своей деятельности в результате реализации программы, а также долей добавленной стоимости в общей выручке по программе для каждой организации. Таким образом, чем выше удельный вес потоков, связанных с использованием местных ресурсов, тем больший экономический эффект для региона обеспечит реализация программы. Исходя из этого приоритет должен отдаваться вариантам программы, которые будут реализовываться местными участниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Беренс В., Хавранек П.* Руководство по оценке эффективности инвестиций // Пер. с англ., 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995; *Ендовицкий Д.А.* Комплексный анализ и контроль инвестиционной деятельности: методология и практика. М., 2001; Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. М., 2000.

[2] См.: *Деришев Ю.В.* Опыт разработки и реализации программ муниципального развития в Кировской области: Монография. Киров, 2004.

[3] См.: Методические рекомендации... М., 2000.

[4] См.: *Ендовицкий Д.А.* Указ. раб.; Методические рекомендации... М., 2000.

Поступила 11.03.2005.

С.И.ЯКОВЛЕВА

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ОБОСНОВАНИЙ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ[1]

На региональном уровне интенсифицируется разработка стратегических целей и параметров перспективного развития. В ряде субъектов Российской Федерации приняты законы о прогнозировании, которые определяют правовые основы, цели и содержание системы прогнозирования, программ социально-экономического развития регионов, а также общий порядок их разработки и реализации[2]. В инициативном порядке разработаны долгосрочные стратегии социально-экономического развития федеральных округов и стратегии (концепции, стратегические планы) ряда субъектов федерации, схемы развития и размещения производительных сил региона (Свердловская и Иркутская области). Органами власти и управления субъектов федерации подготовлены и утверждены десятки региональных программ. Так как ключевая роль в системе обосновывающих документов отводится стратегии регионального развития, важен высокий методологический уровень их разработки. Все последующие документы базируются на стратегии, определяют конкретные мероприятия реализации целей и перспективных стратегических направлений. Разработчики обосновывающих документов разные: одни стратегические разработки выполнены в недрах администраций регионов, другие — с участием центров стратегических исследований[3] или совместно с научными центрами Российской академии наук. Опыт стратегического планирования сформировал разнообразные региональные версии стратегического планирования.

ЯКОВЛЕВА Светлана Ивановна, доцент кафедры социально-экономической географии Тверского государственного университета, кандидат географических наук.

Одним из базовых (фундаментальных) комплексных факторов регионального развития является территориальная инфраструктура (производственная и социально-экономическая). Сейчас важно обратиться к опыту регионов, пытающихся обосновать перспективы инфраструктурного обустройства своих территорий. Инфраструктура регионального развития пока не имеет концептуального и методологического обеспечения, а существующая потребность в нем для улучшения качества концепций и стратегических планов актуализируют исследования в этом направлении.

Нами проведен анализ практики разработки стратегических направлений развития территориальной инфраструктуры в 57 субъектах Российской Федерации по состоянию на 1 июня 2005 г. на основе документов, представленных на сайтах Интернета. Среди них: концепции и стратегии (18 регионов из 57); «сценарные» условия и «сценарии» развития регионов (2); системы региональных прогнозов (5); комплексные программы социально-экономического развития регионов (15) и паспорта программ (36); схемы размещения и развития производительных сил (2); региональные целевые программы; федеральные целевые программы развития регионов, паспорта и экспертные оценки (5).

Наиболее обстоятельно и конструктивно, на наш взгляд, инфраструктурная проблематика представлена в стратегических направлениях развития Нижегородской, Пермской, Ивановской и Ростовской областей. В нижегородской стратегии 7 частных стратегий (с инфраструктурным обоснованием); в пермской — комплексный инфраструктурный раздел, в ростовской — 10 стратегических инфраструктурных подпрограмм отраслевого и межотраслевого содержания; в ивановской — 5 отраслевых инфраструктурных стратегий и 3 частные межотраслевые стратегии (с инфраструктурным обоснованием). В Схеме РиРПС Свердловской области — предпрогнозном стратегическом документе научно-индикативного характера, обосновывается региональная стратегия развития отраслевых комплексов и территорий. Для развития положений Схемы в Свердловской области разработаны и действуют концепции отдельных отраслей и видов деятельности, в том числе концепция развития банковского сектора, реформирования ЖКХ; комплекс концепций в социальной сфере и ряд локаль-

ных — реформирования здравоохранения и др.[4] Кроме традиционной схемы развития сети автомобильных дорог также определены перспективы развития транспорта (автомобильного, железнодорожного, воздушного) и средств связи, научного потенциала и сформирован перечень важнейших объектов нового строительства, расширения, реконструкции и технического перевооружения предприятий.

При разработке региональных инфраструктурных стратегических направлений используется несколько базовых подходов. В результате проведенного анализа выполнена методологическая группировка регионов РФ (рис. 1).

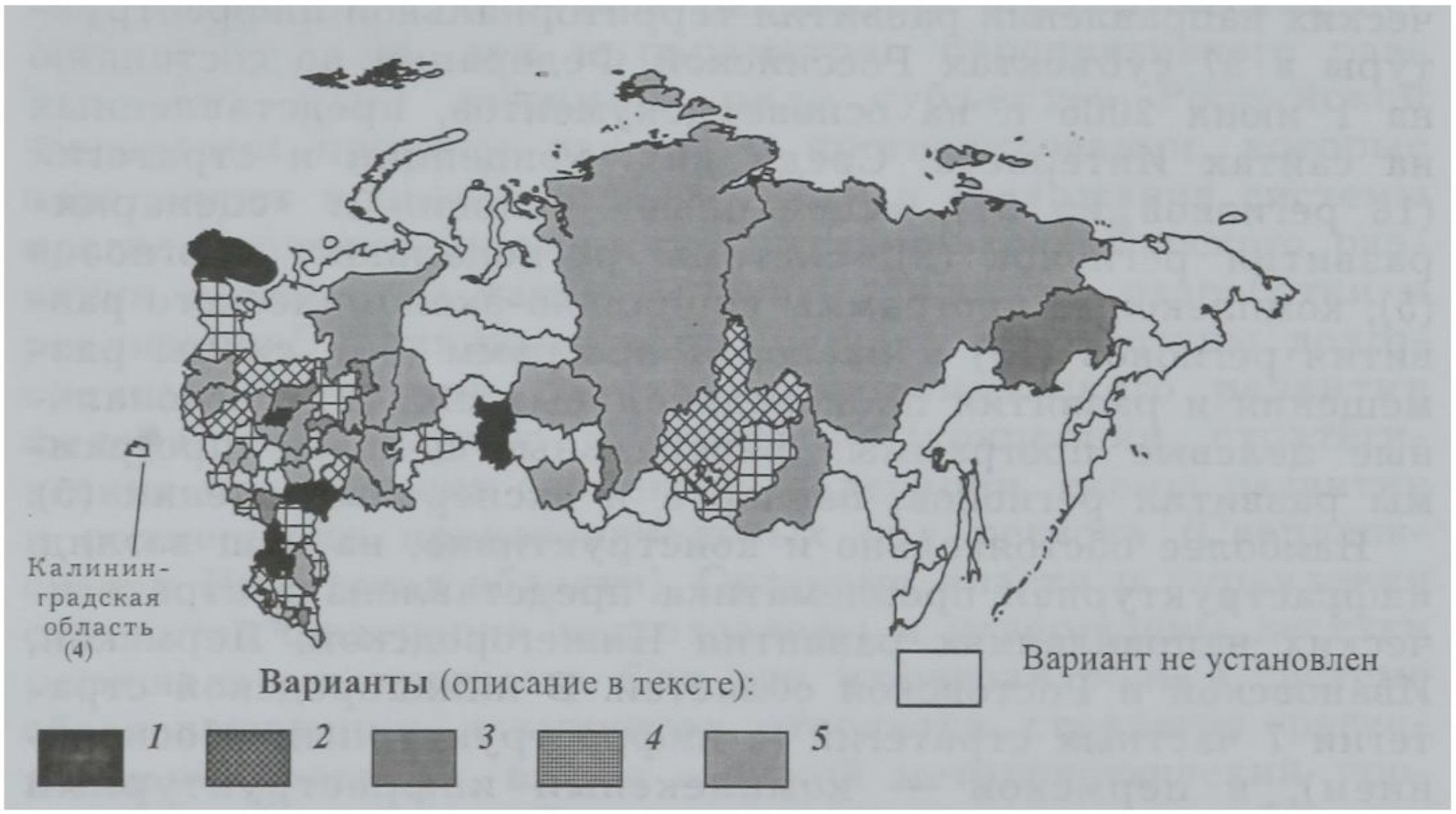

Рис. 1. Группировка регионов РФ по подходам к разработке инфраструктурных разделов территориальных прогнозов и программ

В I группу объединены регионы с *концептуальным отраслевым подходом*, когда в состав региональных стратегий (концепций) входят частные стратегии развития основных (базовых) и/или приоритетных отраслей инфраструктуры: транспорта (транспортного комплекса), ТЭК, торговли и сферы услуг, ЖКХ, отраслей социальной сферы, туризма (например, Ивановская и Ростовская области). В них дается оценка состояния и проблем, формулируются конкретные задачи и прогнозные оценки развития. Инфраструктурные проблемы и направления развития отражены

также в частных стратегиях малого предпринимательства; развития отраслей промышленности и АПК (Ивановская область). Инфраструктурные проекты (их перечни) включены в инвестиционные разделы. Примеры регионов первого типа: Ивановская, Мурманская, Ростовская и Саратовская области.

Во **II группу** мы отнесли регионы, в стратегических документах которых применен *кластерный подход*. При этом инфраструктура рассматривается в качестве базового элемента и/или «ядра» отдельных кластеров. Примером регионов второго типа являются Иркутская, Вологодская, Псковская, Самарская и Тверская области, а также Краснодарский край. Кластерный подход, как правило, применяется в сочетании с комплексным (многоотраслевым). При разработке Стратегии Вологодской области определены приоритетные «коридоры развития», в том числе для «разворачивания» промышленных кластеров. В регионах РФ формируются промышленные, социальные, научно-технические (технопарки) кластеры.

В **III группе** — регионы, в стратегических разработках которых базовым является *воспроизводственный подход*. Развитие инфраструктуры в таких регионах определено в форме восстановления и обновления: создание новых объектов, сетей (реализация инвестиционных проектов); модернизации существующих систем жизнеобеспечения; увеличение, наращивание, рост мощностей объектов (систем) сетей; строительство и реконструкция дорог, ремонт. Это регионы, слабо оснащенные инфраструктурой, стоимость фондов в расчете на душу населения в экономике составляет до 100 и менее тыс. руб.[5] Примеры регионов: Республика Адыгея, Воронежская область, Коми-Пермяцкий округ (в составе Пермской области), Костромская и Магаданская области, Республика Марий Эл, Чеченская Республика (программа восстановления), Республика Хакасия.

К **IV группе** мы отнесли регионы с *социально ориентированным подходом* к разработке стратегических направлений развития инфраструктуры. Примеры регионов: Астраханская, Белгородская, Брянская, Волгоградская, Калининградская, Кировская, Курганская и Московская области, Ставропольский край, Чувашская Республика, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Карелия.

В **V группу** объединены регионы с *комплексным подходом* к разработке концепций программ развития территориальной инфраструктуры. Это самая представительная группа (25 из 57 регионов): Алтайский край, Республика Башкортостан, Владимирская область, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия, Республика Татарстан, Республика Удмуртия, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Калужская область, Республика Коми, Красноярский край, Курская, Ленинградская область, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Пензенская, Пермская, Свердловская, Томская, Тульская, Читинская и Ярославская области. Регионы также можно подразделить на две подгруппы: с традиционным подходом, охватывая несколько инфраструктурных отраслей или только приоритетные (Ярославская область), и проблемные с частными стратегиями, в которых разрабатывается и инфраструктурная база (Пермская, Нижегородская области, Республика Коми).

Характерным примером является Нижегородская область. Выявленные проблемы социально-экономического развития области агрегированы в группы, и для решения каждой проблемы отдельно разрабатывалась частная стратегия. Комплексная стратегия развития инфраструктуры единым специальным разделом «Повышение эффективности функционирования инфраструктурных отраслей» выделена только в Стратегии Пермской области. При этом каждый отраслевой элемент инфраструктуры рассматривается как инструмент решения определенной проблемы и достижения стратегической цели. Это подчеркивается и содержательными названиями направлений: строительная отрасль как участник инвестиционного процесса; развитие образования как решающий фактор развития человеческого потенциала в регионе; финансовая инфраструктура и активный инвестиционный процесс и др.

Общая структура приоритетных мероприятий развития производственной и социальной инфраструктуры выявлена нами по количеству отраслевых инфраструктурных задач, содержащихся в текстах документов, определяющих перспективы социально-экономического развития конкретных регионов РФ (рис. 2, 3). Выявлено равное количественное соотношение задач развития производственной (52 %) и

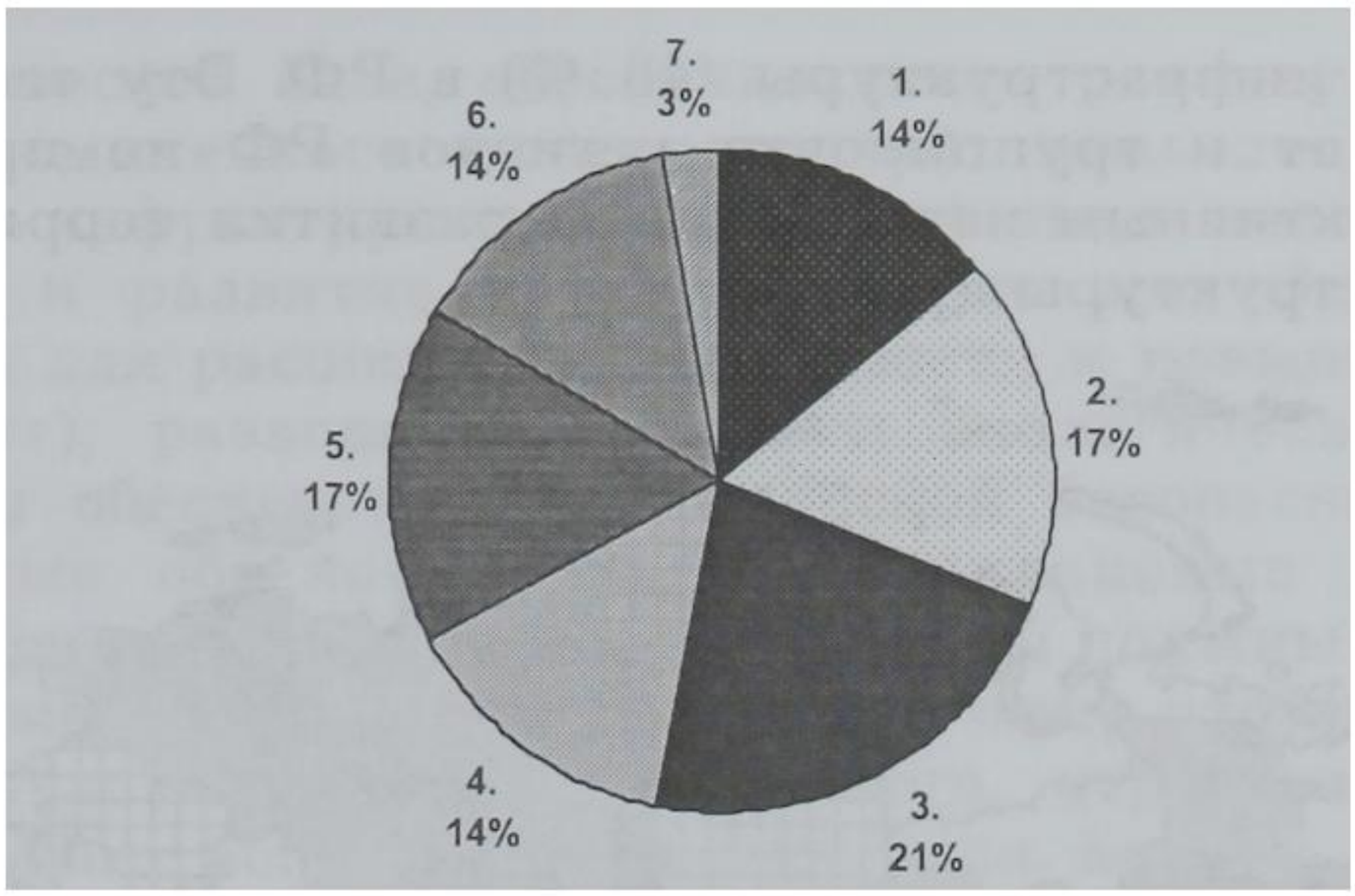

Рис. 2. Приоритетные перспективные мероприятия развития социальной инфраструктуры в регионах РФ, %:
1. Управление и совершенствование региональной нормативно-законодательной базы («мягкая» инфраструктура). *2*. Мероприятия по охране окружающей среды и предупреждению чрезвычайных ситуаций. *3*. Развитие сферы услуг и потребительского рынка. *4*. Мероприятия по реформированию системы образования, здравоохранения, науки, культуры и спорта. *5*. Реформа, модернизация и развитие жилищно-коммунального комплекса. *6*. Туристско-рекреационный комплекс. *7*. Системы правопорядка и общественной безопасности.

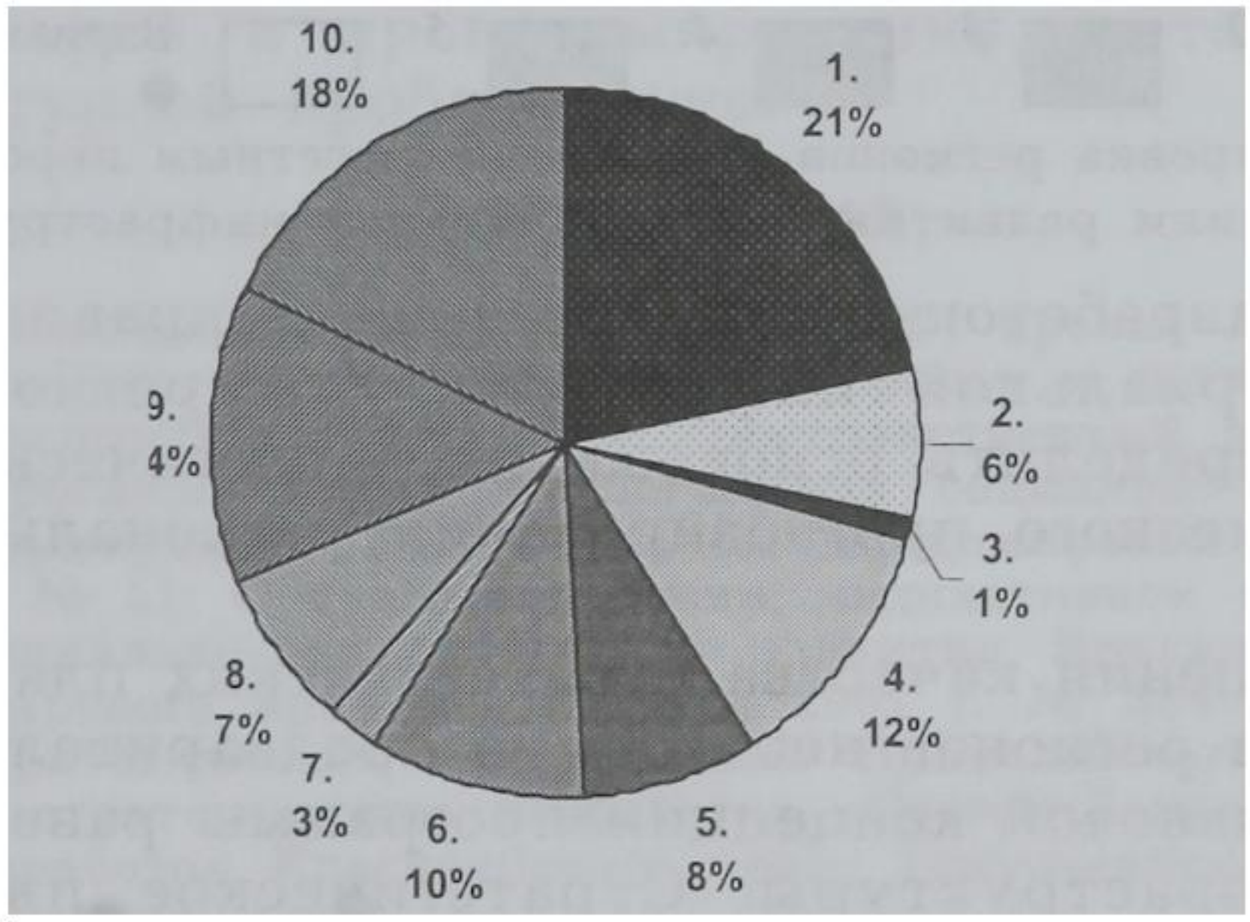

Рис. 3. Приоритетные перспективные мероприятия развития производственной инфраструктуры, %:
1. Развитие транспортно-коммуникационного комплекса. *2*. Обновление производственного потенциала промышленности, развитие производственной инфраструктуры. *3*. Формирование внутриобластных экономических кластеров. *4*. Развитие ТЭК и создание энергетической инфраструктуры. *5*. Развитие инженерной инфраструктуры (систем водоснабжения и канализации, газификация). *6*. Развитие информационной инфраструктуры, связь и телекоммуникации. *7*. Развитие региональной рыночной инфраструктуры. *8*. Развитие финансовой и инвестиционной инфраструктуры. *9*. Развитие строительного комплекса, в том числе формирование кластера «Жилье». *10*. Комплекс системообразующих инфраструктурных проектов, в том числе восстановление, модернизация.

социальной инфраструктуры (48 %) в РФ. Эту особенность подтверждает и группировка регионов РФ по приоритетным перспективным направлениям развития территориальной инфраструктуры (рис. 4).

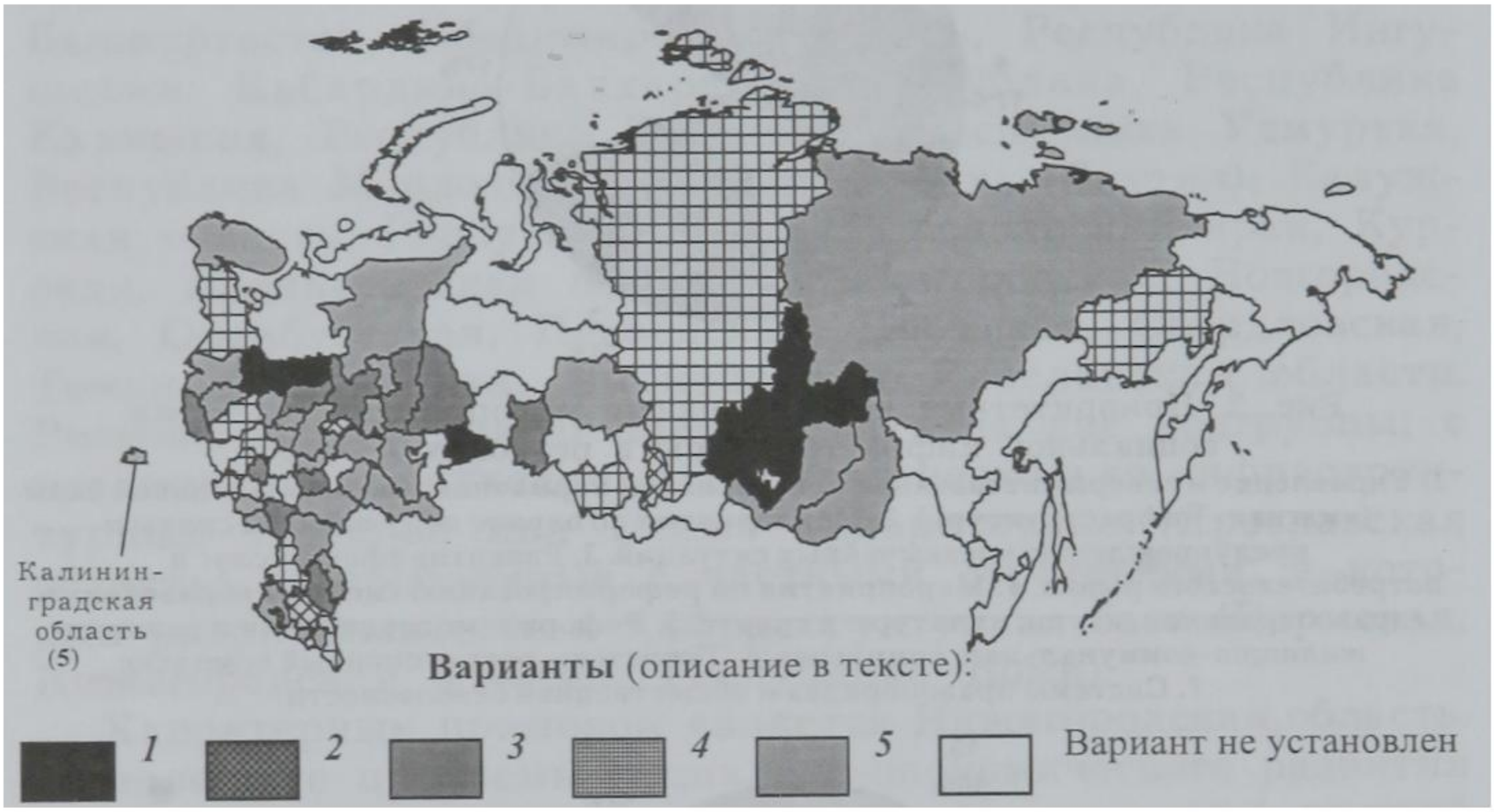

Рис. 4. Группировка регионов РФ по приоритетным перспективным направлениям развития территориальной инфраструктуры

Анализ разработок стратегических направлений развития территориальной инфраструктуры регионов России позволяет определить основные методологические принципы стратегического прогнозирования региональной инфраструктуры.

Для улучшения качества стратегических планов концепций развития регионов необходима предварительная разработка предплановой концепции программы развития региональной инфраструктуры. Стратегическое планирование развития регионов (и их инфраструктурного обустройства) должно осуществляться в контексте развития страны в целом, корреспондироваться с концепцией развития округа. Стратегическими целями развития региональной (территориальной) инфраструктуры можно признать структурную перестройку производственной инфраструктуры для решения главных внутренних проблем стратегии территориального развития (развитие транспортных, энергетических, телекоммуникационных, логистических систем на но-

вой технической базе, обеспечивающее реальную интеграцию экономического пространства); повышение уровня социально-инфраструктурного обеспечения населения (сохранение и развитие сетей комплексного обслуживания населения для расширения доступности и повышения качества услуг); разворачивание сети экологической инфраструктуры обеспечения экологической безопасности.

Основные обосновывающие предплановые документы развития региональной инфраструктуры должны найти свое место в системе прогнозирования с тем, чтобы создавать условия увязки макроэкономического, отраслевого и территориального аспектов развития, при этом в определенной мере учитывать научно-технические, естественно-природные, социальные и расселенческие факторы, а также внешние и внутренние интересы развития регионов.

Целесообразно обобщить и систематизировать опыт субъектов федерации и региональных научных центров с целью его использования при подготовке новых нормативно-методических материалов по вопросам регионального прогнозирования и программирования, в том числе по инфраструктурной проблематике.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 04-02-00194а «Социальная инфраструктура в развитии городов и регионов современной России (воспроизводственный и пространственный аспекты)».

[2] См.: О прогнозировании и программах социально-экономического развития Владимирской области: Закон Владимирской области от 30 апреля 1999 г. № 21; О прогнозировании, индикативном планировании и программах социально-экономического развития Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 10 июля 2001 г. № 384-КЗ.

[3] Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа, Центр стратегических разработок «Северо-Запад», Центр стратегических разработок Красноярского края, Тихоокеанский центр стратегического развития и др.

[4] См.: *Ковалева Г.А.* Механизм и итоги первых двух лет реализации Схемы РиРПС Свердловской области как ключевого стратегического регионального документа // Материалы Второго Всероссийского форума лидеров стратегического планирования «Стратегическое планирование в городах и регионах России — технологии успеха», Санкт-Петербург, 19—21 окт. 2003 г.

[5] Статистические данные 2003 и 2005 гг. прогноза Министерства экономического развития и торговли РФ «Социально-экономическое развитие Российской Федерации на 2005 год и основные параметры прогноза до 2007 года».

Поступила 21.06.2005.

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В I ПОЛУГОДИИ 2005 г.

Регион	Индекс промышленного производства, % к I полугодию 2004 г.	Индекс производства по видам экономической деятельности, % к I полугодию 2004 г.			Строительство жилых домов			Инвестиции в основной капитал		Иностранные инвестиции, тыс. дол. США	Оборот розничной торговли, % к I полугодию 2004 г.	Объем платных услуг населению, % к I полугодию 2004 г.	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в июне	
		добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	производство и распределение электроэнергии, газа и воды	тыс. кв. м общей площади	% к I полугодию 2004 г.	из общего объема — введено индивидуальными застройщиками, тыс. кв. метров	млн руб.	% к I полугодию 2004 г.				руб.	% к среднероссийской стоимости
1	2	3	4	5	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Российская Федерация	*104,0*	*101,4*	*105,6*	*101,8*	*14359,5*	*109,2*	*7008,7*	*1252900,7*	*109,4*	*16503334*	*111,3*	*106,0*	*4570,9*	*100*
Центральный федеральный округ	**112,8**	**96,3**	**114.6**	**103,1**	**5406,3**	**99.4**	**2188,9**	**300606,8**	**98,6**	**8318691**	**109,3**	**106,0**	**4907,3**	**107**
Белгородская область	109,5	101,9	112,6	94,3	241,7	85,6	157,9	10660,1	145,1	4408	118,3	105,3	3983,7	87
Брянская область	114,5	118,7	115,1	104,2	59,6	111,0	53,5	2201,0	86,2	8765	114,2	107,3	3847,8	84
Владимирская область	101,1	54,6	101,5	101,1	93,9	88,0	58,4	4674,8	78,0	92005	118,6	116,9	4042,7	88
Воронежская область	99,7	99,7	116,7	53,1	227,1	129,5	110,8	7405,5	86,1	32887	103,3	105,8	4204,6	92
Ивановская область	104,8	102,8	109,0	97,0	40,0	96,7	16,2	3936,5	109,3	587	103,1	111,6	4179,8	91
Калужская область	105,8	в 3,1 р.	105,2	95,7	56,9	88,0	46,0	3815,3	109,4	15434	108,8	109,2	4138,1	91
Костромская область	102,2	83,6	103,6	99,5	42,0	132,2	27,2	5489,2	110,2	42171	109,0	112,4	3914,5	86
Курская область	111,2	96,0	103,7	129,7	81,8	123,6	46,0	4987,8	75,0	1021	108,7	120,2	4059,3	89
Липецкая область	96,4	50,4	97,1	94,7	132.4	110,7	96,4	11043,5	100,4	11815	113,6	108,5	3703,5	81
Московская область	125,6	55,6	127,2	103,2	1442,5	91,4	1190,0	54241,9	85,4	1134887	123,0	103,1	4790,6	105
Орловская область	104,4	51,8	104,4	104,6	108,5	100,8	50,4	3540,3	113,6	1875	114,4	109,6	3807,4	83
Рязанская область	107,6	83,9	110,7	97,0	116,4	151,0	49,8	8381,3	145,7	6224	108,8	103,8	4065,7	89
Смоленская область	100,3	94,1	102,0	94,9	104,1	103,9	40,1	4845,1	111,6	2859	112,4	112,0	3881,3	85
Тамбовская область	92,6	86,3	90,4	101,8	126,6	126,9	96,7	4516,4	120,1	—	111,3	104,2	3775,9	83

Стоимость минимального набора продуктов питания в июне		Индекс потребительских цен, июнь, % к декабрю 2004 г.	Индекс цен производителей промышленных товаров, июнь, % к декабрю 2004 г.	Реальные денежные доходы населения, % к I полугодию 2004 г.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника, руб.	Просроченная задолженность по заработной плате на 1 июля					Безработные, тыс. чел.		Потребность предприятий и организаций в работниках, заявленная в органы государственной службы занятости на 1 июля, чел.	На 1 000 чел. населения		
						всего, млн руб.	из нее из-за недофинансирования из бюджетов всех уровней			% к фонду заработной платы организаций, имеющих задолженность	по данным обследований населения по проблемам занятости	зарегистрированные в органах государственной службы занятости на 1 июля		родившихся	умерших	естественный прирост (+), убыль (-) населения
руб.	% к среднероссийской стоимости						федерального бюджета	бюджетов субъектов РФ	местных бюджетов							
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
1398,3	*100*	*108,0*	*109,8*	*107,1*	*7933,8*	*11294,1*[1]	*200,0*[1]	*101,6*[1]	*522,9*[1]	*151,6*[1]	*5408*	*1816,3*	*1041279*	*10,2*	*16,7*	*–6,5*
1430,9	**102**	**108,1**	**105,9**	**107,3**	**8733,3**	**2145,1**	**75,5**	**8,3**	**63,0**	**155,8**	**850**	**238,2**	**320772**	**8,8**	**18,0**	**–9,2**
1222,0	87	109,9	106,4	113,2	6293,8	25,6	—	—	—	159,1	34	10,7	12011	8,9	16,7	–7,8
1154,5	83	107,9	104,5	110,1	4858,1	209,3	0,2	0,0	7,9	129,2	45	12,8	6427	8,9	20,4	–11,5
1371,7	98	109,0	103,3	107,0	5894,2	124,2	1,5	—	—	215,5	66	17,6	9482	9,4	20,9	–11,5
1336,6	96	106,8	106,7	103,4	5129,2	122,3	—	—	15,0	121,7	88	22,8	20418	8,5	19,7	–11,2
1302,4	93	107,9	103,5	103,6	4951,1	56,2	—	—	0,1	128,1	30	13,3	9061	8,6	23,0	–14,4
1362,0	97	106,8	107,3	107,3	6456,1	19,8	—	—	0,5	106,6	39	4,5	7260	8,7	19,9	–11,2
1307,7	94	107,5	110,7	111,6	5448,6	98,0	0,3	0,5	3,8	177,3	18	5,6	6144	9,7	22,5	–12,8
1266,6	91	106,8	109,1	103,0	5193,3	139,5	0,1	—	—	232,6	42	10,3	6234	8,7	20,9	–12,2
1218,9	87	106,9	105,0	113,1	6370,5	45,7	0,4	—	—	212,4	32	4,6	6569	9,4	18,3	–8,9
1430,9	102	109,3	107,3	105,9	8844,2	117,2	18,4	—	—	133,6	145	37,2	43026	8,9	17,8	–8,9
1241,2	89	107,2	106,3	110,5	5043,3	92,4	—	2,0	3,6	206,7	26	7,6	4412	8,5	19,2	–10,7
1303,2	93	107,1	107,0	109,1	5765,9	55,2	—	—	—	140,1	41	7,0	6785	8,5	20,9	–12,4
1362,2	97	109,1	100,0	106,3	5802,4	54,6	—	—	3,9	112	41	5,4	4571	8,7	22,7	-14,0
1176,6	84	105,9	107,0	108,2	4687,5	173,8	—	—	—	169,3	36	15,4	3960	8,5	20,5	–12,0

1	2	3	4	5	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Тверская область	101,2	79,7	90,7	114,2	91,3	80,0	72,5	8094,9	67,7	415	127,5	132,0	4302,4	94
Тульская область	108,5	131,8	108,9	105,1	57,3	67,0	45,9	5555,5	109,2	56876	113,8	102,8	4041,0	88
Ярославская область	102,9	67,3	103,0	102,4	64,9	136,9	31,1	12890,1	137,8	38198	111,6	111,7	3977,8	87
г.Москва	116,2	114,7	117,1	111,2	2319,4	101,6	—	144327,7	100,6	6868264	105,6	105,2	6760,0	148
Северо-Западный федеральный округ	**110,5**	**114,1**	**111,0**	**105,2**	**1380,3**	**114,6**	**365,2**	**164938,7**	**111,9**	**1260276**	**114,1**	**104,5**	**4743,5**	**104**
Республика Карелия	123,6	118,8	127,7	105,2	25,1	126,6	10,5	5798,6	89,0	13462	105,4	101,2	4427,2	97
Республика Коми	103,5	106,7	101,4	97,9	15,9	54,5	12,1	19318,4	137,7	81028	112,5	100,2	5260,1	115
Архангельская область	106,4	119,1	98,6	101,1	47,0	155,0	19,5	17352,7	110,4	73923	113,2	95,9	4689,2	103
в том числе														
Ненецкий авт.округ	121,3	119,4	100,5	133,5	14,3	в 3,8 р.	0,7	9497,3	108,3	38695	108,0	107,8	7244,8	158
Вологодская область	101,5	72,9	101,7	99,3	79,4	106,0	27,8	25111,3	150,2	389013	105,7	105,3	4247,4	93
Калининградская область	127,2	145,2	119,8	104,7	146,7	120,3	50,3	9269,3	123,2	18258	113,1	109,3	4911,1	107
Ленинградская область	109,7	87,6	107,5	122,4	177,3	92,7	160,8	23878,3	83,1	138943	118,8	112,1	4593,1	100
Мурманская область	100,0	101,2	99,1	100,2	1,4	в 8,6 р.	1,1	6994,0	125,8	14540	106,7	113,4	6196,8	136
Новгородская область	107,0	113,7	110,4	83,0	43,4	83,7	24,7	3913,3	109,6	61499	113,2	109,5	4208,5	92
Псковская область	100,1	85,5	103,1	91,4	26,0	56,7	19,2	1819,1	71,4	3141	110,4	102,2	3785,2	83
г.Санкт-Петербург	114,8	в 3,7 р.	116,5	103,4	817,9	128,0	39,2	51483,7	111,3	466469	118,6	103,2	4805,6	105
Южный федеральный округ	**109,0**	**101,3**	**1113**	**102,4**	**2480,2**	**109,6**	**1732,6**	**99192,6**	**106,2**	**445425**	**114,4**	**108,9**	**4219,4**	**92**
Республика Адыгея	113,7	126,9	121,2	92,1	27,8	189,7	23,0	737,6	103,3	609	115,2	129,6	4153,2	91
Республика Дагестан	158,3	97,8	в 2,4 р.	98,8	177,4	138,9	148,0	6271,3	121,1	—	130,5	130,6	3820,0	84
Республика Ингушетия	102,0	103,5	75,2	...	3,2	123,5	3,2	475,6	148,0	—	91,4	96,1	4101,1	90
Кабардино-Балкарская Республика	115,2	42,0	118,1	109,3	106,1	103,0	104,0	2106,0	81,2	—	110,5	105,1	3821,3	84
Республика Калмыкия	96,7	96,2	104,2	86,9	24,0	96,7	11,9	816,9	126,5	—	101,0	117,0	3970,6	87
Карачаево-Черкесская Республика	85,0	98,0	82,6	92,4	27,1	89,2	21,3	1522,8	125,9	—	116,3	100,6	3910,8	86
Республика Северная Осетия — Алания	86,6	115,7	84,7	93,3	47,9	103,1	31,3	1941,6	141,1	—	116,0	108,7	3749,8	82
Чеченская Республика		...	..	...	—	—	—	2218,1	164,7	—	119,7	...	...	...
Краснодарский край	104,9	100,4	106,7	100,7	908,4	116,7	643,8	33316,6	94,7	207894	111,6	109,4	4493,9	98
Ставропольский край	98,4	88,0	98,6	101,9	332,5	119,4	209,2	9680,5	100,7	24045	114,0	114,8	4529,5	99
Астраханская область	102,6	103,9	101,2	107,4	146,8	67,9	105,4	6352,7	74,6	22026	105,9	98,1	3923,3	86
Волгоградская область	103,0	102,3	101,5	109,4	157,1	102,5	100,1	13473,0	135,1	7743	116,7	104,4	4156,1	91
Ростовская область	120,1	110,3	124,9	98,8	521,9	107,1	331,3	20279,9	120,3	183108	113,0	103,9	4273,5	93

Продолжение

17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
1414,1	101	109,3	105,4	119,4	6102,6	140,0	0,1	0,8	0,3	147,4	41	6,6	9069	9,4	24,2	−14,8
1343,6	96	109,5	108,4	103,8	5957,1	205,7	4,2	5,1	27,9	116,3	40	9,6	8243	7,9	22,9	−15,0
1395,6	100	109,3	104,9	100,0	6835,8	72,5	—	—	—	106,6	31	11,6	12254	9,3	20,7	−11,4
1690,5	121	108,1	104,6	107,8	12806,5	393,0	50,2	—	—	220,1	54	35,5	144846	8,7	12,6	−3,9
1482,8	**106**	**108,1**	**109,6**	**108,6**	**9191,1**	**668,1**	**16,8**	**8,8**	**25,1**	**99,9**	**433**	**127,3**	**129802**	**9,3**	**18,2**	**−8,9**
1529,8	109	107,9	128,3	99,9	8239,5	134,3	0,7	3,6	7,2	173,9	34	12,3	6094	10,2	18,7	−8,5
1579,2	113	107,2	125,5	104,2	11165,8	121,9	0,9	—	0,1	150,1	70	14,4	7263	11,1	15,8	−4,7
1487,3	106	105,9	116,0	106,9	9262,0	131,1	1,3	—	—	117,1	38	14,6	6917	11,0	17,6	−6,6
2457,8	176	105,4	134,4	118,9	21650,7	26,9	—	—	—	117,5	2	0,9	162	14,7	11,7	+3,0
1425,8	102	106,9	101,4	105,2	8526,4	49,6	—	0,4	7,3	49,3	32	12,1	9784	10,5	19,5	−9,0
1458,1	104	108,3	111,3	117,6	7009,1	7,8	0,1	—	1,4	33,8	29	9,1	8844	9,3	19,3	−10,0
1501,7	107	109,6	105,6	103,3	8023,9	40,1	0,6	—	5,2	58,7	73	9,9	15719	7,8	20,9	−13,1
1715,5	123	109,7	116,3	98,5	11763,6	64,4	0,2	—	0,4	82,4	48	18,2	8548	9,8	13,4	−3,6
1389,7	99	108,6	110,7	105,2	6387,1	26,9	—	1,3	0,7	72,5	18	5,0	5277	9,2	23,3	−14,1
1318,1	94	106,1	106,0	109,5	5475,4	38,5	0,1	2,8	2,8	105,1	21	11,3	3773	8,7	25,7	−17,0
1488,4	106	108,8	106,3	113,2	10067,3	53,6	13,0	0,8	—	98,2	69	20,5	57583	8,5	16,3	−7,8
1348,4	**96**	**110,6**	**108,6**	**111,0**	5377,2	**1219,4**[1]	**15,6**[1]	**12,4**[1]	**79,6**[1]	**164,5**[1]	**1214**	**616,3**	**135120**	**11,3**	**13,8**	**−2,5**
1298,2	93	107,4	106,8	110,7	4936,7	44,8	—	—	0,1	370	28	10,4	2101	10,0	15,7	-5,7
1269,5	91	110,5	113,5	141,5	3569,0	58,8	—	—	5,7	250,5	289	55,8	761	14,9	6,0	+8,9
1462,5	105	110,7	111,4	118,0	5319,9	16,6	—	—	—	520,7	83	48,8	91	14,2	4,0	+10,2
1269,1	91	110,9	110,9	103,3	4311,5	50,7	—	—	6,0	219,1	78	35,7	2294	9,8	10,4	−0,6
1232,2	88	109,0	108,4	79,9	4080,6	32,5	—	—	—	161,1	29	5,9	470	13,2	11,7	+1,5
1287,3	92	110,8	110,6	102,8	4507,1	47,7	—	0,6	20,7	164,5	15	7,7	744	12,1	12,7	−0,6
1338,1	96	110,8	99,7	116,6	4276,2	64,0	0,2	3,2	13,5	271	28	14,4	1563	10,6	12,7	−2,1
1521,6	109	107,5	119,1	...	...	1215,2	57,0	53,9	156,8		-	323,4	787	24,6	5,3	+19,3
1416,5	101	110,7	109,1	111,9	5942,0	146,2	0,4	0,1	2,9	202,6	179	19,7	48350	10,0	16,6	−6,6
1342,4	96	109,0	107,1	110,6	5014,0	118,7	0,5	1,5	4,4	160,4	98	26,1	14599	10,0	15,0	−5,0
1325,5	95	110,7	108,3	99,6	6640,4	112,6	—	0,1	6,6	159	61	10,8	4712	11,8	16,2	−4,4
1320,8	94	112,3	111,1	105,5	5549,1	344,3	4,0	7,0	19,8	105,5	114	20,3	26467	9,2	16,3	−7,1
1365,9	98	112,4	107,0	106,7	5522,6	182,6	10,5	—	—	288,1	211	37,4	32181	9,0	16,9	−7,9

1	2	3	4	5	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Приволжский федеральный округ	**102,2**	**101,4**	**102,4**	**102,7**	**2615,7**	**114,6**	**1619,5**	**192264,3**	**111,7**	**693851**	**111,5**	**107,6**	**4126,5**	**90**
Республика Башкортостан	105,5	98,6	108,9	102,5	593,8	110,1	396,4	27192,8	106,8	11395	113,5	107,0	3844,9	84
Республика Марий Эл	111,9	82,3	112,9	109,3	62,9	111,8	40,4	2549,0	100,3	247	108,9	103,8	3690,6	81
Республика Мордовия	103,5	39,0	103,7	103,3	48,3	110,1	36,6	4252,0	106,9	34898	110,3	101,8	3930,7	86
Республика Татарстан	103,6	102,5	105,6	100,1	348,6	118,5	292,2	45966,7	141,1	96695	120,7	119,9	3933,7	86
Удмуртская Республика	102,8	110,8	93,1	101,6	78,4	118,6	77,3	6564,7	104,5	68644	106,1	102,2	3845,3	84
Чувашская Республика	103,3	169,0	105,4	94,5	194,1	115,4	100,5	6879,1	114,9	12044	114,3	102,2	3693,6	81
Кировская область	95,7	101,7	94,4	100,3	73,4	128,6	29,8	4208,0	104,5	3644	107,6	97,2	4172,8	91
Нижегородская область	102,2	...	102,2	102,6	233,3	95,0	113,9	19889,7	92,0	38674	105,7	103,5	4383,9	96
Оренбургская область	101,5	101,5	106,2	92,5	183,6	103,9	158,0	12591,9	108,7	60838	125,4	108,6	3854,5	84
Пензенская область	107,0	100,4	109,0	101,5	79,6	106,4	57,7	4659,7	107,7	2285	107,2	107,5	3926,1	86
Пермская область	99,9	101,8	100,1	98,0	199,5	124,9	78,7	18435,0	92,0	128362	111,4	102,4	4596,6	101
в том числе														
Коми-Пермяцкий авт.округ	74,0	—	72,3	82,0	1,5	79,5	1,5	451,3	312,9	485	104,1	90,9	3636,9	80
Самарская область	98,9	86,2	99,6	108,0	283,5	174,6	121,2	22768,4	106,1	233471	108,5	108,5	4922,6	108
Саратовская область	105,9	104,8	106,5	104,2	176,2	104,4	83,0	11434,4	143,3	2443	113,1	111,9	4005,0	88
Ульяновская область	91 ,8	128,7	79,1	121,1	60,6	88,2	33,9	4872,9	109,2	211	103,3	108,0	3935,6	86
Уральский федеральный округ	**103,7**	**102,6**	**106,3**	**102,7**	**963,2**	**117,4**	**425,0**	**216027,0**	**97,1**	**1235441**	**118,4**	**106,1**	**4570,7**	**100**
Курганская область	103,1	135,8	103,6	98,4	40,4	147,8	28,7	2482,5	111,4	1088	111,0	106,4	4073,4	89
Свердловская область	104,2	99,1	104,9	100,1	289,8	116,3	137,8	30942,3	102,8	794245	123,5	105,8	4363,1	95
Тюменская область	104,1	102,6	116,1	105,5	407,4	117,4	127,9	154118,3	93,3	60747	109,2	102,3	5560,0	122
в том числе														
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	105,5	104,2	117,7	106,2	120,4	96,3	32,4	87296,8	98,8	48690	109,6	100,7	6105,7	134
Ямало-Ненецкий авт.округ	99,0	98,7	102,0	100,6	38,5	122,3	8,4	55179,6	86,1	10150	108,7	100,4	6993,2	153
Челябинская область	103,4	98,2	104,0	98,1	225,6	114,4	130,5	28483,9	114,3	379361	126,6	113,3	4059,4	89
Сибирский федеральный округ	**100,6**	**100,5**	**100,5**	**100,7**	**1113,6**	**124,9**	**564,41**	**18432,6**	**123,0**	**1404722**	**113,1**	**106,6**	**4385,7**	**96**
Республика Алтай	84,1	87,3	83,5	69,7	5,2	87,2	5,2	924,1	139,2	—	105,7	104,6	4439,1	97
Республика Бурятия	95,9	103,2	85,5	106,5	49,4	103,6	43,7	1876,5	63,6	7581	107,0	109,1	5112,3	112
Республика Тыва	106,8	122,5	78,3	105,2	3,2	60,7	1,5	245,3	74,7	—	108,9	99,4	4572,1	100
Республика Хакасия	103,5	105,1	76,0	96,4	47,8	128,0	22,1	3442,0	158,1	1660	102,6	100,8	4365,5	96
Алтайский край	90,8	100,9	86,7	101,5	111,3	119,2	99,4	7956,2	133,9	752	110,1	108,6	4080,0	89
Красноярский край	97,6	93,6	98,4	98,0	133,4	105,2	71,3	24551,2	142,3	212701	107,2	98,4	4819,5	105

Продолжение

17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
1275,8	**91**	**107,5**	**107,8**	**108,6**	**6079,5**	**2396,6**	**67,4**	**9,4**	**48,1**	**146,6**	**1180**	**259,3**	**177401**	**9,8**	**170**	**–7,2**
1223,1	87	107,8	109,2	106,3	6287,0	249,4	28,9	—	—	139,4	135	28,7	19064	11,0	14,7	–3,7
1230,4	88	106,7	102,9	108,4	4758,9	36,0	0,1	0,3	0,2	86,6	37	8,3	4404	10,8	17,9	–7,1
1263,2	90	106,2	113,4	104,1	4718,9	137,0	0,1	0,0	5,6	181,0	26	6,9	4615	8,8	17,8	–9,0
1213,9	87	107,6	111,2	118,2	6632,0	119,3	—	0,1	1,4	101,0	130	35,3	21749	9,7	14,2	–4,5
1230,7	88	106,3	108,7	103,3	6131,5	176,5	0,3	—	3,0	113,4	70	16,3	15102	11,2	16,0	–4,8
1186,0	85	106,2	106,4	112,2	4825,8	65,0	—	—	—	130,5	62	13,0	8185	10,2	15,6	–5,4
1290,8	92	107,5	109,8	102,2	5236,8	162,9	—	—	1,1	118,6	67	21,1	12029	9,4	20,0	–10,6
1348,1	96	108,7	107,1	103,5	6135,0	196,9	24,7	0,9	7,1	191,7	125	14,7	19577	8,7	20,7	–12,0
1213,5	87	108,4	107,9	116,8	5604,1	261,9	0,9	5,6	4,4	286,6	111	9,3	8317	10,4	16,1	–5,7
1233,6	88	108,0	106,5	105,5	5041,5	130,0	5,4	—	—	176,6	44	11,1	6731	8,2	19,0	–10,8
1300,4	93	107,3	106,5	104,9	7135,5	242,8	1,1	—	4,1	213,3	99	20,5	11470	11,0	18,4	–7,4
1132,2	81	106,6	108,7	101,0	4244,0	8,5	—	—	—	262,1	7	2,3	260	11,9	24,3	–12,4
1471,1	105	107,8	105,3	111,8	7132,7	214,1	1,9	—	5,1	117,8	92	29,1	16058	9,6	16,7	–7,1
1266,0	91	107,1	105,8	105,6	5295,3	165,8	0,8	2,4	8,6	143,2	137	23,0	23383	9,0	17,4	–8,4
1228,0	88	106,5	106,5	99,3	5110,3	239,1	3,1	0,1	7,5	120,2	45	22,1	6717	8,4	17,6	–9,2
1437,5	**103**	**107,3**	**117,7**	**109,1**	**10749,3**	**724,1**	**0,4**	—	**15,6**	**157,7**	**470**	**130,7**	**91626**	**11,2**	**15,3**	**–4,1**
1227,0	88	108,6	105,6	104,0	5295,9	95,7	0,4	—	0,2	230,0	65	13,3	6951	10,6	18,7	–8,1
1426,0	102	108,5	113,9	112,8	8055,0	136,0	—	—	0,4	121,9	161	38,8	43090	10,4	17,3	–6,9
1689,3	121	106,7	123,3	102,2	18016,2	250,6	—	—	15,0	108,9	140	41,9	25298	13,2	9,9	+3,3
1720,4	123	105,3	124,3	104,7	20381,1	60,7	—	—	—	266,7	78	19,1	10172	13,7	7,0	+6,7
1969,8	141	110,9	123,0	92,3	26642,6	162,9	—	—	15,0	90,7	21	7,5	3338	14,1	5,6	+8,5
1279,8	92	107,4	104,5	118,6	7054,5	241,8	—	—	—	319,1	104	36,7	16287	10,4	16,9	–6,5
1352,5	**97**	**107,1**	**112,2**	**108,3**	**7544,1**	**2240,6**	**11,2**	**6,5**	**69,4**	**171,7**	**956**	**326,2**	**140367**	**11,5**	**17,0**	**–5,5**
1298,1	93	107,3	99,1	110,9	5456,1	2,6	—	—	0,7	86,3	7	5,5	798	17,7	16,4	+1,3
1482,8	106	112,1	109,6	105,6	7228,0	148,1	—	0,3	4,5	125,0	64	13,1	4103	14,1	16,0	–1,9
1443,8	103	106,5	111,4	105,1	6543,6	55,8	0,6	4,6	8,6	120,2	28	12,9	348	20,2	14,3	+5,9
1436,0	103	106,7	99,9	100,6	7309,1	19,2	—	—	0,0	87,7	30	8,1	3656	11,4	17,9	–6,5
1205,2	86	109,4	107,1	104,1	4609,4	445,5	—	0,9	13,6	158,3	139	67,7	16065	10,7	17,4	–6,7
1511,6	108	105,9	116,7	101,7	9726,7	226,0	1,7	0,1	5,2	204,6	135	54,0	19147	11,0	16,0	–5,0

1	2	3	4	5	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
в том числе														
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт.округ	90,2	90,8	64,0	95,1	0,1	—	—	506,2	38,9	—	106,5	110,0	7750,4	170
Эвенкийский авт.округ	91,1	97,2	135,6	84,1	1,5	107,1	1,4	250,4	74,7	—	104,8	69,8	6653,8	146
Иркутская бласть	103,3	109,9	101,9	104,8	72,5	120,6	36,5	11258,3	112,8	75807	112,3	112,0	4486,7	98
в том числе														
Усть-Ордынский Бурятский авт.округ	77,2	70,5	66,5	96,7	0,4	175,2	0,4	136,3	76,1	—	113,2	117,8	4181,8	91
Кемеровская область	103,1	98,3	108,0	104,0	137,6	107,8	89,3	31126,0	148,7	150588	113,9	109,1	4033,5	88
Новосибирская область	106,1	141,5	105,6	99,0	91,0	122,5	57,5	12483,1	108,8	39035	120,6	109,1	4359,7	95
Омская область	112,2	163,1	113,1	92,3	305,3	184,9	93,3	13509,8	148,2	883819	117,0	106,4	3850,3	84
Томская область	89,4	78,2	98,1	96,6	132,0	125,7	28,8	5809,6	47,9	28272	125,4	107,8	5036,2	110
Читинская область	94,3	94,4	73,6	101,2	24,8	57,7	15,8	5250,6	136,6	4507	103,9	107,0	4380,4	96
в том числе														
Агинский Бурятский авт.округ	139,8	113,7	в 2,0 р.	95,9	8,8	201,8	3,0	374,1	110,9	7	119,2	125,4	4370,6	96
Дальневосточный федеральный округ	97,9	92,3	108,1	99,7	279,3	113,7	107,6	103241,9	139,0	3144928	113,6	103,9	6096,1	133
Республика Саха (Якутия)	92,9	93,5	95,1	93,5	37,9	81,3	27,2	17107,4	131,3	591865	101,9	107,8	6466,6	141
Приморский край	118,3	122,1	121 ,2	110,9	84,3	93,7	45,6	6908,3	98,6	10795	119,7	99,7	5702,8	125
Хабаровский край	91,3	72,0	100,5	97,5	71,5	162,4	12,3	12822,8	107,3	72643	112,0	105,5	6017,1	132
Амурская область	97,5	114,5	95,4	92,8	52,5	165,0	10,8	8096,9	105,4	9469	116,1	104,1	5268,9	115
Камчатская область	1 08,4	80,0	117,2	109,4	5,5	171,3	1,3	2068,4	106,7	11388	101,1	94,2	7903,8	173
в том числе														
Корякский авт.округ	81,4	78,3	68,8	92,7	—	—	—	99,3	23,9	—	99,3	91,2	8388,9	184
Магаданская область	108,3	109,7	103,3	96,8	0,3	129,6	0,3	1722,0	107,9	10054	106,8	93,6	6194,8	136
Сахалинская область	92,0	89,9	95,0	101,1	12,8	70,2	8,1	50358,3	178,9	2438533	132,6	113,8	7181,2	157
Еврейская авт.область	101,7	93,3	103,7	100,8	6,4	113,0	2,0	2444,7	227,1	181	104,2	108,4	5212,2	114
Чукотский авт.округ	99,1	89,9	160,2	133,4	8,0	134,4	—	1713,1	115,1	—	95,0	104,1	9948,7	218

[1] Без учета данных по Чеченской Республике

Окончание

17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
2819,5	202	107,1	105,8	91,7	19187,3	10,3	0,1	—	—	137,1	3	1,5	228	13,1	8,6	+4,5
2329,7	167	133,2	256,7	82,1	12987,4	0,7	0,2	—	—	111,9	0	0,7	42	16,3	15,0	+1,3
1455,7	104	105,4	108,1	114,0	8486,9	382,2	1,7	0,2	18,1	277,8	133	32,0	13276	12,0	17,6	−5,6
1319,7	94	104,4	99,5	112,0	4151,4	20,0	—	—	1,4	409,2	8	2,4	197	14,9	16,8	−1,9
1264,8	90	106,6	112,9	109,8	8089,3	69,2	0,1	0,1	1,3	82,7	129	52,5	35098	10,9	19,4	−8,5
1322,9	95	107,0	105,8	115,8	6820,6	327,0	6,3	—	1,0	174,8	111	22,0	28014	10,8	16,4	−5,6
1193,5	85	108,0	109,8	108,1	6585,8	322,4	0,4	0,1	0,0	200,4	74	22,4	11081	10,5	15,7	−5,2
1326,4	95	107,5	124,4	108,4	8965,9	73,4	—	—	0,4	107,6	50	23,2	7130	11,1	14,9	−3,8
1469,5	105	107,7	107,8	109,4	7142,0	169,2	0,5	0,1	16,0	196,2	56	12,8	1651	13,4	17,9	−4,5
1381,4	99	104,6	100,0	114,0	4635,1	5,6	0,2	—	—	201,8	2	1,8	61	16,3	13,3	+3,0
1846,0	**132**	**108,6**	**108,5**	**106,9**	**10517,8**	**1900,2**	**13,0**	**56,2**	**222,0**	**150,4**	**306**	**118,4**	**46191**	**11,5**	**15,8**	**−4,3**
1987,2	142	107,3	108,7	105,3	12624,6	97,5	—	—	—	85,7	50	10,3	5494	14,4	10,3	+4,1
1754,2	125	107,2	105,3	112,2	8669,1	374,3	11,4	—	4,5	166,7	96	43,1	14873	10,4	16,9	−6,5
1751,2	125	109,3	106,6	102,5	9981,9	373,2	0,9	22,3	68,8	141,1	54	27,6	9831	11,0	16,9	−5,9
1517,5	109	109,0	112,6	105,8	8193,0	164,6	0,4	—	10,9	197,5	46	17,8	3555	12,1	17,5	−5,4
2385,6	171	117,0	103,6	100,4	14098,3	371,8	—	29,9	101,0	177,6	18	8,1	4582	11,1	12,5	−1,4
3497,8	250	104,0	92,0	93,7	15614,3	217,7	—	9,4	33,1	229,6	1	1,7	41	12,5	22,0	−9,5
2220,1	159	107,1	103,2	101,2	13035,5	102,6	0,2	3,1	—	154,7	9	5,0	1027	10,5	13,7	−3,2
2109,7	151	108,6	118,7	114,6	13870,4	352,1	0,1	—	36,8	163,0	22	4,0	4997	11,1	17,8	−6,7
1736,0	124	109,9	105,9	100,2	7678,6	16,4	—	0,9	—	177,5	8	1,4	649	11,7	18,6	−6,9
4342,0	311	111,6	122,5	94,5	20417,5	47,7	—	—	—	62,5	1	1,0	1183	15,9	11,8	+4,1

ВЕЛИЧИНА ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА, УСТАНОВЛЕННАЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ «О ПРОЖИТОЧНОМ МИНИМУМЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», ЗА II КВАРТАЛ 2005 г.

по состоянию на 25 августа 2005 г.;
в среднем на душу населения; руб. в месяц

Регион	Все население	В том числе по социально-демографическим группам		
		трудоспособное население	пенсионеры	дети
1	2	3	4	5
Российская Федерация[1]	***2 451***	***2 690***	***1 849***	***2 394***
Центральный федеральный округ				
Белгородская область	2 397	2 625	1 825	2 376
Брянская область	2 247	2 452	1 740	2 298
Владимирская область	2 569	2 814	2 008	2 528
Воронежская область	2 499	2 748	1 932	2 484
Ивановская область	2 673	2 897	2 095	2 705
Калужская область	2 651	2 888	2 036	2 666
Костромская область	2 574	2 809	2 038	2 462
Курская область	2 535	2 757	2 118	2 350
Липецкая область	2 240	2 463	1 662	2 255
Московская область	3 264	3 707	2 350	3 085
Орловская область	2 367	2 546	2 036	2 270
Рязанская область	2 518	2 749	2 000	2 545
Смоленская область	2 554	2 786	1 957	2 570
Тамбовская область	2 143	2 365	1 679	2 129
Тверская область	2 787	3 086	2 149	2 767
Тульская область	2 512	2 795	1 969	2 542
Ярославская область	2 620	2 901	1 979	2 585
г. Москва	4 216	4 856	2 890	3 833
Северо-Западный федеральный округ				
Республика Карелия	3 164	3 461	2 486	2 922
Республика Коми	3 649	3 933	2 772	3 544
Архангельская область	3 184	3 490	2 407	3 043
Вологодская область	2 733	2 998	2 064	2 599
Калининградская область	3 134	3 449	2 248	2 931
Ленинградская область	2 766	2 948	2 048	2 696
Мурманская область	4 360	4 630	3 256	4 150
Новгородская область	2 742	3 022	2 086	2 722
Псковская область	2 287	2 540	1 716	2 177
г. Санкт-Петербург	3 198	3 664	2 329	2 790
Ненецкий авт. округ	5 028	5 476	3 653	4 943

Продолжение

1	2	3	4	5
Южный федеральный округ				
Республика Адыгея	2 408	2 623	1 924	2 373
Республика Дагестан[2)]	2 101	2 260	1 613	2 012
Республика Ингушетия[2)]	2 319	2 507	1 773	2 158
Кабардино-Балкарская Республика[3)]	1 765	1 914	1 343	1 730
Республика Калмыкия	2 383	2 533	1 824	2 374
Карачаево-Черкесская Республика	2 300	2 529	1 742	2 191
Республика Северная Осетия — Алания	2 110	2 292	1 657	2 088
Чеченская Республика[2)]	2 515	2 761	1 922	2 348
Краснодарский край	2 806	3 047	2 207	2 744
Ставропольский край	2 598	2 819	2 058	2 569
Астраханская область	2 478	2 707	1 873	2 343
Волгоградская область	2 531	2 764	1 973	2 525
Ростовская область	2 648	2 896	1 964	2 722
Приволжский федеральный округ				
Республика Башкортостан	2 338	2 551	1 771	2 337
Республика Марий Эл	2 377	2 562	1 762	2 357
Республика Мордовия	2 518	2 743	1 896	2 491
Республика Татарстан	2 488	2 726	1 820	2 480
Удмуртская Республика	2 483	2 672	1 866	2 413
Чувашская Республика	2 294	2 486	1 720	2 308
Кировская область	2 673	2 917	2 035	2 673
Нижегородская область	2 782	3 056	2 106	2 826
Оренбургская область	2 473	2 698	1 860	2 438
Пензенская область	2 465	2 717	1 906	2 394
Пермская область	2 880	3 103	2 199	2 868
Самарская область	3 085	3 433	2 340	2 966
Саратовская область	2 650	2 892	2 003	2 659
Ульяновская область	2 503	2 716	1 957	2 450
Коми-Пермяцкий авт. округ	2 533	2 778	1 868	2 529
Уральский федеральный округ				
Курганская область	2 663	2 928	2 029	2 637
Свердловская область	2 823	3 060	2 191	2 781
Тюменская область	2 565	2 804	1 872	2 445
Челябинская область	2 572	2 792	1 912	2 603
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	4 041	4 289	3 043	3 851

Окончание

1	2	3	4	5
Ямало-Ненецкий авт. округ	5 258	5 474	3 826	4 984
Сибирский федеральный округ				
Республика Алтай	2 966	3 223	2 207	2 746
Республика Бурятия	3 280	3 544	2 514	3 123
Республика Тыва	3 056	3 265	2 308	2 987
Республика Хакасия	2 858	3 087	2 159	2 867
Алтайский край	2 288	2 521	1 657	2 237
Красноярский край	3 247	3 516	2 357	3 172
Иркутская область	2 936	3 183	2 199	2 818
Кемеровская область	2 639	2 861	1 872	2 697
Новосибирская область	2 946	3 212	2 193	2 926
Омская область	2 555	2 743	1 915	2 591
Томская область	3 180	3 387	2 412	3 168
Читинская область	2 863	3 116	2 000	2 743
Агинский Бурятский авт. округ	2 983	3 273	2 384	2 761
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	5 866	6 129	4 556	5 622
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	2 792	2 982	2 161	2 787
Эвенкийский авт. округ	5 803	6 170	4 760	5 414
Дальневосточный федеральный округ				
Республика Саха (Якутия)	4 685	5 069	3 492	4 438
Приморский край	3 845	4 146	2 936	3 698
Хабаровский край	4 201	4 517	3 180	3 999
Амурская область	3 564	3 844	2 708	3 383
Камчатская область	5 966	6 530	4 555	5 717
Магаданская область	4 521	4 782	3 262	4 307
Сахалинская область	5 072	5 400	3 893	4 810
Еврейская авт. область	3 526	3 871	2 698	3 346
Корякский авт. округ	5 283	5 414	4 293	5 323
Чукотский авт. округ	7 344	7 564	5 686	7 376

[1] Данные за IVквартал 2004 г.
[2] Данные за I квартал 2005 г.
[3] Данные за III квартал 2004 г.

СПРАВОЧНО — 2004 г.

Регион	Численность постоянного населения на 1 янв. 2005 г., тыс. чел.			Уровень заболеваемости, на 1 000 чел. населения			Численность студентов государственных и муниципальных учебных заведений на начало 2004/2005 учебного года на 10 000 чел. населения		Площадь жилищ, приходящаяся в среднем на 1 жителя, кв. м	Построено жилья, кв. м на 1 000 чел. населения	Число собственных легковых автомобилей, на 1 000 чел. населения	Телефонная плотность на 1 000 чел. населения		Потребление электроэнергии на душу населения, кВт · ч	Число зарегистрированных преступлений на 100 000 чел. населения
	всего	в том числе		всего	в том числе							телефонные аппараты (включая таксофоны)	сотовая подвижная связь		
		городское	сельское		дети в возрасте 0—14 лет	взрослые	средних специальных	высших							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Российская Федерация	***143474,2***	***104719,3***	***38754,9***	***744,9***	***1667,0***	***546,2***	***174***	***408***	***20,5***	***285***	***159,3***	***284,2***	***497,1***	***6426,3***	***2012***
Центральный федеральный округ	**37545,8**	**30160,0**	**7385,8**	**720,9**	**1867,2**	**520,4**	**150**	**435**	**22,0**	**407**	**175,1**	**348,3**	**665,1**	**4960,4**	**1751**
Белгородская область	1511,6	993,9	517,7	806,1	1643,6	628,8	161	386	22,5	534	152,7	252,8	299,9	7826,6	1280
Брянская область	1346,5	915,6	430,9	741,8	1568,7	566,8	182	308	22,3	169	77,2	215,8	218,5	2965,8	1854
Владимирская область	1487,2	1167,0	320,2	920,9	2181,4	684,6	183	279	22,9	217	129,7	248,4	468,9	4386,9	2152
Воронежская область	2334,1	1457,7	876,4	548,3	1257,0	422,7	211	450	23,4	300	183,7	280,4	248,6	3897,1	1608
Ивановская область	1114,9	897,6	217,3	850,6	2331,7	580,7	149	463	22,0	80	106,4	228,9	417,9	3677,7	2173
Калужская область	1021,5	770,0	251,5	816,3	2065,9	579,8	165	270	22,6	210	145,4	298,1	520,7	4101,4	2035
Костромская область	717,5	486,1	231,4	692,8	1738,0	492,9	158	270	23,1	113	123,7	276,5	440,3	4703,5	2202

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Курская область	1199,1	743,9	455,2	649,6	1633,9	459,4	168	329	22,6	237	133,0	205,5	289,1	6537,0	1804
Липецкая область	1189,9	771,1	418,8	714,2	1478,4	554,4	189	252	22,4	352	162,8	287,6	357,5	8598,7	1162
Московская область	6629,7	5336,7	1293,0	624,9	1666,6	445,6	114	183	24,0	866	206,9	263,8	...	5867,7	1342
Орловская область	842,4	539,1	303,3	821,7	1641,9	657,7	155	490	21,7	286	145,2	240,4	301,7	3509,0	1929
Рязанская область	1194,8	831,0	363,8	641,6	1515,4	473,5	181	323	23,0	225	150,6	244,4	547,8	4701,4	965
Смоленская область	1019,0	720,8	298,2	777,2	1890,0	560,8	212	274	23,3	257	119,0	299,5	482,3	5589,0	2334
Тамбовская область	1144,8	657,9	486,9	744,9	1947,1	479,1	176	305	22,1	270	151,5	235,1	356,6	3121,4	1400
Тверская область	1425,6	1048,2	377,4	720,9	1830,6	550,6	198	253	25,1	224	145,3	245,0	531,3	4612,1	2045
Тульская область	1621,9	1328,2	293,7	721,1	1966,4	621,2	188	252	23,0	132	148,6	289,2	470,3	6338,9	1175
Ярославская область	1338,7	1088,6	250,1	754,1	2238,5	708,7	203	312	21,9	162	119,0	303,1	558,6	5772,0	2741
г. Москва	10406,6	10406,6	—	822,7	2220,1	489,8	107	804	19,1	440	224,2	575,8	985,1[1]	4203,2	1977
Северо-Западный федеральный округ	**13731,0**	**11300,0**	**2431,0**	**937,0**	**1897,1**	**529,4**	**152**	**447**	**22,4**	**268**	**172,8**	**360,4**	**642,0**	**6784,9**	**1989**
Республика Карелия	703,1	531,2	171,9	711,7	2257,9	798,7	198	298	22,1	134	191,7	322,5	474,1	11856,0	2194
Республика Коми	996,4	751,9	244,5	749,9	2264,4	665,7	161	305	22,3	140	136,6	341,6	343,9	8126,6	2669
Архангельская область	1304,5	974,4	330,1	1057,3	2202,7	639,9	172	331	23,0	80	115,3	304,3	416,0	6023,5	2139
в том числе															
Ненецкий авт. округ	42,0	26,8	15,2	984,8	2906,8	1106,3	192	49	19,0	198	104,9	–		7856,4[2]	2067
Вологодская область	1245,5	847,5	398,0	930,3	2069,4	530,7	180	335	23,5	240	151,0	298,6	422,5	10627,2	2711
Калининградская область	945,0	732,8	212,2	1556,8	1453,8	527,5	138	269	19,5	259	227,4	278,3	602,1	3731,7	2554

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Ленинградская область	1652,9	1097,4	555,5	808,2	1395,8	364,1	54	97	23,4	308	167,2	271,1	–	8861,6	1931
Мурманская область	872,8	798,4	74,4	668,9	2140,3	524,6	150	315	22,3	7	147,2	383,3	598,6	14390,9	1607
Новгородская область	674,1	473,0	201,1	524,7	1965,7	597,2	173	331	24,2	218	126,1	302,4	501,2	5058,6	1836
Псковская область	736,7	493,4	243,3	817,3	1688,8	408,4	143	248	25,0	178	130,9	282,4	445,2	2637,2	2172
г. Санкт-Петербург	4600,0	4600,0	—	817,4	1815,9	501,8	167	800	21,4	436	209,1	468,5	849,6[3)]	4249,6	1542
Южный федеральный округ	**22820,8**	**13030,7**	**9790,1**	**651,8**	**1287,9**	**493,5**	**152**	**336**	**18,7**	**255**	**140,8**	**200,6**	**451,2**	**3114,6**	**1265**
Республика Адыгея	444,4	233,9	210,5	657,8	1167,1	522,9	148	438	22,9	89	156,2	187,1	342,5	1992,4	1268
Республика Дагестан	2621,8	1120,2	1501,6	844,8	1173,0	710,8	95	353	15,6	221	53,1	63,9	58,3	1835,0	430
Республика Ингушетия	461,6	205,1	276,5	485,8	722,4	274,7	48	152	6,4	37	54,6	27,3	272,9	843,5	310
Кабардино-Балкарская Республика	896,9	528,0	368,9	354,4	610,9	280,1	114	273	15,5	247	102,8	193,1	159,4	1522,0	861
Республика Калмыкия	289,9	128,1	161,8	688,8	1352,6	480,0	203	311	20,0	178	138,5	215,8	197,5	1828,7	1595
Карачаево-Черкесская Республика	434,5	191,8	242,7	506,2	933,0	402,4	128	340	18,6	145	129,5	211,8	34,6	2791,3	1269
Республика Северная Осетия — Алания	704,4	460,6	243,8	569,5	852,0	505,7	148	404	25,4	193	128,4	259,0	143,6	2904,2	814
Чеченская Республика	1141,3	387,6	753,7	–	–		87	206		—	41,6	4,2	24,5	1171,7	495
Краснодарский край	5100,3	2686,7	2413,6	570,3	1222,7	435,0	140	245	19,0	355	190,4	242,9	1039,8	31255	1107
Ставропольский край	2717,9	1527,0	1190,9	485,5	1166,5	336,2	149	394	19,5	238	168,9	240,4	382,9	2766,7	1630
Астраханская область	998,2	668,9	329,3	724,2	1478,2	554,8	241	342	19,0	631	160,4	260,2	470,0	3782,8	2718
Волгоградская область	2655,2	2000,1	655,1	728,6	1690,0	527,7	196	355	19,7	191	144,8	271,8	511,2	6495,2	1702

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Ростовская область	4334,4	2892,7	1441,7	776,2	1758,3	578,5	193	432	19,4	257	156,4	213,7	310,2	3214,8	1560
Приволжский федеральный округ	**3071 0,2**	**21571,0**	**9139,2**	**799,6**	**1679,8**	**598,8**	**201**	**391**	**20,3**	**268**	**141,7**	**262,3**	**417,1**	**5819,3**	**1951**
Республика Башкортостан	4078,8	2434,8	1644,0	797,6	1501,7	606,5	216	322	18,9	369	165,5	232,3	443,5	5760,5	1514
Республика Марий Эл	716,9	452,1	264,8	768,3	1492,5	598,2	193	347	20,4	225	99,0	259,7	280,8	3764,6	2383
Республика Мордовия	866,6	510,4	356,2	696,8	1598,7	520,5	193	485	21,5	179	105,0	254,1	132,6	3227,0	1505
Республика Татарстан	3768,5	2806,8	961,7	760,8	1431,7	601,0	156	424	20,1	469	125,7	262,4	465,9	6295,5	1685
Удмуртская Республика	1552,8	1077,2	475,6	912,8	2172,5	606,4	229	448	18,3	232	148,1	256,4	369,0	5025,4	2376
Чувашская Республика	1299,3	791,2	508,1	820,9	1443,7	662,9	205	465	20,1	480	80,6	230,3	359,7	4065,1	1800
Кировская область	1461,3	1058,6	402,7	706,3	1609,2	521,5	210	327	20,6	157	123,2	269,1	290,7	4876,6	2188
Нижегородская область	3445,3	2696,5	748,8	762,4	1904,1	544,7	185	442	21,6	198	136,3	307,5	518,7	5939,3	2118
Оренбургская область	2150,4	1240,8	909,6	908,5	1661,5	711,3	224	332	19,5	253	166,8	218,6	364,3	6845,6	1732
Пензенская область	1422,8	933,4	489,4	852,1	1678,4	681,6	190	345	21,6	.195	113,1	226,3	158,3	3172,0	1451
Пермская область	2769,8	2081,9	687,9	834,3	1818,0	604,0	220	304	19,3	161	124,5	289,6	427,6	8884,4	3494
в том числе															
Коми-Пермяцкий авт. округ	132,8	31,8	101,0	830,9	1476,0	640,3	197	68	17,5	52	58,9	...	...	540,0[2)]	2598
Самарская область	3201,3	2570,3	631,0	844,0	1909,1	631,1	197	441	20,4	266	194,2	298,4	619,0	7118,2	1900
Саратовская область	2625,7	1933,3	692,4	675,7	1571,3	479,5	201	455	22,3	184	149,1	245,1	380,9	4900,6	1635
Ульяновская область	1350,7	983,7	367,0	877,1	1824,8	662,7	230	344	21,1	116	131,7	273,4	372,0	4325,1	1494
Уральский федеральный округ	**12279,2**	**9748,0**	**2531,2**	**774,1**	**1737,6**	**554,5**	**206**	**411**	**19,8**	**258**	**161,3**	**299,5**	**482,8**	**11994,3**	**2677**
Курганская область	992,1	560,4	431,7	843,1	1686,9	622,3	227	287	19,2	98	155,5	218,7	219,3	4425,5	3119

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Свердловская область	4428,2	3676,8	751,4	685,8	1605,5	504,4	221	409	20,6	201	145,5	296,6	490,9	9320,4	2704
Тюменская область	3307,5	2600,8	706,7	897,3	1900,8	628,3	175	460	18,4	416	195,6	330,3	510,0	20618,8	2937
в том числе:															
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	1469,0	1334,9	134,1	896,2	1897,9	620,1	145	328	17,2	481	223,7	369,7	529,8	30086,1[2)]	2926
Ямало-Ненецкий авт. округ	523,4	443,9	79,5	1181,9	2208,6	846,5	93	223	17,3	291	178,9	352,4	477,1	17627,8[2)]	1883
Челябинская область	3551,4	2910,0	641,4	750,6	1728,6	533,7	210	402	20,1	227	150,7	297,1	520,9	9459,9	2280
Сибирский федеральный округ	**19794,2**	**14020,4**	**5773,8**	**776,6**	**1568,5**	**586,0**	**195**	**431**	**19,3**	**196**	**146,2**	**237,6**	**334,3**	**10055,5**	**2362**
Республика Алтай	203,9	52,8	151,1	876,7	1291,2	732,8	236	256	15,6	203	157,0	172,4	181,5	2147,9	2307
Республика Бурятия	969,2	552,4	416,8	610,7	1061,0	478,9	208	322	17,8	203	98,8	184,7	99,3	4904,0	2609
Республика Тыва	307,6	161,3	146,3	637,3	949,6	513,3	204	178	12,6	57	72,2	115,8	12,6	2203,2	2966
Республика Хакасия	541,0	384,1	156,9	783,7	1617,6	568,5	217	334	19,1	192	184,1	217,3	112,7	21070,7	2891
Алтайский край	2565,6	1371,4	1194,2	969,9	1631,4	815,1	173	323	19,5	138	153,0	243,8	245,1	3749,0	2298
Красноярский край	2925,4	2220,8	704,6	759,2	1603,8	562,8	212	409	20,3	226	144,0	216,7	433,6	16923,9	2247
в том числе:															
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	39,4	26,1	13,3	946,0	1932,2	608,0	172	144	17,4	—	64,3	...	...	2004,2[2)]	1744
Эвенкийский авт. округ	17,4	5,7	11,7	710,0	1244,5	549,9	85	12	27,7	143	20,9	...	...	3522,8[2)]	2720
Иркутская область	2545,3	2014,5	530,8	837,8	1646,0	629,4	168	466	19,4	105	155,2	239,8	197,5	20356,0	2750
в том числе															
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	134,1	—	134,1	640,2	1028,6	490,4	38	—	17,0	32	94,7	...	...	1785,5[2)]	1977

Окончание

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Кемеровская область	2855,0	2425,8	429,2	741,7	1610,6	542,6	199	348	19,9	203	130,4	233,2	439,9	11453,5	1619
Новосибирская область	2662,3	1998,6	663,7	685,9	1581,9	502,5	199	587	18,8	264	173,4	290,5	491,8	5041,4	2648
Омская область	2046,6	1412,3	634,3	830,4	1769,0	609,8	222	429	19,8	254	146,6	218,0	356,1	4789,4	2264
Томская область	1036,6	705,8	330,8	764,1	1918,1	520,6	168	849	19,4	286	137,2	397,5	543,3	7977,6	2700
Читинская область	1135,7	720,6	415,1	620,3	1281,0	431,4	192	358	18,3	129	140,2	148,5	143,4	5832,4	2383
том числе															
Агинский Бурятский авт. округ	73,5	26,8	46,7	578,9	977,1	400,2	36	104	14,6	265	152,9	...	...	778,6[2]	1520
Дальневосточный федеральный округ	**6593,0**	**4889,2**	**1703,8**	**758,6**	**1783,3**	**513,6**	**196**	**436**	**20,0**	**125**	**169,7**	**262,6**	**285,4**	**5994,2**	**2363**
Республика Саха Якутия)	950,7	610,8	339,9	847,7	1532,1	615,0	177	444	19,5	252	127,1	282,6	111,2	7302,5	1635
Приморский край	2035,8	1534,0	501,8	727,9	2044,9	447,5	173	469	19,1	105	189,2	254,5	402,3	5004,9	2330
Хабаровский край	1420,2	1143,3	276,9	715,9	1783,1	492,5	237	571	19,7	127	160,7	254,0	486,6	5502,9	3055
Амурская область	887,6	585,8	301,8	617,6	1277,9	446,6	234	307	19,8	90	150,4	182,0	70,0	7154,8	1955
Камчатская область	352,1	279,0	73,1	866,0	2286,7	537,0	162	485	21,5	47	230,5	362,9	302,9	4558,2	2348
том числе															
Корякский авт. округ	23,8	6,4	17,4	1178,1	2287,3	830,4	44	—	23,3	—	27,8	...	...	1673,6[2]	1432
Магаданская область	174,7	164,0	10,7	942,6	2051,0	685,4	141	371	26,1	22	195,4	395,8	67,2	13321,5	2297
Сахалинская область	532,4	413,0	119,4	932,1	2029,8	688,8	185	213	21,4	110	200,2	309,0	159,7	5012,9	2478
Еврейская авт. область	188,8	125,8	63,0	620,3	1416,9	436,8	201	338	20,1	56	147,1	219,7	0,7	5855,5	3112
Чукотский авт. округ	50,7	33,5	17,2	1296,8	2440,9	952,8	134	—	28,8	405	29,7	380,9	0,0	10104,0	1425

[1] Москва и Московская область.
По кругу крупных и средних организаций и продаже электроэнергии населению.
[3] Санкт-Петербург и Ленинградская область.

ИСПОЛНЕНИЕ КОНСОЛИДИРОВАННЫХ БЮДЖЕТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В I ПОЛУГОДИИ 2005 г.

(по предварительным данным Федерального казначейства)

Регион	тыс. руб.		
	доходы	расходы	профицит, дефицит (−)
1	2	3	4
Российская Федерация, млн руб.	***1 368 620,8***	***1 240 089,7***	***128 531,1***
Центральный федеральный округ			
Белгородская область	12 265 118	9 718 363	2 546 755
Брянская область	6 426 265	6 383 239	43 026
Владимирская область	6 850 684	6 931 337	−80 653
Воронежская область	10 938 107	10 267 093	671 014
Ивановская область	6 311 501	5 356 856	954 645
Калужская область	6 316 877	5 877 550	439 327
Костромская область	3 771 268	4 149 408	−378 140
Курская область	7 910 805	6 420 635	1 490 170
Липецкая область	11 084 855	10 017 152	1 067 703
Московская область	52 841 608	63 238 034	−10 396 426
Орловская область	4 171 479	4 077 193	94 286
Рязанская область	6 238 982	6 478 903	−239 921
Смоленская область	4 883 646	4 636 393	247 253
Тамбовская область	5 773 158	5 143 158	630 000
Тверская область	7 993 611	7 335 388	658 223
Тульская область	8 901 275	8 789 632	111 643
Ярославская область	10 370 845	10 144 626	226 219
г. Москва	244 323 006	212 735 984	31 587 022
Северо-Западный федеральный округ			
Республика Карелия	6 256 451	5 858 916	397 535
Республика Коми	10 257 832	10 014 472	243 360
Архангельская область	11 115 563	10 045 524	1 070 039
Вологодская область	12 607 676	12 065 651	542 025
Калининградская область	6 989 176	6 601 123	388 053
Ленинградская область	12 974 577	12 690 101	284 476
Мурманская область	7 999 317	7 992 232	7 085
Новгородская область	5 219 900	4 543 435	676 465
Псковская область	4 220 261	3 912 332	307 929

Продолжение

1	2	3	4
г. Санкт-Петербург	59 666 554	55 840 062	3 826 492
Ненецкий авт. округ	1 587 884	2 210 561	-622 677
Южный федеральный округ			
Республика Адыгея	2 240 844	1 795 931	444 913
Республика Дагестан	11 881 030	10 231 048	1 649 982
Республика Ингушетия	2 611 252	2 318 304	292 948
Кабардино-Балкарская Республика	4 462 200	3 879 594	582 606
Республика Калмыкия	1 736 502	1 951 763	−215 261
Карачаево-Черкесская Республика	2 552 271	2 242 105	310 166
Республика Северная Осетия — Алания	4 369 324	4 313 801	55 523
Чеченская Республика	6 658 741	4 946 247	1 712 494
Краснодарский край	25 904 234	24 305 901	1 598 333
Ставропольский край	12 923 626	12 157 576	766 050
Астраханская область	4 324 737	4 969 250	−644 513
Волгоградская область	12 653 991	13 002 614	−348 623
Ростовская область	21 321 234	18 923 955	2 397 279
Приволжский федеральный округ			
Республика Башкортостан	24 721 289	23 730 990	990 299
Республика Марий Эл	3 902 684	3 665 883	236 801
Республика Мордовия	10 470 366	6 717 595	3 752 771
Республика Татарстан	38 273 653	37 723 805	549 848
Удмуртская Республика	8 884 066	9 564 882	−680 816
Чувашская Республика	7 043 624	7 590 888	−547 264
Кировская область	7 924 070	7 589 528	334 542
Нижегородская область	16 953 537	17 529 841	−576 304
Оренбургская область	11 616 846	11 650 120	−33 274
Пензенская область	6 394 690	6 075 256	319 434
Пермская область	20 108 368	17 752 808	2 355 560
Самарская область	22 366 538	21 039 505	1 327 033
Саратовская область	11 610 892	10 877 598	733 294
Ульяновская область	5 817 414	5 542 701	274 713
Коми-Пермяцкий авт. округ	1 400 167	1 148 398	251 769
Уральский федеральный округ			
Курганская область	5 406 186	4 944 475	461 711
Свердловская область	31 006 758	25 153 585	5 853 173
Тюменская область	70 028 415	46 378 031	23 650 384
Челябинская область	21 553 933	18 140 495	3 413 438
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	73 879 310	41 139 201	32 740 109

Окончание

1	2	3	4
Ямало-Ненецкий авт. округ	30 591 507	17 782 677	12 808 830
Сибирский федеральный округ			
Республика Алтай	2 902 013	2 791 328	110 685
Республика Бурятия	7 863 043	7 253 609	609 434
Республика Тыва	3 812 111	3 485 939	326 172
Республика Хакасия	3 312 212	3 227 565	84 647
Алтайский край	14 281 960	13 076 512	1 205 448
Красноярский край [1]	31 100 174	30 814 733	285 441
Иркутская область	19 317 445	20 358 906	−1 041 461
Кемеровская область	27 527 653	26 382 476	1 145 177
Новосибирская область	18 191 311	19 471 712	−1 280 401
Омская область	18 029 242	18 470 356	-441 114
Томская область	9 444 032	7 936 276	1 507 756
Читинская область	8 085 937	7 151 373	934 564
Агинский Бурятский авт. округ	1 053 604	1 105 695	−52 091
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	1 298 706	1 041 241	257 465
Дальневосточный федеральный округ			
Республика Саха (Якутия)	22 611 186	32 713 867	−10 102 681
Приморский край	15 905 527	14 682 832	1 222 695
Хабаровский край	14 512 729	15 998 168	−1 485 439
Амурская область	8 475 626	7 888 124	587 502
Камчатская область	6 079 992	6 136 283	−56 291
Магаданская область	4 136 135	3 972 031	164 104
Сахалинская область	6 816 402	6 845 503	−29 101
Еврейская авт. область	1 671 040	1 548 965	122 075
Корякский авт. округ	1 003 542	987 390	16 152
Чукотский авт. округ	5 679 590	5 651 531	28 059

[1] Включая данные по Таймырскому (Долгано-Ненецкому) и Эвенкийскому автономным округам.

Заказ № 4571

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

Индекс промышленного производства — относительный показатель, характеризующий изменение масштабов производства в сравниваемых периодах. Различают индивидуальные и сводные индексы производства. Индивидуальные индексы отражают изменение выпуска одного продукта и исчисляются как отношение объемов производства данного вида продукта в натурально-вещественном выражении в сравниваемых периодах. Сводный индекс производства характеризует совокупные изменения всех видов продукции и отражает изменение создаваемой в процессе производства стоимости в результате изменения только физического объема производимой продукции. Для исчисления сводного индекса производства индивидуальные индексы по конкретным видам продукции поэтапно агрегируются в индексы по видам деятельности, подгруппам, группам, подклассам, классам, подразделам и разделам. Индекс промышленного производства — агрегированный индекс производства по видам деятельности «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства», «производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

Инвестиции в основной капитал — совокупность затрат, направленных на создание и воспроизводство основных фондов (новое строительство, расширение, а также реконструкция и модернизация объектов, которые приводят к увеличению первоначальной стоимости объектов и относятся на добавочный капитал организации, приобретение машин, оборудования, транспортных средств, на формирование основного стада, многолетние насаждения и т.д.). Инвестиции в основной капитал по Российской Федерации включают затраты ОАО «РЖД» на централизованное приобретение подвижного состава, а также уточнение параметров неформальной деятельности на федеральном уровне, без распределения по федеральным округам.

Иностранные инвестиции в экономику России — вложения капитала иностранными инвесторами, а также зарубежными филиалами российских юридических лиц в объекты предпринимательской деятельности на территории России в целях получения дохода. Инвестиции делятся на

прямые, портфельные и прочие. Данные приведены без учета органов денежно-кредитного регулирования, коммерческих и сберегательных банков, включая рублевые поступления, пересчитанные в доллары США.

Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения по Российской Федерации и отдельным регионам исчисляется на основе единых объемов потребления, а также средних цен по России и ее субъектам. В состав набора включены 83 наименования товаров и услуг, в том числе 30 видов продовольственных товаров, 41 вид непродовольственных товаров и 12 видов услуг. Данные о стоимости набора приведены в расчете на месяц.

Стоимость минимального набора продуктов питания определена на основе минимального набора продуктов питания для мужчины трудоспособного возраста (приведен в Методических рекомендациях по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 1999 г. № 192). Показатель отражает межрегиональную дифференциацию уровней потребительских цен и не является составляющим элементом величины прожиточного минимума, определяемого в субъектах Российской Федерации, что объясняется различием методологических подходов при их формировании. При расчете стоимости минимального набора продуктов питания по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации используются единые (установленные в целом по Российской Федерации) минимальные объемы потребления, в то время как при расчете величины прожиточного минимума — объемы, сформированные на основе зонирования субъектов Российской Федерации в зависимости от факторов, влияющих на особенности потребления продуктов питания. Данные о стоимости набора приведены в расчете на одного человека на месяц.

Индекс потребительских цен характеризует изменение во времени общего уровня цен и тарифов на товары

и услуги, приобретаемые населением для непроизводственного потребления. Измеряет отношение стоимости фиксированного набора товаров и услуг в текущем периоде к его стоимости в предыдущем периоде. В набор товаров и услуг включены более 400 товаров (услуг)-представителей. Наблюдение за ценами и тарифами производится в столицах республик, центрах краев, областей, автономных округов, городах федерального значения и выборочно — в районных центрах, отобранных с учетом их репрезентативности в отражении социально-экономического и географического положения регионов.

Индекс цен производителей промышленных товаров рассчитывается на основании регистрации цен на товары-представители в базовых промышленных организациях по видам экономической деятельности. Наблюдение за ценами производителей осуществляется более чем в 7,5 тыс. промышленных организаций. Расчет средних цен и индексов цен производится более чем по 800 товарам-представителям. Цены производителей представляют собой фактически сложившиеся на момент регистрации цены промышленных организаций на произведенную продукцию, предназначенную для реализации на внутреннем рынке (без косвенных товарных налогов — налога на добавленную стоимость, акциза и т.п.). Рассчитанные по товарам-представителям индексы цен производителей последовательно агрегируются в индексы цен соответствующих видов, классов, разделов экономической деятельности. В качестве весов используются данные об объеме производства в стоимостном выражении базисного периода.

Реальные денежные доходы населения характеризуют изменение денежных доходов населения в сравниваемых периодах в сопоставимых ценах (с корректировкой на индекс потребительских цен). Денежные доходы населения включают доходы лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, выплаченную заработную плату (начисленную заработную плату, скорректированную на изменение задолженности) наемных работников, пенсии, пособия, стипендии и другие социальные выплаты, доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивидендов и другие доходы.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата за период исчисляется делением фонда начисленной заработной платы работников на среднесписочную численность работников и на количество месяцев в периоде. В фонд заработной платы включаются начисленные работникам суммы в денежной и неденежной формах за отработанное и неотработанное время, доплаты и надбавки, премии и единовременные поощрения, компенсационные выплаты, связанные с режимом работы и условиями труда, а также оплата питания и проживания, имеющая систематический характер.

Просроченной задолженностью по заработной плате считаются фактически начисленные работникам суммы заработной платы, но не выплаченные в срок, установленный коллективным договором или договором на расчетно-кассовое обслуживание, заключенным с банком (расчетно-кассовым центром). Число дней задержки считается, начиная со следующего дня после истечения этого срока.

Безработные в соответствии со стандартами Международной Организации Труда (МОТ) — лица в возрасте, установленном для измерения экономической активности, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующим критериям:

— не имели работы (доходного занятия);

— занимались поиском работы в течение четырех недель, предшествующих обследуемой неделе, используя при этом любые способы;

— были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели.

Учащиеся, студенты, пенсионеры и инвалиды учитываются в качестве безработных, если они занимались поиском работы и были готовы приступить к ней.

Информация об общей численности безработных приведена по данным обследований населения по проблемам занятости, проводимых органами государственной статистики с квартальной периодичностью, по состоянию на последнюю неделю второго месяца квартала.

Безработные, зарегистрированные в органах государственной службы занятости — трудоспособные граждане, не имеющие работы и заработка (трудового дохода), про-

живающие на территории Российской Федерации, зарегистрированные в органах службы занятости по месту жительства в целях поиска подходящей работы, ищущие работу и готовые приступить к ней. Информация о численности безработных, получивших официальный статус в органах государственной службы занятости, разрабатывается Федеральной службой по труду и занятости.

Незначительные расхождения итогов от суммы слагаемых объясняются округлением данных.

Заявленная предприятиями потребность в работниках — число вакансий (требуемых работников), сообщенных предприятиями и организациями в органы государственной службы занятости.

Общие коэффициенты рождаемости и смертности — отношение соответственно числа родившихся (живыми) и числа умерших к численности населения в пересчете на год. Исчисляются на 1000 чел. населения.

Естественный прирост (+), убыль (−) населения — разность общих коэффициентов рождаемости и смертности.

Первоисточником получения сведений о населении являются переписи населения. ***Текущая оценка численности населения на 1 января 2005 г.*** рассчитывалась на основании итогов Всероссийской переписи населения 2002 г. с учетом передвижки данных о численности населения от 9 октября 2002 г. (дата счета населения по переписи) на 1 января 2003 г., к которым ежегодно прибавляются числа родившихся и прибывших на данную территорию и вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории.

Уровень заболеваемости — отношение числа больных с впервые в жизни установленным диагнозом к среднегодовой численности населения.

Величина прожиточного минимума в соответствии с Федеральным законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы. Потребительская корзина в целом по Российской Федерации установлена Федеральным законом

«О потребительской корзине в целом по Российской Федерации», в субъектах Российской Федерации она устанавливается законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации.

Величина прожиточного минимума определяется ежеквартально и устанавливается: в целом по России — правительством Российской Федерации, в регионах России — органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Число преступлений в расчете на 100 000 чел. населения — отношение количества зарегистрированных преступлений к среднегодовой численности населения.

Площадь жилищ, приходящаяся в среднем на 1 жителя, рассчитывается делением размера всего жилищного фонда на конец года на численность постоянного населения на эту же дату.

Консолидированный бюджет субъекта Российской Федерации — бюджет субъекта Российской Федерации и свод бюджетов муниципальных образований, находящихся на его территории. Информация в разрезе субъектов Российской Федерации приведена с web-сайта Федерального казначейства по состоянию на 5 августа 2005 г.

«Российская газета». 2005. 7 сент.

Х.К.КАЗАНЧЕВА

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЫВОДА РЕГИОНА ИЗ ДЕПРЕССИВНОГО СОСТОЯНИЯ

В современных условиях социально-экономическое состояние субъектов Российской Федерации оказалось под влиянием ряда негативных факторов. При нарастании кризисных явлений в экономике страны и переходе к рыночным реформам усилилась межрегиональная дифференциация, что связано с включением механизма рыночной конкуренции и ослаблением регулирующей роли государства. В результате по величине среднедушевого производства валового регионального продукта и среднедушевым реальным доходам населения субъекты Российской Федерации стали различаться более чем в 20 раз. Межрегиональные различия, значительно увеличившиеся за годы реформ, способствовали росту общего неравенства. С ростом межрегиональных различий по уровню валового регионального продукта на душу населения неравенство доходов населения внутри регионов также нарастало: рост доходов наиболее обеспеченных слоев населения значительно опережал рост ВРП, тогда как рост доходов малообеспеченных слоев населения значительно отставал от роста ВРП[1]. Следствием такой дифференциации и явились депрессивные территории, ослабление механизмов межрегионального экономического взаимодействия и нарастание межрегиональных противоречий в стране.

Постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 1995 г. № 639 использует понятие депрессивности по отношению к регионам. Однако научных работ, посвя-

---

КАЗАНЧЕВА Халимат Крымовна, заведующая отделом социально-экономических исследований Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

щенных этой теме, мало. Наиболее четкое, на наш взгляд, определение данной категории дано Л.В.Смирнягиным и Г.В.Быловым: «депрессивные регионы — территории, которые сильно и устойчиво отстают от других по главным социально-экономическим показателям, в том числе по темпам развития»[2]

Депрессивные регионы являются частью проблемных территорий Российской Федерации, но их необходимо отличать от других видов проблемных территорий, поскольку они обладают внутренним потенциалом, используя который могут в течение относительно короткого времени перейти в состояние устойчивого саморазвития. Поскольку депрессивный регион — это в прошлом относительно благополучная территория с высоким промышленно-производственным потенциалом и достаточно развитой инфраструктурой, то его кризисное состояние является проявлением структурного кризиса российской экономики, обусловившего неравномерный спад производства по отраслям и соответственно регионам их сосредоточения.

Как иллюстрацию депрессивного региона можно проанализировать состояние экономики Кабардино-Балкарской Республики. До начала проведения экономических реформ Кабардино-Балкария была развитой индустриально-аграрной республикой. Интенсивное развитие получили наукоемкие отрасли промышленности, были развиты сельскохозяйственное производство и курортная сфера. В последние годы условия нормального функционирования региона оказались нарушенными. Однако депрессивное состояние в республике в настоящее время нельзя объяснить исключительно наследием прошлого или экстерналиями. Они, безусловно, сыграли определяющую роль, но к ним добавилась масса неверных политических решений. Сложившаяся структура экономики рассматриваемого региона в условиях общего кризиса оказалась неспособной к быстрым трансформационным сдвигам производства в соответствии с условиями рынка. В результате республика в 90-е гг. XX в. имела более глубокий, чем в среднем по России, спад производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Кроме того, такие важнейшие показатели уровня жизни населения, как величина заработной платы, ее

высокая необоснованная дифференциация по отраслям экономики, покупательная способность, объем фактического конечного потребления домохозяйств, были значительно ниже, чем в среднем по РФ и ЮФО. Так, начисленная заработная плата работающих в экономике Кабардино-Балкарской Республики в 2004 г. была 3 457,6 руб., или всего 57,4 % от средней заработной платы по РФ[3].

Положение осложнилось также крайне неблагоприятной демографической ситуацией. Удельный вес численности безработных в общем объеме экономически активного населения региона в 2004 г. составил 73,1 тыс. чел. Уровень безработицы в республике в 2 раза превышает среднероссийский показатель и достигает почти 20 % от экономически активного населения[4]

Следует отметить, что в Концепции национальной безопасности Российской Федерации одним из основных направлений по защите конституционного строя в России сформулирована задача по «выработке и реализации региональной политики, обеспечивающей оптимальный баланс федеральных и региональных интересов»[5] Рыночные реформы, направленные на формирование в России регионального федеративного государства, привели к перераспределению основной массы ресурсов без прямого руководства со стороны федерального Центра. Однако ответственность за компенсацию межрегиональных различий продолжал нести центр, потеряв традиционные возможности осуществления этого процесса.

Решение ряда проблем преодоления депрессии представляется возможным собственными силами регионов путем диверсификации, модернизации производства, стимулирования развития малого бизнеса, улучшения местного инвестиционного климата, поиска новых рынков сбыта и т. д. Однако регионы с особо глубокой степенью депрессии должны стать объектами целевой государственной поддержки. Государственная дума РФ приняла в 2003 г. законопроект «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации»[6], в соответствии с ним территориям, находящимся в депрессии, государство должно оказывать поддержку. При этом к депрессивным территориям нельзя относить те, которые получают дотации

из федерального бюджета: целесообразно придерживаться жестких параметров при определении депрессивности региона.

Есть необходимость в подборе индикаторов, характеризующих социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации, после чего определять сам факт депрессивности и размеры поддержки. В качестве основных показателей оценки социально-экономической ситуации в регионах целесообразно, на наш взгляд, использовать: уровень спада промышленного производства, официальной безработицы и темпы ее роста, а также реальные доходы населения и темпы их изменения[7]

По мнению В.Л.Куперштоха, В.М.Соколова, С.А.Суспицына и М.А.Ягольницера ключевыми переменными при выделении депрессивных регионов следует считать показатели уровня жизни и промышленного развития[8] Учитывая особенности исторического развития России советского периода (интенсивная индустриализация, превращение страны из аграрной в индустриально-аграрную), можно отметить, что наибольший вес при проведении многомерных ранжировок регионов следует придавать группам показателей промышленного производства и уровня жизни. Дж.Уоллис и У.Оутс, обработав большой эмпирический материал по США, выдвинули ряд идей, апробировав их с помощью экономических методов[9]

Представляется, что выдвинутые ими гипотезы могут быть реализованы и в России[10] Например, чем обширнее страна по площади, тем менее централизованным при прочих равных условиях должно быть государственное управление (фактор территории); чем больше численность населения страны, тем менее централизованным должно быть государственное управление (фактор плотности населения); чем выше доля населения, сосредоточенного в городах, тем менее централизованным должно быть государственное и региональное управление (фактор социальной инфраструктуры); чем выше уровень дохода на душу населения, тем более централизованным должно быть государственное управление и его участие в программах, связанных с перераспределением доходов (фактор инвестиционной зависимости государства от экономики); чем более

многообразным является спрос на государственные услуги, вытекающий из неравномерного распределения доходов по регионам, тем менее централизованным при прочих равных условиях должно быть управление со стороны государства и регионов (фактор социальной зависимости государства от экономики).

Одним из направлений преодоления межрегиональных различий следует считать поддержку депрессивных регионов[11] При этом целесообразно определять получателей финансовой поддержки и распределять ее на основе вышеназванного комплекса показателей. Объективной методики определения коэффициентов в данной сфере пока не существует и поэтому трудность возникнет при определении объема причитающихся регионам средств.

В настоящее время используется методика распределения средств, предназначенных для дополнительной финансовой поддержки депрессивных регионов. Она определяет порядок расчета распределения средств федерального бюджета, направляемых на оказание финансовой помощи бюджетам других уровней для поддержки депрессивных регионов, на основе единой методологии для каждого субъекта Российской Федерации. Основной критерий определения депрессивности региона в данном случае — расчетное превышение расходов над доходами в объеме бюджета (Пр), которое определяется по формуле:

$$Пр = [(Р - Д)/Р]х \quad 100\ \%,$$

где Р — социально значимые расходы по бюджетам субъектов Российской Федерации, увеличение на кредиторскую задолженность, субсидии жилищно-коммунальному хозяйству и др.;

Д — доходы субъектов Российской Федерации с учетом финансовой помощи, выделяемой из федерального бюджета.

По методике расчета распределения средств для депрессивных регионов превышение расходов над доходами в объеме бюджета в процентном отношении должно быть выше 0. В дальнейшем происходит отбор такого региона и определяется абсолютная сумма (Аб) расчетного превышения расходов над доходами или недостающая сумма для покрытия расходов по социально значимым статьям:

$$Аб = Р - Д^{12}$$

К сожалению, применяемые сегодня формы государственной поддержки территорий не согласованы между собой и направлены на ослабление проявлений кризисного состояния территорий, а не на устранение его причин. Таким образом, осуществление поддержки депрессивных регионов может привести к дублированию выделения бюджетных средств. Во избежание этого, а также разработке оптимальной программы поддержки депрессивных регионов должны помочь руководители данных регионов[13] Поскольку государственная власть в России осуществляется не только федеральным центром, но и на уровне субъектов РФ, то и поддержка депрессивной территории в первую очередь входит в компетенцию субъектов Российской Федерации. Государственная поддержка должна предоставляться регионам под конкретные программы, причем поэтапно и с жестким контролем соответствия полученных результатов поставленным целям. В настоящее время можно выделить ряд основных форм осуществления финансовой поддержки субъектов Российской Федерации: в процессе межбюджетных отношений (Федеральный фонд финансовой поддержки субъектов Российской Федерации, дотации, субвенции регионам и др.); средства, выделяемые по линии министерств и ведомств (например, в ходе осуществления государственной поддержки угольной отрасли учитываются потребности в поддержке ее социальной сферы); расходы на реализацию федеральных программ (особенно это характерно для программ, направленных на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации); средства из федерального бюджета на возвратной основе (государственная поддержка завоза продукции в районы Крайнего Севера, бюджетные ссуды, выдача гарантий Правительства РФ под кредитование социальной сферы и др.).

Стратегия социально-экономического развития России должна учитывать разнообразие природных, геополитических, социально-экономических, национально-культурных и других условий в различных частях страны, а также отражать их в направлениях государственной политики[14] Стратегия территориального развития определяет приори-

теты и этапы реструктуризации экономики регионов и национального экономического пространства, а федеральная региональная политика — увязывает конкретные меры по осуществлению стратегии с другими направлениями социально-экономической политики и ресурсными возможностями федеративного государства.

Эти тенденции обусловили объективную необходимость разработки мер по социально-экономическому развитию и выводу Кабардино-Балкарской Республики из состояния депрессии. С этой целью нами проведен анализ точек экономического роста республики, который выявил ряд наиболее потенциально эффективных отраслей народного хозяйства. Кабардино-Балкария имеет ряд преимуществ, дающих возможность ей выйти из депрессивного состояния, восстановить и развить свою инвестиционную привлекательность. Относительно высокую степень экономического потенциала могут предопределить выгодное географическое положение, благоприятные природно-климатические условия, наличие минерально-сырьевых и трудовых ресурсов, развитость транспортных коммуникаций. Так, базовыми точками роста в промышленном комплексе региона могут стать машиностроение и металлообработка, промышленность строительных материалов, а также пищевая и легкая промышленность, которые могут быть ориетированы на переработку местного сырья. Что касается сельскохозяйственного производства, то это одна из основных отраслей экономики республики. Причем основные направления производственной специализации практически соответствуют ее природно-климатическим условиям и особенностям. Важным аспектом выхода из депрессивного состояния Кабардино-Балкарии может стать развитие туризма и рекреации в регионе, что обусловлено богатством и разнообразием ландшафтных и климатических условий, благоприятным сочетанием бальнеологических ресурсов, наличием производственной и интеллектуальной базы.

Однако необходимо отметить, что федеральные власти в своей региональной политике, отмечая важность проблемы бедности и депрессивных территорий, продолжают следовать курсу на централизацию. В апреле 2004 г. Конституционный суд РФ подтвердил права Государственной думы

РФ принимать законы о предметах совместного с субъектами Российской Федерации ведения без учета мнения последних. Усиливается распределительная роль федерального бюджета. Дотационные регионы, видя как растут трансферты с уменьшением их доходов, начинают сознательно ориентироваться на такое уменьшение. Центр, взимая все больше налогов с регионов-доноров для последующего распределения этих средств среди регионов-иждивенцев, ведет дело к превращению самих доноров в реципиентов.

По каждому депрессивному региону целесообразно было бы разработать соответствующую программу во главе с дирекцией, а на федеральном уровне создание совета директоров таких программ. Это должен быть орган при Министерстве по делам федерации или Министерстве экономического развития РФ. Программа должна включать комплекс мер, нормализующих положение, оптимизирующих производство в той мере, в которой это будет не обременительно для народного хозяйства, т.е. самоокупающееся производство, выдерживающее рыночную конкуренцию.

Одна из целей региональной политики — стимулирование экономических реформ в регионах, сокращение экономически и социально неэффективных дотаций различным отраслям экономики. Сокращение федеральных субвенций — стимул для регионов снижать уровень субсидирования отраслей. Стимулирование региональных властей снижать уровень ее дотационности может осуществляться федеральным правительством через механизм межбюджетных трансфертов.

В рамках действующей модели межбюджетных трансфертов это возможно: исключением региона из числа особо нуждающихся в случае несоблюдения им графика сокращения дотационности; сокращением суммы трансфертов на величину превышения регионом нормативных затрат на субсидирование; исключением из состава расходов, учитываемых в формулах бюджетного выравнивания, затрат на сверхнормативные дотации. Преимуществом такого подхода является сохранение финансовой самостоятельности субъектов федерации и их ответственности за состояние снимаемых с бюджетного финансирования отраслей.

Основными направлениями деятельности по повышению эффективности использования средств местных бюджетов Кабардино-Балкарской Республики являются: создание механизмов, позволяющих в максимальной мере использовать все ресурсы бюджетов (недоимку по налогам и другим обязательным платежам, штрафы и пени); обеспечение условий увеличения налогооблагаемой базы регионов и субъектов местного самоуправления; совершенствование механизма межбюджетного перераспределения средств.

Наиболее радикальным, на наш взгляд, способом стимулирования реформ на региональном уровне является создание в составе федерального бюджета специального фонда для тех регионов, власти которых проводят соответствующую экономическую политику. Такой фонд наряду со стимулированием реформ на местах обеспечивал бы приток финансовых средств в наиболее динамично развивающиеся регионы, способные стать локомотивами национальной экономики.

Основная цель поддержки депрессивных регионов страны — ускорение структурной перестройки экономики России, смягчение ее неблагоприятных последствий для населения регионов и содействие им в проведении структурных преобразований. Она может быть реализована в статусе федеральной или совместной федерально-региональной программы. Второй вариант программы является новой формой сотрудничества федеральных и региональных властей при проведении структурно-инвестиционной политики. При ее разработке необходимо будет провести полную инвентаризацию такого рода механизмов, оценить эффективность их действия и определить возможности их применения в депрессивных регионах.

В связи с этим целесообразным представляется сосредоточение деятельности и распределение средств Фонда поддержки малого бизнеса преимущественно в депрессивных регионах; обеспечение первоочередного рассмотрения заявок на получение выделяемых на проведение структурной реконструкции и санации производства средств предприятий депрессивных регионов, разработка механизма оказания им технической помощи при подготовке таких заявок; преференциальный порядок рассмотрения заявок

на получение инвестиционных субсидий, государственных кредитов, гарантий по банковским кредитам предприятиями депрессивных регионов; предоставление предприятиям депрессивных регионов налогового кредита в первоочередном порядке; обеспечение приоритета депрессивных регионов при распределении инвестиций, проходящих по федеральным программам развития производственной инфраструктуры; приоритетное использование федеральной части фонда занятости населения в депрессивных регионах; предоставление высвобождаемым работникам промышленных предприятий депрессивных районов целевых кредитов на жилищное строительство; выделение кредитов населению депрессивных районов на получение образования, переквалификацию и т.д.; на Министерство экономического развития и торговли РФ возложение функции координации деятельности министерств и ведомств по поддержке депрессивных регионов. Для этого необходима межведомственная комиссия по депрессивным регионам под председательством министра (заместителя министра) экономического развития РФ. Возможно также создание агентства (корпорации) по развитию депрессивных регионов.

Таким образом, главной целью экономической политики Кабардино-Балкарской Республики на длительную перспективу является восстановление и приумножение своего экономического потенциала. Приоритетные направления социальной политики — обеспечение занятости экономически активного населения; поддержка работающего человека, защита его законных интересов; адресная поддержка малоимущих слоев населения; государственная поддержка здравоохранения, образования и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Шевяков А.* Экономический рост и неравенство // Общество и экономика. 2004. № 2. С. 56.

[2] *Смирнягин Л., Былов Г.* О программе помощи депрессивным регионам // Регионология. 1995. № 3. С. 31—43.

[3] См.: Кабардино-Балкария в цифрах. Госкомстат КБР. Нальчик, 2004. С. 141.

[4] Там же. С. 147.

[5] Рекомендации парламентских слушаний на тему: «Об основах государственной региональной политики, порядке ее разработки и реализации». М., Гос. Дума, 19.12.2000.

[6] См.: *Ляшенко Г.* Депутаты поддержали депрессивные регионы // Коммерсант. 2003. № 42. С. 13.

[7] См.: *Смирнягин Л., Былов Г.* Указ. соч. С. 33.

[8] См.: *Куперштох В.Л., Соколов В.М., Суспицын С.А., Ягольницер М.А.* Методические основы выделения депрессивных и отсталых регионов // Регион: Экономика и социология. 1996. № 2. С. 14.

[9] См.: *Димитриев В.* Чувашия все еще нуждается в поддержке центра // Советская Чувашия. 1996. 30 янв.

[10] См.: *Wallis J., Oates W.* Decentralization in the Public Sector: An Empirical Study of State and Local Government. In: Rosen H., ed. Fiscal Federalism: Quantitative Studies. Chicago: University of Chicago Press, 1988, P. 13—15.

[11] См.: *Хурсевич С.* Как оптимизировать финансовую поддержку регионов // Федерализм. Институт экономики РАН. 1998. № 2.

[12] См.: Методика распределения средств, предназначенных для дополнительной финансовой поддержки депрессивных регионов: Постановление Правительства Российской Федерации от 19 сентября 1998 г. № 1112.

[13] См.: *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Самоидентификация России и формирование нового регионального союза // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 79.

[14] См.: Стратегия территориального развития и федеральной региональной политики. М., 2001.

Поступила 09.06.2005.

И.Е.ИЛЬИН

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В РЕГИОНЕ

Для успешного проведения аграрной реформы необходимо знать исходное состояние объекта, т.е. регионального агропромышленного комплекса, который находится в состоянии кризиса, обусловленного внешними (российского масштаба) макроэкономическими и социальными условиями и внутренними факторами (региональными и местными). В таких условиях регионы стремятся найти свой, более эффективный путь развития.

Сельское население Чувашии характеризуют определенные демографические и этнонациональные особенности. В отличие от других регионов Российской Федерации в 2002 г. его доля в республике была значительной и составляла 39,3 %. В 2002 г. в Чувашии проживало 1 313 754 чел. Как и по всей России, в республике больше женщин (705 035 чел.), чем мужчин (608 718 чел.) и городское население преобладает над сельским: 796 196 чел. против 517 558 чел[1]. Население Чувашии составляло 4,2 % от численности живущих в Приволжском федеральном округе. В Чувашии высока плотность населения — 74 чел. на квадратный километр, а также поселенческая концентрация сельского населения, большая часть которого (82 %) проживает в населенных пунктах с числом жителей от 200 чел. и выше.

Чуваши составляют 67,7 % населения республики. В то время как в других национальных республиках Приволжского федерального округа представители титульного этноса составляют менее половины населения. В структуре сельского населения Чувашской Республики 85,5 % со-

ИЛЬИН Иван Егорович, заведующий отделом социологии Чувашского государственного институа гуманитарных наук, кандидат философских наук, доцент.

ставляют чуваши[2]. Однако следует отметить, что численность чувашей в стране за 1989—2002 гг. уменьшилась на 26 тыс. чел. и составила 1 637,2 тыс. чел.

Время реформ, декларируемых как рыночные и провозглашавших всесторонний прогресс, улучшение жизни крестьянина, ознаменовалось падением производства, разрушением материально-технической базы сельского хозяйства, деградацией сельского социума. В Чувашской Республике, как и в большинстве субъектов Российской Федерации, отмечался спад производства сельскохозяйственной продукции. В 1992—2003 гг. в хозяйствах всех категорий производство зерна уменьшилось с 1 004,5 тыс. т до 430,3 тыс. т, молока — с 591,1 тыс. т до 490,2 тыс. т[3]. В большей степени этот спад был связан с общей экономической ситуацией в стране и поспешной реорганизацией колхозов и совхозов.

Материалы социологических исследований показали, что в 2000 г. 52,5 %, а в 2003 г. 40,6 % опрошенных крестьян отметили отрицательное влияние реорганизации колхозов и совхозов в 1990-х гг. на экономическое положение сельскохозяйственных предприятий. Среди форм организации сельскохозяйственного производства наиболее эффективными были названы колхоз (29,5 % — в 2000 г. и 28,5 % — в 2003 г.), агропромышленный комбинат, агрофирма (16,1 % — в 2000 г. и 10,1 % — в 2003 г.), а 33,9 % в 2000 г. и 21,5 % респондентов в 2003 г. согласны с существованием различных форм хозяйствования.

В сфере интересов исследователей и сельских жителей находится фермерское движение. За 1991—2004 гг. число крестьянских (фермерских) хозяйств в Чувашской Республике увеличилось с 7 до 1 723, площадь предоставленных им земель с 81 до 17 352 га, а средний размер земельного участка в 2004 г. составлял всего 9,5 га. Этот показатель значительно выше в Саратовской (219 га), Оренбургской (128 га), Самарской (103 га), Кировской (94 га) областях, Башкортостане (125 га), Татарстане (108 га), Мордовии (80 га)[4].

Социально-психологический барьер перед фермерским движением в определенной степени меняется в лучшую сторону, у сельских жителей повышается степень доверия фермерам. Так, в 2000 г. 14,4 % и в 2003 г. 19,7 % опро-

шенных крестьян Чувашии отметили, что фермерские хозяйства должны стать главными производителями товарной продукции.

Характеризуя существующие «модели» сельского хозяйствования (кооперативная, фермерская или личное подсобное подворье), Президент Чувашской Республики Н.Федоров в 2003 г. на Всероссийском совещании в Чебоксарах «О мерах по реализации государственной политики социального развития сельских территорий на примере Чувашской Республики» отметил, что фермерское движение для Чувашии не подходит, агрохолдинги и прочие объединения не изменили кардинально обстановку на селе: «не для нас это — не та история и менталитет»[5].

В 2002 г. в структуре производства основных видов сельскохозяйственной продукции Чувашии по категориям хозяйств 93,9 % зерна собирали коллективные сельскохозяйственные организации, а 65,1 % молока, 66,8 % мяса и 85,4 % овощей, картофеля производили хозяйства населения[6]. Аналогичная ситуация наблюдается как в целом по стране, так и в отдельных регионах. Однако приведенные факты не означают возврата к мелкотоварному хозяйству большинства крестьян, а в очередной раз подтверждают вывод о ведущей роли сельского подворья в выживании села в условиях рынка, особенно в 90-х гг. XX в.

Необходимо отметить, что в основном нагрузка по ведению сельского подворья ложится на членов домохозяйства, не занятых постоянно в общественном производстве. Как правило, это люди моложе и старше трудоспособного возраста. К тому же работа по уходу за скотом, огородом и т.д. требует крепкого здоровья и много времени.

В связи с этим большое значение имеет здоровье сельского населения, что в свою очередь связано со многими параметрами (состояние уровня медицинского обслуживания, особенно бесплатного, структура проведения свободного времени, поддержание здорового образа жизни и т.д.). В 2002 г. 53,4 % среди опрошенных крестьян Чувашии (56,8 % мужчин и 50,4 % женщин) были удовлетворены своим здоровьем. В 2000 г. 67,0 %, а в 2003 г. 56,8 % опрошенных оценили состояние медицинского обслуживания в сельской местности как неудовлетворительное. Боль-

шинство крестьян беспокоит рост объема платных услуг в здравоохранении, качество медицинского облуживания в сельской местности. Так, в 2000 г., сравнивая качество медицинского обслуживания с периодом реформ (начало 1990-х гг.), 72,3 % опрошенных крестьян ответили, что оно стало хуже. К тому же материалы исследования 2003 г. свидетельствуют о том, что в условиях нарастающей безработицы работодатель обращает внимание на следующие качества нанимающихся: образование (66,7 % опрошенных), квалификацию (56,1 %), состояние здоровья (54,8 %).

В связи с этим прав П.П.Великий, подчеркивая, что «селу придется в перспективе опираться на жизнестойкость, присущую крестьянству, это не раз спасало его в трудные периоды истории (Гражданская война, Великая Отечественная война). Ныне это главный элемент социального потенциала и его следует более детально изучать сельским социологам»[7]

За годы реформ произошли опасные для страны изменения в экономике, отразившиеся на снижении уровня жизни людей. Изменения в социальной структуре населения повлекли имущественное расслоение сельской общности, резко упал уровень жизни ее членов. В 2003 г. 47,9 % респондентов ответили, что жить достаточно трудно а 33,3 % — материально живут хуже, чем 10 лет назад (в начале 1990-х гг.). В свою очередь снабжение продовольственными, промышленными товарами стало намного лучше (более 70 % опрошенных), т.е. сегодня существует не дефицит товаров, а отсутствие денег. В условиях аграрного реформирования у сельских жителей наибольшее беспокойство вызывают рост цен, платное здравоохранение и образование, безработица, несвоевременная выплата зарплаты, резкое расслоение людей на бедных и богатых и т.д.

В 2002 г. 72,5 % опрошенных крестьян Чувашии были не удовлетворены своим материальным положением, а 74,1 % — не согласны с размером оплаты труда. Оценивая материальное положение своей семьи, 40,5 % крестьян отметили, что живут от зарплаты до зарплаты, денег с трудом хватает на питание, а 39,0 % — на ежедневные расходы денег хватает, но покупка одежды вызывает трудности. Таким образом, около 80 % сельского населения

относятся к категории бедных, в том числе и люди с высшим образованием (учителя, врачи, агрономы и т.д.).

Особую озабоченность вызывает отмена социальных льгот в сельских трудовых коллективах. В 2002 г. абсолютное большинство опрошенных (75,4 %) были недовольны выделением путевок в дома отдыха, санатории, оплатой лечения, восстановлением своего здоровья. В условиях реформ государственные и общественные опоры благополучия граждан год от года слабеют. Каждый должен все в большей мере полагаться на собственные силы. Адаптация непосильна больным, одиноким, слабым и т.д. Очевидно, что все это требует разработки адекватных социальных защитных мероприятий в рамках региональной социальной политики. В этом плане заслуживает внимания опыт Чувашской Республики в создании объектов социальной инфраструктуры. Посещая Чувашию в 2004 г., Президент Российской Федерации В.Путин высоко оценил опыт республики по комплексному подходу к социальному развитию села отметив, что «опыт Чувашии может, должен и будет востребован»[8].

Низкая эффективность аграрных преобразований предопределена, на наш взгляд, неоправданным акцентом на ускоренную приватизацию и реорганизацию колхозов и совхозов, незавершенностью земельной реформы, социальными проблемами дестабилизирующего характера. Противоречивые результаты аграрных преобразований на современном этапе обусловлены стратегическими ошибками и просчетами в деятельности государственных органов федерального и регионального уровня управления.

В определении целей, сроков, этапов и основных путей реформирования аграрного сектора необходимо учитывать особенности общественного развития страны, ее регионов, духовный склад, менталитет и национальный характер крестьянства. Необходимо осмыслить, что представляет собой менталитет основной массы «бывшего» колхозного крестьянства, каковы основные детерминанты его эволюции, какой должна быть государственная аграрная политика, чтобы соответствовать специфике российского менталитета и отвечать потребностям сельскохозяйственного производства в рыночных условиях[9]

Таким образом, для дальнейшего осуществления аграрной реформы необходимо использовать все сложившиеся формы хозяйствования в агропромышленном комплексе, сохраняя коллективную собственность и крупное производство в сельском хозяйстве в качестве ведущего сектора. В целях консолидации сельского сообщества целесообразно организовать социологический мониторинг социальной базы аграрной реформы, диагностировать ее деформации и кризисные тенденции, разработать систему профилактических мер по рациональной социальной ориентации вступившей в рыночные отношения крестьянской общности, своевременно принимать правильные управленческие решения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Численность и размещение населения: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 1. М., 2004. С. 162.

[2] См.: Национальный состав населения Чувашской Республики по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года / Госкомстат ЧР. Чебоксары, 2005. С. 33.

[3] См.: Чувашская Республика и регионы Приволжского федерального округа / Госкомстат ЧР. Чебоксары, 2002. С. 20; Агропромышленный комплекс Чувашской Республики, 2004 / Госкомстат ЧР. Чебоксары. 2004. С. 25, 32.

[4] См.: Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2003 / Госкомстат ЧР. Чебоксары, 2003. С. 9; Агропромышленный комплекс Чувашской Республики, 2004 / Госкомстат ЧР. Чебоксары, 2004. С. 12, 117.

[5] Советская Чувашия. 2003. 27 сент.

[6] См.: Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2003 / Госкомстат ЧР. Чебоксары, 2003. С. 8.

[7] *Великий П.П.* Реалии российской деревни в зеркале методологии // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». М., 2003. Т. 3. С. 161.

[8] Советская Чувашия. 2004. 6 февр.

[9] См.: Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: Материалы VIII Межрегиональной науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19—21 мая 2005 г.). М., 2005.

Поступила 10.01.2005.

Ю.Н.АНДРЕЕВ

МОНИТОРИНГ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Задачи проводимого на федеральном уровне мониторинга научно-технического потенциала и региональной научно-технической политики в конечном счете вытекают из положений ст. 72 Конституции РФ. В совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находятся обеспечение соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции Российской Федерации федеральным законам; общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта. Требуется также согласованность нормативных документов, принимаемых в регионах, с федеральным законом о науке, с государственными концепциями научно-технической политики и взаимодействие федеральных и региональных органов государственной власти в проведении научно-технической политики с учетом интересов разного уровня.

Региональные аспекты государственной научно-технической политики включают вопросы деятельности региональных администраций и организации сотрудничества и координации между уровнями государственной власти. По этой причине предметом мониторинга являются действия администраций субъектов федерации по отношению к научно-техническим комплексам регионов и реализация схем взаимодействия региональных и федеральных органов государственной власти.

АНДРЕЕВ Юрий Николаевич, начальник сектора региональной научно-технической политики Российского НИИ экономики, политики и права в научно-технической сфере Федерального агентства по науке и инновациям, кандидат экономических наук.

В связи с переходом к рыночной экономике и резким сокращением государственного заказа возникла необходимость сохранения научно-технического потенциала страны и адаптации его к новым условиям. Миннауки России в 1993 г. организовало постоянное взаимодействие с региональными администрациями на основе долевого финансирования научно-технических проектов из средств федерального и региональных бюджетов. Для реализации этого проекта был создан Межведомственный межрегиональный совет, который оценивал эффективность взаимодействия, принимал решения о приоритетах финансирования проектов. В рамках принятой политики взаимодействия с регионами осуществлялись меры по подготовке кадров менеджеров научно-технической деятельности с опорой на поддержку со стороны международной программы ТАСИС. Активная политика Миннауки способствовала созданию сети региональных научно-координационных центров, ставшие в своих регионах проводниками государственной научно-технической политики, содействовавшие развитию инновационной деятельности, явившиеся опорой региональных администраций в формировании и проведении научно-технической политики.

В 2003 г. министерство прекратило практику долевого финансирования региональных программ и проектов и переключило средства на развитие инфраструктуры инновационной деятельности. Косвенным следствием этого стало существенное сокращение обмена информацией между министерством и регионами, что усилило потребность в проведении мониторинга.

Сделанный Минпромнауки в 2003 г. запрос о формировании и роли приоритетов в регионах явился первым этапом апробирования схемы мониторинга региональной научно-технической политики. Выяснилось, что за редким исключением в регионах еще не сложилась традиция формирования приоритетов как части общей социальной и экономической политики.

Материалы, представленные регионами, были использованы в 2004 г. для проведения мониторинга научно-технической политики субъектов федерации. Они были сгруппированы в три группы по масштабам научно-технического комплекса (таблица).

Таблица

Группировка субъектов федерации по количеству научных организаций на 2002 г.

Группа 1		Группа 2		Группа 3	
Субъекты	Кол-во орг.	Субъекты	Кол-во орг.	Субъекты	Кол-во орг.
г. Москва	893	Пермская	55	Ставропольский	23
С.-Петербург	449	Тверская	52	Ленинградская	21
Московская	236	Омская	52	Астраханская	21
Свердловская	133	Приморский	45	Кировская	20
Новосибирская	133	Челябинская	42	Курганская	18
Нижегородская	115	Иркутская	39	Рязанская	17
Ростовская	110	Владимирская	37	Калининградская	17
Татарстан	104	Калужская	37	Оренбургская	17
Башкортостан	78	Ивановская	36	Ульяновская	17
Красноярский	71	Тульская	34	Бурятия	17
Краснодарский	64	Хабаровский	34	Коми	16
Волгоградская	62	Ярославская	33	Смоленская	15
Саратовская	62	Мурманская	33	Каб.-Балкарская	15
Тюменская	62	Удмуртская	33	Камчатская	15
Воронежская	59	Кемеровская	33	Вологодская	14
Самарская	59	Алтайский	28	Новгородская	14
Томская	57	Пензенская	27	Чувашская	14
Итого	2 747	Белгородская	26	Амурская	14
		Брянская	26	Липецкая	12
		Курская	26	Читинская	12
		Орловская	24	Марий Эл	11
		Тамбовская	24	Мордовия	11
		Саха (Якутия)	24	Сахалинская	11
		Архангельская	23	Костромская	10
		Дагестан	23	Псковская	10
		Итого	846	Сев. Осетия	10
				Карелия	9
				Калмыкия	9
				Тыва	8
				Магаданская	8
				Каб.-Черкесская	4
				Алтай	4
				Адыгея	3
				Хакасия	3
				Чукотский АО	2
				Ингушская	1
				Еврейская АО	1
				Итого	444

В таблице дана группировка субъектов федерации по величине научного потенциала на основе количества научных организаций. Группировка по численности занятых в научно-технической сфере дала близкие результаты.

Специфические особенности Москвы как столицы федерации обусловили концентрацию в ней организаций, выполняющих координирующие и обслуживающие функции в научно-техническом комплексе России. Здесь же сосредоточены головные научные организации отдельных отраслей народного хозяйства, государственные научные центры. Таким образом, в Москве находится большая часть организаций, выполняющих функции головных научных центров, инфраструктурных услуг, образования и т.п. Этим можно объяснить и значительный отрыв Москвы от других субъектов федерации по количеству организаций, выполняющих исследования.

Специфика Московской области состоит в том, что на ее территории находится большая часть территориальных образований с высокой концентрацией научно-технических организаций, которые создавались как наукограды для выполнения важных государственных задач. Эффективность работы этих комплексов в значительной мере определялась их географическим положением, упрощавшим подготовку кадров, передачу результатов исследований в производство, обмен знаниями и кадрами.

Научно-технические потенциалы некоторых субъектов первой группы формировались в расчете на выполнение функций научного обслуживания прилегающих регионов, иногда совпадающих с территорией экономического района. Такова роль научных комплексов Новосибирской, Томской, Воронежской, Ростовской областей и Санкт-Петербурга. Регионам второй группы характерно диверсифицированное развитие промышленности. Вследствие этого сложился комплекс отраслевых институтов и вузов, обеспечивающих относительный баланс потребностей региона в подготовке кадров, научных исследований и возможностей своего научного и образовательного потенциалов. Для регионов третьей группы характерно сочетание образовательных учреждений и академических центров. Размещение организаций этого типа не связано с обслуживанием крупных

промышленных центров. Различия между регионами второй и третьей группы неустойчивы, поэтому устойчивые их характеристики следует относить к ядру этих групп. Показательны результаты анализа данных по некоторым регионам.

Наследие централизации проявляется в Тульской области лидированием научно-технической деятельности в двух секторах: оборонном и машиностроительном. В этих секторах была создана производственная база науки, конструкторские организации, поэтому руководство области считает возможным на базе этих групп научных организаций обеспечить научно-технологическую подготовку производства. В других секторах научное обеспечение недостаточно.

Проведение рыночных реформ привело к отчуждению от научных организаций опытно-экспериментальной базы. Объем загрузки со стороны научных организаций был недостаточен для рентабельной работы предприятий этой базы, что заставило их искать других заказчиков и изменить профиль деятельности. Оборотной стороной этого процесса стало ослабление способности научного сектора доводить разработки до промышленных образцов. В середине 90-х гг. XX в. администрация области нашла пути экономически эффективного использования научного потенциала региона.

В Тульской области к 1996 г. уже были видны проблемы развития народного хозяйства, наталкивающие на мысль о целесообразности включения заказов на проведение научных исследований и разработок в структуру закупок для государственных нужд. Строительство и содержание автомобильных дорог — одна из важных расходных статей бюджета. Постоянный рост затрат по этой статье заставил заказывать разработки по снижению стоимости строительства и содержания дорог, в том числе новых технологий, использовать более дешевые материалы (включая отходы местной промышленности), газифицировать автомобильный транспорт с целью снижения затрат на общественный транспорт и улучшение экологии, разработать теплосберегающие элементы строительных конструкций для снижения затрат на коммунальное хозяйство. Ранее губернатор области говорил о важности коренного изменения строитель-

ных технологий для того, чтобы решить противоречие между вновь введенными нормами на теплозащиту в жилищном строительстве и необходимостью удержать стоимость строительства в разумных пределах.

Эти примеры убедили администрацию области в том, что включение научных организаций в состав исполнителей региональных программ является эффективным способом ограничения роста бюджетных расходов на социальные цели. Соответствующее методическое положение сформулировано следующим образом: «формирование любых, даже защищенных статей расходной части бюджета, должно содержать обязательное требование включения работ, обеспечивающих более рациональное расходование бюджетных ассигнований в последующие годы»[1]

Головным подразделением администрации, отвечающим за управление научным потенциалом области, является Комитет по науке и технологиям. В Положении о Комитете установлены основные методы управления научно-техническим комплексом, основным из них является программно-целевой метод. Главной задачей Комитета на момент его создания было сохранение действующих научных организаций, оказание им помощи в адаптации к рыночной экономике.

Наиболее значимым положением Устава области является то, что наука включена в перечень социальных статей расходов, финансирование которых обязательно. Устав не определяет конкретные нормы финансирования, но декларирует необходимость их включения в областные законы. Следует отметить, что положение ст. 121 об определении норматива отчислений на финансирование науки в областном законе о науке не выполнено.

Закон «Об осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности на территории Тульской области» № 73-ЗТО принят Тульской областной Думой 22 января 1998 г. Внесенные в аналогичный федеральный закон изменения касаются добавления термина «инновационная деятельность» в те абзацы текста, где даются перечисления видов научно-технической деятельности. По смыслу в законе речь идет о последней стадии научно-технической деятельности, связанной с трансфертом результатов науч-

ной деятельности в народное хозяйство. Это товарная продукция научно-технического комплекса, но в то же время включенное в закон определение инновационной деятельности оставляет возможность трактовать инновационную деятельность как реализацию новых идей, в том числе без товарных отношений и без участия научно-технического комплекса (субъекты инновационной деятельности). Тем самым определение инновационной деятельности в законе приближается к определению, используемому в статистической отчетности. Из-за смешения двух понятий инновационной деятельности возникают разночтения закона, поскольку администрации даются полномочия управлять инновационной деятельностью всех юридических лиц.

Закон Тульской области от 21 сентября 1999 г. № 152-ЗТО «О государственной поддержке малого предпринимательства на территории Тульской области» предусматривает ведение реестра малых предприятий, получающих государственную поддержку. Реестр выполняет функцию информационного обеспечения действия закона, формирует материалы для анализа эффективности государственной поддержки, и в то же время служит средством связи администрации области с руководителями малых предприятий. Реализация государственной поддержки малых предприятий подчинена законом целям областной программы социального и экономического развития. Закон предусматривает меры контроля эффективности государственной поддержки с помощью мониторинга основных показателей сектора малого предпринимательства.

В тексте Программы поддержки инновационной деятельности Тульской области изложены мотивы, по которым администрация считает целесообразной реализацию программы. Экономическое положение в стране не содержит условий естественного развития инновационного процесса, так как низок уровень доходов населения, а предприятия не имеют достаточно средств на простое воспроизводство, не говоря уже о модернизации. В то же время в распоряжении Тульской области нет других ресурсов развития, кроме научно-технического потенциала, поэтому сделан вполне логичный вывод о необходимости концентрации сил на его использовании. С другой стороны, научные органи-

зации ослаблены и не могут в ближайшее время предоставить инвесторам достаточное количество разработанных инновационных предложений. Низок и платежеспособный спрос промышленности на инновационные предложения. В этой ситуации главной целью программы объявляется не финансовая поддержка научно-технического комплекса и модернизируемой промышленности, а меры правового и организационного характера.

Предусматривается предоставление налоговых льгот для лиц, реализующих инновационные проекты, прямое финансовое участие государства в реализации инновационных проектов, создание регионального фонда поддержки инновационной деятельности. Аналогичные меры предпринимали в этот период многие регионы. В совокупности они должны были решить задачи, во-первых, компенсации инвесторам потерь, связанных с финансированием инновационных проектов. Источником для погашения бюджетных затрат на эти цели служит повышенная экономическая эффективность инновационных проектов в перспективе, что позволяет рассчитывать на рост налоговых поступлений при реализации проектов. Во-вторых, создания локального финансового климата, благоприятного для инвестирования в инновационную деятельность. Этой цели служит создание специализированных фондов, выдающих кредиты под более низкие проценты и под гарантии областного бюджета.

Программой предусмотрено создание организаций инфраструктуры научно-технической и инновационной деятельности. Ограниченность регионального спроса на научно-техническую продукцию предполагалось компенсировать развитием межрегиональных и международных связей, что должно было способствовать выходу организаций научно-технического комплекса на общероссийский и мировой рынки. Первоочередные меры включали оказание помощи в оформлении материалов инновационных проектов, подготовку каталога инновационных предложений, содействие установлению сотрудничества.

В тексте Закона от 5 апреля 2004 г. № 437-ЗТО «О промышленной политике в Тульской области» имеются прямые указания на необходимость опираться на научно-технический потенциал области при проведении промышлен-

ной политики. Однако в целом документ не содержит информации о направлениях промышленной политики, он только описывает методы, с применением которых промышленная политика должна разрабатываться и проводиться в жизнь. Аналогичный Закон от 16 октября 2001 г. № 153/2001-ОЗ «О промышленной политике Московской области» содержит прямое указание на приоритетные отрасли, что послужило основанием для принятия Закона г. Москвы от 21 февраля 2001 г. № 13 «О территориальных единицах с особым статусом в городе Москва» и Закона г. Москвы от 13 марта 2002 г. № 12 «О территориальной единице с особым статусом „Особая экономическая зона „Зеленоград“».

Закон об инвестиционной деятельности также является частью государственной промышленной политики Тульской области. Очевидно, что он не ориентирован на научно-технические и инновационные приоритеты. Закон о промышленной политике здесь не упоминается. Когда речь заходит о принципах отбора проектов, то дается ссылка на направления социально-экономического развития области. Не включены и статьи о приоритетах научно-технических или инновационных программ.

Администрация области не пошла по традиционному пути выбора приоритетных направлений и целевого финансирования исследований в этих направлениях с помощью целевых научно-технических программ. Формально заявленные направления в дальнейшем не стали реальным инструментом. Не стала администрация и ставить задачу проведения структурных изменений в промышленности и сельском хозяйстве области, а принятый закон о промышленной политике ограничился констатацией процедурных вопросов. Такой подход нетипичен для регионов с более сильным научно-техническим потенциалом, но он также представляет собой вполне возможный и рациональный подход. Для его реализации создана нормативная база в виде Закона от 26 марта 1997 г. № 46-ЗТО «О государственной поддержке инвестиционной деятельности на территории Тульской области».

Несколько иная ситуация сложилась в г. Москве. Департамент науки и промышленной политики был образован в

Заказ № 4571

Москве 26 ноября 1996 г. постановлением № 934 Правительства Москвы. Соединение задач научно-технической и промышленной политики дало, на наш взгляд положительный результат. В полное ведение Департамента была включенна инновационная политика.

Сильной стороной документа является продуманная политика интеграции научно-технической и производственной деятельности. Департамент полностью держит проблему в сфере своего внимания и обладает всеми необходимыми инструментами. Он может формировать государственный заказ, вносить предложения по изменению законодательства, участвовать в формировании целевых программ инновационного и инвестиционного характера. Опорой Правительства Москвы в проведении этой политики является наличие государственного сектора в научно-техническом и промышленном секторах.

11 февраля 2002 г. распоряжением Правительства Москвы № 179-РП была создана Комиссия по научно-технической политике при Правительстве Москвы. Целью ее создания явилась выработка и реализация оптимальной научно-технической политики. Была создана Комиссия в качестве постоянного органа, решающего комплексные задачи. С одной стороны, речь идет о привлечении работников научного комплекса к решению проблем трансфера технологий, более тесном и продуманном согласовании направлений исследований с потребностями народного хозяйства города. С другой стороны, усиливается политика поддержки научного комплекса, особенно кадрового состава.

Закон г. Москвы № 53 «Об основах научно-технической политики города Москвы» был принят 24 октября 2001 г. Из поставленных в законе задач особо следует отметить создание и развитие эффективно функционирующей инфраструктуры научно-технической деятельности, осуществляемой в интересах города, и системы управления этой деятельностью.

Ст. 7 данного закона «Основы формирования научно-технической политики города Москвы» предусматривает, что формирование научно-технической политики г. Москвы осуществляется с учетом утвержденных Московской городской думой по представлению мэра Москвы перечня при-

оритетных проблем социально-экономического развития города на среднесрочный период, решение которых невозможно без специально осуществляемого, стимулируемого научно-технического обеспечения, а также концепций научно-технической и инновационной политики города на среднесрочный и долгосрочный периоды, разработанных на основе прогнозов развития города и направленных на решение приоритетных проблем социально-экономического развития города.

Таким образом, для всех заинтересованных участников создается информационное поле, благоприятствующее разработке планов научной и инновационной деятельности.

В 2002 г. принято Постановление от 2 апреля № 230 «О городской программе развития науки и технологий на период 2002—2004 гг.». Программа явилась инструментом реализации приоритетных направлений, утвержденных этим же постановлением. Разработка перечня приоритетов представляет интерес для других регионов своей структурой, показывающей схему перехода от хозяйственных нужд города к направлениям прикладных научных исследований. На примере программы использования альтернативных видов топлива видно, что этот приоритет реализуется последовательно в течение нескольких лет. При этом согласовано ведутся научные разработки и инвестиционные проекты.

Наиболее крупными научно-техническими программами Москвы следует признать программы развития территорий «Зеленоград» и «Юго-Запад», создание которых было оформлено принятием законов субъекта федерации. Сначала был принят общий закон о ТЕОС (территории с особым статусом), затем специальные законы по каждой зоне. В результате были созданы зоны, напоминающие по потенциалу и целям развития наукограды РФ. Принципиальное отличие состоит в том, что зоны сформированы вокруг высокотехнологичных производств, а не вокруг научных центров, поэтому их скорее можно назвать техноградами. Правительство Москвы взяло на себя функции заказчика программ и организатора их реализации. Этим и объясняются успехи данных программ.

В целом относительно научно-технической и инновационной политики г. Москвы можно сказать, что ее основой

является четко сформулированная промышленная политика и прогнозы социально-экономического развития. По сравнению с другими регионами России в Москве наиболее сильна роль администрации. Для реализации особо важных направлений научно-технической политики создаются специальные структуры в правительстве и статьи бюджетного финансирования. В то же время в Москве получили значительное развитие формы поддержки инновационной деятельности в виде организаций инновационной инфраструктуры, многие из которых имеют общегосударственное значение. Правительство Москвы оказывает существенную поддержку малым предприятиям, но при этом не выделяются в виде особой группы предприятия научно-технической деятельности. Взаимодействие с научной общественностью закреплено документами, выпускается специализированный журнал «Наука Москвы».

Нижегородская область устойчиво входит в первую группу регионов с наиболее развитым научно-техническим потенциалом. В структуре администрации вопросами науки занимается Министерство образования и науки Нижегородской области. В число основных задач министерства входит разработка и реализация научно-технической политики Нижегородской области. Развитие инновационной деятельности находится в ведении министерства промышленности и инноваций. Руководство инновационной деятельностью сосредоточено в этом министерстве в Департаменте оборонно-промышленного комплекса и инновационных программ.

Инновационная политика строится на возможностях и потребностях промышленного комплекса области. Проблема трансфера научных результатов в производство организационно отделена и решается на базе научно-образовательных учреждений путем создания технопарков при университетах. При Правительстве области создан общественный орган — Совет по научно-технической и инновационной политике.

Нормативной основой инновационной политики области является Закон от 15 сентября 2003 г. № 79-З «О государственной поддержке инновационной деятельности в Нижегородской области». Законом определены цели, задачи и стратегия инновационной политики, нормативно-правовые,

экономические и организационные условия инновационной деятельности, формы взаимодействия между субъектами инновационной деятельности и органами государственной власти, разработана и принята областная целевая программа «Инновации и высокие технологии в промышленности Нижегородской области на период 2003—2005 гг.»

Элементы рыночной инфраструктуры инновационной сферы сложились в основном на базе вузов и за счет их поддержки со стороны бюджетов, при небольшом участии предприятий промышленности и представителей частного капитала региона, располагающих свободными помещениями и являющихся потребителями наукоемкой продукции. Налоговые поступления от предприятий, создаваемых в инновационно-технологических центрах превышают суммы бюджетных средств, потраченных на их создание.

Современное состояние социально-экономического развития региона обусловливает необходимость разработки и реализации крупных межрегиональных проектов, поскольку замыкание инновационной деятельности в рамках одного региона не позволяет в полной мере реализовать весь потенциал научных достижений. Разрабатывается проект создания «Поволжского Центра координации инновационной деятельности» г.Сарова. Основными целями проекта являются интеграция фундаментальной науки и высшей школы; создание научно-технического задела инновационной деятельности; концентрация бюджетных и иных средств для реализации крупных инновационных проектов; коммерциализация гражданских разработок, созданных в ходе исследований, выполненных в Российском федеральном ядерном центре.

Проектом предполагается строительство инновационного центра вблизи Сарова; создание университетского комплекса на базе Саровского физико-технического института; организация и поддержка инновационного процесса в Поволжском экономическом макрорегионе; создание и внедрение информационной системы Поволжского центра трансфера технологий. Главным инвестором остается государство.

Таким образом, административное управление научно-технической деятельностью субъекта федерации осуществляется по трем вариантам: объединение сферы науки с

образованием, объединение науки с промышленной политикой, отсутствие специализированных подразделений в структуре администрации. Для регионов с незначительным научным потенциалом характерен последний вариант, для промышленно развитых и имеющих мощный научный потенциал более характерно объединение научно-технической политики с промышленной. Схема административного управления в научно-технической сфере определяется комплексом документов: положение о профильном подразделении, порядок взаимодействия с другими подразделениями, документы о функциях региональных советов (научно-технических, экспертных, координационных), о порядке формирования целевых программ, конкурсов и др. Разнообразие форм организации слишком велико, чтобы можно было их описать единообразно.

Законодательная база, влияющая на проведение научно-технической политики, представлена в целом законами о науке, об инновационной политике, инвестиционной политике, о промышленной политике, целевых программах или приоритетных направлениях развития региона, поддержке малых предприятий, мерах поддержки молодых ученых (о грантах и премиях).

Инновационную деятельность практически все субъекты федерации определяют как трансфер в промышленность результатов деятельности научно-технического комплекса. Это позволяет администрациям регионов сосредоточить бюджетную поддержку на организациях научно-технического комплекса. Поддержка инновационной деятельности промышленных предприятий осуществляется в рамках законодательства об инвестиционной деятельности.

Законы о научной деятельности регламентируют взаимоотношения субъектов научно-технической политики в регионе. В том числе определены функции подразделений администраций, коллегий, законодательных органов власти, научных советов (названия варьируются). Законы об инновационной деятельности определяют основные понятия в этой сфере, тем самым, указывая ее границы, определяют цели и способы поддержки инновационной деятельности.

Политика выделения региональных приоритетов научно-технической деятельности за последние десять лет приоб-

рела устойчивые черты: законодательная власть регионов утверждает основные, приоритетные направления развития региона, которые могут быть включены в закон (Орловская область) или утверждаться распоряжением губернатора. На основании сформулированных в виде хозяйственных приоритетов нужд региона организуется их научное обеспечение путем организации целевых конкурсов в рамках заданных направлений или формированием целевой программы и привлечением научных проектов для их реализации.

На смену технологии работы с приоритетами идет работа с конкретными крупными проектами. На уровне регионов тенденция перехода к реализации конкретных проектов обусловлена тем обстоятельством, что перспективные отрасли представлены единичными крупными предприятиями, по отношению к которым более эффективна адресная поддержка проектов модернизации, чем безадресная косвенная поддержка в виде льгот. Практика определения приоритетных направлений научных исследований постепенно уходит, оставаясь лишь в тех регионах, где администрация передоверяет формирование приоритетов головным научным организациям.

Интенсивность проведения инновационной политики также зависит от степени развития научно-технического комплекса и его роли в регионе, поэтому стратегии инновационной политики варьируются от методов косвенной поддержки (Тульская область) инициативных проектов до планомерной политики модернизации промышленности и народного хозяйства региона на основе новых технологий (г. Москва). В других регионах предпринимаются попытки увеличения роли «территорий инновационного развития».

Практически все регионы создали законодательство, благоприятное для привлечения инвесторов. Наряду с этим заметна активная деятельность по привлечению сильных компаний, которую ведут руководители субъектов Российской Федерации. Научно-образовательные комплексы регионов являются весомым аргументом администраций регионов при их переговорах с руководителями компаний. Наличие солидного научно-образовательного комплекса, сотрудничающего с администрацией, позволяет администра-

ции вместе с инвесторами осуществлять планы реструктуризации регионов (своевременная подготовка кадров, обеспечение научными исследованиями).

На рубеже 2002 г. стало заметно усиление внимания к гуманитарному сектору исследований. Создаются специализированные научные советы по гуманитарным направлениям с целью обеспечить обратную связь между руководством региона и населением[2] Это положительно влияет на решение социальных проблем региона, для чего привлекаются широкие круги населения и научной общественности. Заметны принципиальные отличия в целях федеральных и региональных программ. Федеральные программы социального характера предназначены оказывать посильную поддержку группам населения, технические программы нацелены на освоение новых видов продукции или новых технологий. На уровне регионов поддерживаются научно-технические программы, имеющие целью снизить нагрузку на бюджеты (энергосбережение, строительство дорог, использование местных ресурсов) или решить социальные проблемы (экология, охрана здоровья, подготовка кадров, сохранить и развить культурный потенциал). Отсутствие институционально оформленного взаимодействия регионов с федеральными органами власти в выработке нормативной базы привело к значительному разнообразию региональных нормативных документов, в том числе иногда и к удалению их от федеральной основы.

Основной задачей федеральной политики на данном этапе, на наш взгляд, является максимальное снятие барьеров для использования финансовых средств регионов на цели развития научно-технического потенциала и развития инновационной деятельности, финансирования исследований академических институтов. Эта практика имеет огромное значение для Сибири (программа «Сибирь»), постепенно возрастает значение подобных исследований и для других регионов. Необходимо также признать государственную значимость региональных приоритетов развития науки и техники наряду с федеральными. Для этого можно было бы в федеральной целевой программе «Федеральные приоритеты» предусмотреть региональный блок. Назрела необходимость организации постоянного обмена информацией

между регионами с участием Министерства образования и науки России.

Опыт сильных регионов показывает, что инновационная политика получает государственную поддержку только в тех случаях, когда она организационно объединена с промышленной политикой. Из этого следует вывод о целесообразности создания на уровне федерации механизма координации политики разных министерств вокруг проблемы инновационного развития с опорой на научно-техническую и образовательную политику, проводимую Министерством образования и науки Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Научно-техническая и инновационная деятельность в Тульской области: Информ.-аналит. сб. Вып. 1 / Администрация Тульской области. Тула, 1996. С. 30.

[2] См.: Образование и наука как факторы стабильного и устойчивого развития регионов / Материалы зонального совещания. Махачкала, 17—19 апр. 2002.

Поступила 04.05.2005.

Г.А.БАЛЫХИН

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ НА ЮГЕ РОССИИ

Вопросом первостепенной важности для Российской Федерации является установление политической стабильности и прочного гражданского мира на Юге России и Северном Кавказе. За длительный период совместного проживания разных народов здесь тесно переплелись самобытные культуры и обычаи, выработался особый менталитет. Однако сегодня в этом территориальном образовании сложилась ситуация, при которой на обстановку в регионе в значительной степени влияют геополитические, экономические, демографические и криминальные факторы.

Проблему стабилизации обстановки на Северном Кавказе нельзя свести только к прекращению военных действий в Чечне и решению наиболее острых для Юга России в целом социальных вопросов. Ключом к оздоровлению ситуации, безусловно, является кардинальное улучшение состояния экономики субъектов Южного федерального округа (ЮФО), а также установление качественно иного социального порядка, преодоление слабости государственных институтов, внедрение элементов гражданского общества. Таким образом, для решения этих вопросов должен быть выработан комплексный подход, основанный на тщательном анализе социально-экономической ситуации, точном знании исторических корней национальных проблем и геополитических интересов в регионе.

Территория терроризма — это не только Чечня, как принято считать. По статистике, за последние годы на

БАЛЫХИН Григорий Артемович, руководитель Федерального агентства по образованию, доктор экономических наук, профессор.

Юге России зарегистрировано почти 80 % преступлений террористического характера, совершенных в стране. Пострадали республики Северная Осетия-Алания, Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Ставропольский край. Президент Российской Федерации В.В.Путин в своем выступлении 13 сентября 2004 г. на расширенном заседании Правительства Российской Федерации, в котором участвовали руководители регионов России, четко обозначил, что «...корни террора лежат... и в низком уровне образования подрастающего поколения, а порой — в отсутствии самой возможности получить образование...».

Таким образом, сфере образования ЮФО придан особый статус, необходимый для стабилизации геополитической обстановки на этой территории и сохранения единого ментального пространства России в целом. Для южного региона России наличие развитой системы образования особенно актуально как источник стабильности и основа его поступательного развития. В поле постоянного внимания и планах текущей и перспективной деятельности федеральных органов управления образованием, прежде всего Федерального агентства по образованию, проблемы развития систем образования субъектов ЮФО и в первую очередь республик Северного Кавказа уже длительное время занимают особое место.

Сегодня на Юге России необходимо создать реальные условия формирования единого образовательного пространства входящих в федеральный округ регионов, проведения сбалансированной кадровой политики, развития и функционирования рынка труда. Для этого имеются все предпосылки. Ключевыми задачами для обеспечения устойчивого развития систем образования субъектов ЮФО являются их модернизация с учетом перспективных направлений развития отечественного образования, разработка региональных программ трудоустройства молодежи, обеспечения жильем молодых семей, создание новых рабочих мест.

На Южный федеральный округ приходится около трети всего безработного населения Российской Федерации, и этот показатель имеет тенденцию к росту. Именно поэтому одна из основных проблем Юга России — вопрос занятости людей и прежде всего трудоустройства молодежи. Эта проблема требует поэтапного решения, для чего необхо-

димо осуществить ряд таких первоочередных мер, как создание системы постоянного мониторинга текущих и прогнозирования перспективных потребностей рынка труда в рабочих кадрах и специалистах среднего и высшего профессионального образования, создание ресурсных центров, обеспечивающих организацию образовательного процесса на базе современных инновационных технологий.

Создание упомянутой системы мониторинга позволит разработать и внедрить механизм эффективного взаимодействия рынков труда и образовательных услуг, устранить несоответствие содержания подготовки выпускников учреждений профессионального образования современным потребностям в специалистах, сбалансировать спрос и предложение рабочей силы на рынке труда по уровню квалификации и профессиональной подготовки как по России, так и в регионах Северного Кавказа.

В субъектах, входящих в ЮФО, сегодня активно развивается сеть образовательных учреждений всех уровней образования. Стоит отметить, что это округ с достаточно развитой, обладающей богатыми традициями системой образования, как общего, так и профессионального. Можно назвать десятки учреждений, множество имен, по праву занимающих лидирующее положение в отрасли. Достаточно сказать, что в конкурсе «Лучшие школы России» в 2005 г. среди десяти лучших общеобразовательных учреждений страны были названы лицей № 2 г. Нальчика (Кабардино-Балкария), Анатасиевская средняя школа Матвеево-Курганского района Ростовской области и школа № 1 с. Курсавка Андроповского района Ставропольского края. В тридцатку лучших школ России вошла и гимназия № 1 г. Гудермеса Чеченской Республики — субъекта, которому федеральные органы исполнительной власти уделяют особое внимание.

Среди наиболее крупных и значимых вузов ЮФО стоит отметить Донской государственный технический университет, Южно-Российский государственный технический университет, Пятигорский государственный технологический университет, Волгоградский государственный университет, а в республиках Северного Кавказа — Дагестанский государственный университет, Дагестанский государственный

педагогический университет, Кабардино-Балкарский государственный университет, Северо-Осетинский государственный университет. Подготовка кадров в этих вузах ведется по всем формам обучения, по большинству направлений подготовки и специальностей профессионального образования, в том числе послевузовского.

В период кардинального изменения геополитической ситуации на Юге России, когда Краснодарский край стал пограничным и самым южным субъектом Российской Федерации, а также единственным, имеющим прямой выход в Черное море, ведущую роль в подготовке специалистов для нужд не только края, но и всего федерального округа стали играть крупнейшие вузы этого региона — Кубанский государственный университет и Кубанский государственный технологический университет. Однако в целом в ЮФО пока еще недостаточно удовлетворяются потребности населения в получении полноценного высшего образования. Для этого требуется помощь федерального центра.

На основании обращений правительств Чеченской Республики и Республики Ингушетия уже несколько лет осуществляется целевой прием абитуриентов в высшие учебные заведения ряда субъектов Российской Федерации. С целью интеграции молодежи Южного федерального округа в российское общество и расширения возможностей в получении образовательных услуг Федеральное агентство по образованию начиная с 2005 г. предусматривает ежегодное выделение мест в пределах контрольных цифр приема за счет средств федерального бюджета в образовательных учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования, подведомственных агентству, с учетом приоритетов развития экономики южных регионов страны. В 2005 г. было дополнительно выделено 2 200 таких мест в 127 вузах России.

Подготовка специалистов высшей квалификации для республик Северного Кавказа, не обладающих в достаточной мере сложившимися научно-педагогическими школами по приоритетным научным направлениям, осуществляется в аспирантурах и докторантурах ведущих российских вузов, находящихся в ведении Федерального агентства по образованию. Только за 2002—2004 гг. выделено 246 мест

в аспирантуре и 12 в докторантуре, финансируемых за счет средств федерального бюджета.

Решение проблемы занятости молодежи должно затрагивать также и сферу реализации государственной молодежной политики — быть направлено на вовлечение молодежи в общероссийские, региональные и межрегиональные политические, экономические, научно-образовательные, спортивно-оздоровительные и культурные проекты. Мы полагаем очень важным, чтобы в образовательных учреждениях всех уровней образования не прекращался процесс воспитания молодежи, чтобы педагоги передавали своим ученикам сформированные столетиями народами Северного Кавказа самобытную национальную культуру, глубокие моральные принципы и высочайшую нравственность, нормы поведения в семье и обществе, основанные на человеколюбии и уважении к окружающим.

Чрезвычайно важна работа по воспитанию подрастающего поколения в патриотическом и духовно-нравственном ключе, формированию у молодежи устойчивого иммунитета к идеям экстремизма и национализма, что также послужит укреплению стабильности и межнационального согласия на Северном Кавказе.

В свете этих проблем становится совершенно очевидной необходимость разработки и реализации федеральным центром крупномасштабных экономических проектов на Северном Кавказе. Таким комплексом мер государственной поддержки стала действующая с 2001 г. федеральная целевая программа «Юг России», рассчитанная на период до 2006 г. Выполнение мероприятий программы позволит осуществить реформирование систем образования субъектов ЮФО, сделать их более гибкими, отвечающими потребностям социально-экономического развития южных территорий; обеспечить создание условий реализации равных прав граждан на образование, достижения единства всех уровней образования, формирования системы непрерывного образования, совершенствования воспитательного процесса, развития научно-исследовательской и научно-технической деятельности, системы подготовки и переподготовки работников образовательных учреждений и научно-педагогических кадров.

В программе большое внимание уделяется проектам по развитию сферы образования ЮФО в целом и в конкретных регионах, в том числе направленным на формирование единого образовательного пространства, интеграцию образования и науки, внедрение новых информационных технологий, повышение качества подготовки специалистов для всех отраслей экономики и социальной сферы, строительство, поддержку и развитие объектов образования всех уровней, укрепление их материально-технической базы, улучшение научно-методического и организационного обеспечения учебного процесса.

Только в рамках ФЦП «Юг России» в 2005 г. Федеральное агентство по образованию является заказчиком строительства и реконструкции зданий 22 школ: двух — в Республике Ингушетия, трех — в Кабардино-Балкарской Республике, пяти — в Карачаево-Черкесской Республике и двенадцати — в Республике Дагестан, с объемом капитальных вложений за счет средств федерального бюджета 317,6 млн руб.

Кроме того, в рамках реализации инвестиционных проектов таких программ, как Федеральная программа развития образования в 2000—2005 гг. (ФПРО), федеральные целевые программы «Дети России» на 2003—2006 гг., «Жилище» на 2002—2010 гг., «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 и последующие годы)», осуществляются строительство, реконструкция и восстановление учебных и учебно-лабораторных корпусов вузов, научных библиотек, общеобразовательных школ, школ-интернатов и детских домов, общежитий и жилых домов для педагогов во всех регионах ЮФО, а также развитие инфраструктуры и материально-технической базы образовательных учреждений. Особенно интенсивные строительные работы идут в наиболее «проблемных» субъектах — Краснодарском и Ставропольском краях, республиках Северная Осетия—Алания, Дагестан, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Чеченской.

Всего на 2005 г. Федеральному агентству по образованию как заказчику строительства объектов образования федеральным бюджетом предусмотрен лимит капитальных вложений в размере 2 млрд 477,2 млн руб., в том числе

по ФПРО — 297,5 млн руб., ФЦП «Жилище» — 158 млн руб., подпрограмме «Дети-сироты» ФЦП «Дети России» — 53,5 млн руб., ФЦП «Электронная Россия» — 4 млн руб., по непрограммной части — 684 млн руб.

В годовщину трагических событий в г. Беслане, когда террористами была захвачена школа, погибли дети, учителя и родители, нельзя отдельно не сказать о проведенной работе по восстановлению и стабилизации образовательного процесса в Северной Осетии. 17 августа, к началу нового учебного года, были в установленный срок сданы в эксплуатацию две новые школы на 600 ученических мест каждая, построенные вместо не подлежащего восстановлению здания разрушенной во время теракта школы № 1. Их строительство осуществлялось в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2004 г. и финансировалось за счет государственных капитальных вложений в размере 620 млн руб., предусмотренных на реализацию Федеральной адресной инвестиционной программы на 2004 и 2005 гг.

В декабре 2005 г. в Беслане предполагается ввести в эксплуатацию еще два объекта сферы образования на 120 мест каждый, государственным заказчиком которых также является Федеральное агентство по образованию — детский сад-художественную школу с непрерывным циклом обучения детей и детский сад-ясли. Финансирование их строительства ведется за счет средств федерального бюджета в объеме более 50 млн руб.

Одним из важных направлений деятельности Федерального агентства по образованию является многоплановая работа по восстановлению и дальнейшему развитию системы образования Чеченской Республики, созданию современной инфраструктуры образования. Подтверждается это и словами Президента республики А.Алханова, который заявил, что «образование в республике заработало» и федеральные органы управления образованием «ставят на ноги образование в Чечне». Сегодня в школьные классы и учебные аудитории Чечни ежедневно приходят более 240 тыс. чел. — четвертая часть ее населения.

Основная работа по восстановлению разрушенных в период военных действий учреждений образования прово-

дится в рамках федеральной целевой программы «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 и последующие годы)». Всего в Чечне в настоящий момент функционируют 19 учреждений начального и среднего профессионального образования, 3 вуза, 450 школ. Продолжается восстановление и капитальный ремонт частично разрушенных школ и учреждений профессионального образования.

Цифры и факты говорят сами за себя. Только в 2004 г. в рамках реализации программы введены в эксплуатацию 26 школ почти на 10,5 тыс. ученических мест, учебные мастерские профессионального лицея № 3 на 540 мест, четырехэтажный блок учебного корпуса Чеченского государственного педагогического института, общежитие Грозненского государственного нефтяного института, пусковой комплекс учебного корпуса Чеченского государственного университета; построено здание автономной котельной и ведутся работы по восстановлению инженерных коммуникаций Грозненского техникума информатики и вычислительной техники на 600 мест; восстановлен учебно-административный корпус профессионального училища № 2 на 420 мест, ведется строительство учебных мастерских, спортзала; подготовлены к вводу столовая учебного корпуса на 120 мест и общежитие на 300 мест для Грозненского государственного нефтяного института.

На 2005 г. запланировано восстановление 45 объектов образования, на которые в общей сложности предусматривается объем лимитов государственных капитальных вложений 962,6 млн руб. При этом 15 объектов были включены в программу на 2005 г. как переходящие с 2004 г. с объемом финансирования 180 млн руб. Прежде всего, это 5 школ, которые сдаются в эксплуатацию к началу учебного года (Алхан-Юртовская средняя школа № 1 на 640 мест, Урус-Мартановская средняя школа № 2 на 320 мест, средняя школа № 29 г. Грозного на 540 мест, средняя школа № 8 г. Грозного на 920 мест, средняя школа № 42 г. Грозного на 920 мест). Запланировано проведение работ по восстановлению учреждений профессионального образования: комплекса зданий и сооружений профессиональных училищ № 2 на 420 мест, № 6 на 240 мест, профессио-

нального лицея № 3 на 540 мест, зданий Грозненского государственного нефтяного института, Чеченского государственного педагогического института и Чеченского государственного университета, учебного корпуса Грозненского техникума информатики и вычислительной техники на 600 мест.

Наряду с капитальным строительством была проделана большая работа по укреплению материально-технической базы образовательных учреждений. Так, в 2002—2004 гг. в республику осуществлялись поставки комплектов ученической мебели, классных досок, компьютеров, строительных и отделочных материалов, спортивного и столового оборудования на общую сумму 800 млн руб. По проекту «Закупка типовых комплектов лабораторного оборудования для кабинетов естественно-научных дисциплин сельских школ» в 2004 г. за счет средств федерального бюджета поставлены 100 комплектов оборудования для лабораторий и учебных кабинетов физики, химии, биологии, и столько же поступит в школы региона до конца 2005 г. Улучшение материально-технической базы коснулось и учреждений начального профессионального образования: 3 из них уже оснащены оборудованием для производственной практики учащихся, еще 10 получат его в 2005 г.

Оснащенность образовательного процесса невозможна без современных учебников и учебных пособий. За 4 года в республику было поставлено 1,2 млн экземпляров учебников из федерального комплекта. Если на начало 2001 г. обеспеченность учебниками по предметам, входящим в общефедеральную учебную программу, составляла 30 %, то на конец 2004 г. этот показатель составил более 90 %. Школьные библиотеки Чечни получили стотомники программной художественной литературы.

Объемы выполненных строительных работ, поставок различного учебного оборудования в регионы выглядят весьма внушительно, однако было бы совершенно неправильным предположить, что Чеченская Республика — только объект материальных вложений. Поскольку восстановление образовательной инфраструктуры в Чеченской Республике близится к завершению, сегодня на первый план выходит новая задача — повышение качества знаний, которые получает чеченская молодежь.

Сферы образования республики, как и других субъектов Российской Федерации, коснулись многие проводимые в отрасли реформы: внедрение новых педагогических технологий, профильного обучения старшеклассников, компьютеризация учреждений общего и высшего профессионального образования и др. Показателем повышения качества образования стали успешные выступления чеченских старшеклассников на региональных и всероссийских школьных олимпиадах в 2004 г.

Большое внимание уделяется оказанию профессиональной поддержки управленческим и педагогическим кадрам и, как одному из направлений, повышению квалификации работников образования Чечни. Начиная с 2000 г. свою квалификацию повысили более 2 тыс. работников образования. Только за 2004 г. курсы переподготовки в различных регионах Российской Федерации прошли 475 учителей, руководителей учебных заведений и органов управления образованием республики.

В настоящее время практически укомплектованы штаты профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений г. Грозного, учебный процесс и выполнение научно-исследовательских работ обеспечивают свыше 40 докторов наук и 280 кандидатов наук. Предполагается, что в ближайшие 3—5 лет проблема недостатка педагогических кадров будет полностью решена, происходит это, как уже было сказано выше, за счет обучения чеченской молодежи в аспирантурах и докторантурах ведущих вузов России и активного открытия аспирантур в вузах Чеченской Республики. В общей сложности в вузах региона открыта аспирантура по 11 отраслям науки, прежде всего по биологическим, техническим, историческим, а также наукам о Земле. В 2004 г. в аспирантуру за счет средств федерального бюджета зачислено 60 чел.

Еще одной положительной тенденцией стало возвращение в образовательные учреждения республики педагогов, покинувших Чечню в период военных действий, в том числе русских по национальности, что свидетельствует о стабилизации обстановки в регионе. Однако проблема недостатка учителей все еще остается острой, особенно в сельской местности. Тем не менее она решается, и немалая заслуга в этом принадлежит Чеченскому государствен-

ному педагогическому институту и Грозненскому педагогическому колледжу, между которыми сложились деловые отношения: выпускники колледжа поступают на 2-й и 3-й курсы института и учатся по сокращенной программе, способствуя тем самым восполнению педагогического состава школ на селе. На 6 факультетах педагогического института (гуманитарном, физико-математическом, технолого-экономическом, педагогическом, естествознания, физического воспитания) ведется подготовка по 17 специальностям, с нового 2005/2006 учебного года откроется аспирантура. А в ряде районов республики (Веденском, Надтеречном, Шалинском и Урус-Мартановском) планируется открыть филиалы педагогического колледжа.

Значимым условием восстановления социально-экономической жизни Чечни можно считать укрепление системы высшего профессионального образования республики. В ведении Федерального агентства по образованию находятся 3 успешно функционирующих в настоящий момент высших учебных заведения: Чеченский государственный университет, Грозненский государственный нефтяной институт и вышеупомянутый Чеченский государственный педагогический институт.

Чеченский государственный университет сейчас является единственным вузом, который готовит специалистов практически для всех отраслей хозяйства республики. На 11 факультетах университета можно получить образование по 30 специальностям. Значительно и число студентов университета — около 13 тыс. чел., причем более 6 тыс. из них учатся на дневном отделении. В 2004 г. средний конкурс в Чеченский государственный университет составил 2,5 чел. на место, наибольшей популярностью пользуются экономический, юридический и медицинский факультеты. Большое внимание уделяется международным контактам студентов вуза с ведущими университетами Германии, Дании, Франции по программам студенческих обменов, реализации совместных проектов.

Грозненский государственный нефтяной институт в советские годы по праву считался одним из престижнейших вузов страны. Всего за более чем 80-летнюю историю существования института в нем было подготовлено свыше

50 тыс. высококвалифицированных специалистов. Сейчас в вузе только на дневном отделении обучается 2,5 тыс. студентов. Активно восстанавливаются пострадавшие во время военных действий корпуса института и его учебно-материальная база, частично сохранился и постепенно возрождается уникальный профессорско-преподавательский состав, успешно работает лучшая в Грозном научная библиотека. В государственных вузах Чеченской Республики в настоящее время обучается более 21 тыс. чел. по 78 специальностям подготовки кадров.

Устраняются «перекосы» в подготовке специалистов с высшим образованием. Теперь целевые места выделяются по заявке Министерства образования Чеченской Республики. Возрождающаяся экономика республики нуждается прежде всего в инженерах, работниках жилищно-коммунального хозяйства, агропромышленного комплекса и промышленности, но наибольшей популярностью пока пользуются специальности экономистов и юристов.

Сохранению устойчивости общественно-политической ситуации в регионе способствуют создание дополнительных условий укрепления взаимосвязей республики с другими российскими регионами, ежегодное квотирование учебных мест в системе профессионального образования за счет средств федерального бюджета с целью интеграции молодежи Чечни в российское общество и расширения возможностей получения образовательных услуг различного уровня. Всего за период с 1995 по 2004 г. было выделено 5 319 мест для приема студентов и 742 места для приема слушателей на подготовительные отделения вузов Российской Федерации.

Руководство Чечни уделяет серьезное внимание решению проблем, стоящих перед молодежью. Ведь не только сложность найти работу в республике, но и отсутствие условий для учебы и досуга подрастающего поколения во многом способствуют тому, что молодые люди уходят в горы и примыкают к бандформированиям.

Активно работающий Комитет Правительства Чеченской Республики по делам молодежи организовал в Грозном компьютерные курсы для молодых инвалидов, совместно с общественной организацией «Лига молодежи» от-

крыл Молодежную биржу труда. В планах комитета строительство Дворца молодежи, создание центра молодежных инициатив, в который войдут, в частности, центр патриотического воспитания и центр инновационных программ.

Сегодня в Чеченской Республике действует немало молодежных организаций: Грозненский молодежный центр, молодежный бизнес-центр, региональная общественная организация «Поколение лидеров», возглавляемая Р.Кадыровым, молодежное общественное объединение «Патриот», которое занимается идеологической и спортивной работой. Появился молодежный парламент, развивается движение студенческих отрядов. Планируется открытие Центра гражданского общества, создание молодежного парка отдыха, строительство спортивно-развлекательного комплекса в Гудермесе. В Грозном будет построена республиканская библиотека на месте разрушенной во время войны библиотеки им. Чехова.

Восстановление социальной сферы и системы образования Чеченской Республики — знаковый фактор, позволяющий надеяться на стабилизацию и позитивное развитие геополитической ситуации в этом регионе.

Многое сделано, но предстоит сделать еще больше. Федеральное агентство вместе с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав ЮФО, приложит еще большие усилия к совершенствованию образовательной отрасли в южных регионах России.

Поступила 14.09.2005.

С.М.МУРГАЕВ

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАЛМЫЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Калмыцкий государственный университет (КГУ), отмечающий в 2005 г. 35-летие со дня своего открытия, является крупнейшим вузовским центром подготовки высококвалифицированных специалистов для различных отраслей народного хозяйства региона, обладает значительным научным потенциалом. В КГУ 41 кафедра, 6 факультетов и 2 института работают по 24 специальностям 9 направлений отраслей экономики, производства, образования и культуры, обучается более 7,5 тыс. студентов. Университет располагает солидной материально-технической базой, включающей 6 учебно-лабораторных корпусов, научную библиотеку с фондом более 1,5 млн томов, благоустроенные общежития, столовые, Центр новых информационных технологий, санаторий-профилакторий, спортивный комплекс и др.[1]

В Калмыцком университете имеются признанные научные школы, проводятся фундаментальные и прикладные исследования. Так, междисциплинарная школа исторических, юридических, экономических, демографических и культурологических исследований, основанная профессором В.Б.Убушаевым, имеет заслуженное признание в России и за ее пределами (научная школа осуществляет комплексное изучение трагических страниц депортации калмыцкого народа 1943—1945 гг.). Университет — база проведения международных, общероссийских и региональных конференций «Репрессированные народы: история и современность».

Положительные результаты получены учеными КГУ и в направлении взаимодействия с ведущими учреждениями,

МУРГАЕВ Савр Майорович, доцент кафедры всеобщей истории Калмыцкого государственного университета, кандидат исторических наук.

университетами стран Запада и Востока. Так, в 1996 г. университет стал одним из инициаторов создания Ассоциации университетов Прикаспийских государств. В начале 1990-х гг. были заключены договоры о сотрудничестве с университетами Монголии и Китайской Народной Республики. В соответствии с договорами в КГУ обучались студенты из этих стран. В январе 1997 г. был подписан протокол о сотрудничестве с государственным университетом Тайбея (Тайвань). В марте 1998 г. КГУ вступил в консорциум из 9 вузов (университет Париж-8 во Франции, университеты в Стокгольме — Швеция, Турине — Италия, Бремене — Германия, Льютоне — Великобритания, а также российские университеты в Улан-Уде, Нижнем Новгороде и Иркутске). Координатором проекта выступил университет Париж-8.

Университет активно сотрудничает со всеми вузами— участниками Ассоциации университетов Прикаспийских государств, объединяющей 24 университета и НИИ России (Калмыкия, Астраханская область, Дагестан), Казахстана, Туркмении, Азербайджана и Ирана (провинции Гилян, Горган, Мазандаран). В сентябре 2000 г. в Элисте прошла V Ассамблея ассоциации, ректор КГУ был избран президентом этой организации. В рамках Ассамблеи проведена международная научная конференция, издан сборник трудов ученых Ассоциации. В сентябре 2001 г. опубликован международный сборник научных трудов ученых университетов-членов Ассоциации, состоялась стендовая конференция в г. Гиляне (Иран). Спортивная команда и фольклорный ансамбль «Бумбин орн» университета приняли участие (сентябрь 2001 г., г. Астрахань) в 1-й международной спартакиаде и фестивале искусств. В сентябре 2002 г. ученые университета представили свои доклады на научную конференцию в г. Атырау (Казахстан), сводная спортивная команда университета успешно выступила на 2-й спартакиаде студентов, проходившей там же.

Продолжается сотрудничество с Синьцзянским университетом г. Урумчи (КНР) по академическим обменам и совместной подготовке международного издания эпоса «Джангар». Преподаватели университета принимали активное участие в работе международных конференций в университетах

Синьцзян-Уйгурского автономного района, Внутренней Монголии Китайской Народной Республики. В декабре 2002 г. был подписан протокол совместных мероприятий на 2003/2004 учебный год, предусматривающий совместную научную и методическую работу преподавателей КГУ и Синьцзянского университета, а также обмен студентами. С 5 марта по 10 мая 2002 г. студенты 4-го курса специальности «Регионоведение» прошли стажировку в университете СУАР. В сентябре 2003 г. студенты из этого университета приступили к стажировке на кафедре русского языка и общего языкознания КГУ. Подобный договор заключен с университетом Внутренней Монголии в июне 2002 г. По этому договору с сентября 2003 г. начался обмен преподавателями университетов, а с весны 2004 г. — обмен студентами.

Делегация Калмыцкого государственного университета в конце 2000 г. посетила г. Улан-Батор. Заключено соглашение о сотрудничестве с университетами Монголии в области академических обменов и разработки совместных научных проектов. В этом же году ректор КГУ, профессор Г.М.Борликов, стал почетным профессором Монгольского государственного университета (МонГУ). Заведующий кафедрой частной и общей зоотехнии, профессор А.Н.Арылов, в 2000 и 2001 гг. организовал научные экспедиции в Западную Монголию и Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР по программе восстановления аборигенного скота в Калмыкии. В соответствии с договором между КГУ и МонГУ студентка 5-го курса специальности «Регионоведение» прошла семестровую языковую стажировку в Монгольском госуниверситете. В свою очередь, двухмесячную стажировку в КГУ прошли преподаватели русского языка из МонГУ, оформившие пособия по русскому языку как иностранному. На факультетах университета обучаются студенты из Монголии[2]

В последнее время преподаватели и студенты КГУ активно принимают участие в международных исследовательских, образовательных программах и конференциях. В сентябре 1996 г. профессора Г.М.Борликов, О.Д.Мукаева, А.Ш.Кичиков выступили с докладами на международном конгрессе по эпосу «Джангар» в Пекине. Профессора В.А.Бананова и Г.М.Борликов в октябре 1997 г. представляли КГУ

в Иране на Ассамблее университетов государств Прикаспийского региона. В октябре 1999 г. профессор В.А.Банано-ва и доцент Л.Х.Сангаджиева выступили с докладами на 3-й Ассамблее университетов государств Прикаспийского региона, состоявшейся в Казахстане. В сентябре 1998 г. представители аграрного факультета университета профессор А.Н.Арилов и доцент И.Б.Бугдаев посетили Синцзян-Уйгурский автономный округ Китая с научно-практической целью. Летом 1998 г. профессор кафедры русского и общего языкознания Т.С.Есенова участвовала в работе международного конгресса в Финляндии, доцент Л.В.Джабруева прошла подготовку на международных курсах по проблемам развития и охраны окружающей среды в Коста-Рике, доцент О.Е.Романов выступил с докладом на 4-ой Международной конференции патофизиологов (г. Лахти, Финляндия, 1998 г.).

В мае 1998 г. Калмыцкий государственный университет провел международную конференцию «Экосистемы Прикаспия — XXI веку», в сентябре 1998 г. состоялась международная конференция «Буддизм в системе мировой цивилизации». В сентябре 1999 г. проведена международная научная конференция «Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения».

Сотрудники КГУ в 1999 г. и в 2000 г. выезжали в США по совместной с центром холистического управления США и министерством сельского хозяйства Республики Калмыкия программе «Холистическое управление». Для реализации программы был получен грант фонда Рокфеллера. В результате совместной работы в 2001 г. в Республике Калмыкия стала реализовываться программа «Возрождение пастбищного скотоводства». В июне 1999 г. ректор университета, профессор Г.М.Борликов, принял участие в работе триеннале международной Ассоциации ректоров университетов, проходившей в Брюсселе. Сегодня КГУ — член этой организации.

В рамках программы Темпус — Тасис представители КГУ в мае 2001 и 2002 гг. в соответствии с двухгодичным проектом «Региональная сеть университетов „Еврокаспий“ для экономического образования» приняли участие в рабочих семинарах в г. Куопио (Финляндия) и г. Бирмингеме (Великобритания). В рамках этого проекта преподавателя-

ми университета разработано и издано 3 методических пособия по экономическим дисциплинам, в том числе электронный учебник.

Продолжается совместная работа по программе «Сельское хозяйство и экологическое равновесие со странами Восточной Европы». За все время сотрудничества с немецкими фермерами студенты аграрных и инженерных специальностей проходили производственную практику в хозяйствах Германии. Отбор студентов проводится немецким представителем программы. В 2002 г. студенты инженерных специальностей университета прошли производственную практику в фермерских хозяйствах Швейцарии.

Калмыцкий университет активно сотрудничает с фондом Монгольских народов Джаба Бурхинова, который ежегодно присуждает 4 премии лучшим молодым ученым и аспирантам университета за работы в области защиты гражданских прав.

За эти годы известные ученые-востоковеды и историки из Китая, Монголии, Японии, Германии, США, Голландии неоднократно выступали с лекциями перед студентами-филологами, регионоведами и историками КГУ.

В 2000—2002 гг. в Калмыцком госуниверситете прошли практику студенты из Польши (Торуньский университет), Германии (Фридрих-Шиллер Университет г. Йены), годичную стажировку — докторант из Токийского университета. В 2001 г. директор Гуманитарного института КГУ. профессор Т.С.Есенова, работала в качестве приглашенного профессора в университете Тохоку (Япония). С ноября 2004 г. в калмыцком вузе стажируется заведующая кафедрой русского языка и литературы Университета Внутренней Монголии КНР и преподает китайский язык студентам старших курсов специальности «Регионоведение». В г. Хух-Хото (Внутренняя Монголия КНР) работает по обмену преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы КГУ. В марте 2002 г. завершила обучение в Университете Тайбея (Тайвань) ассистент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации. С января 2002 г. в этом же университете изучал китайский язык выпускник КГУ.

В 2001 г. студентка 4-го курса специальности «Филология (Зарубежная филология)» прошла курс семестрового включенного обучения в Фридрих-Шиллер университете г. Йены (Германия). В 2002/2003 учебном году студентка 1-го

курса романо-германского отделения выиграла грант программы МАСКИ (США) и прошла годичный курс обучения в университете США. Выпускница романо-германского отделения КГУ направлена в университет г. Йены для получения степени магистра по специальности «Немецкий язык как иностранный». С 2003 г. еще один выпускник этого отделения обучался в вузе Турции для получения степени магистра по турецкому языку.

С целью координации и организации работы в области международных связей в октябре 1998 г. был создан отдел международных связей университета. Основными задачами отдела являются: содействие академической мобильности студентов и научно-педагогических работников; координация международной деятельности структурных подразделений университета; подготовка и выполнение договоров с зарубежными партнерами; взаимодействие с Министерством общего и профессионального образования республики, местными и другими организациями по вопросам международной деятельности; организация учебного процесса для иностранных студентов.

Таким образом, Калмыцкий государственный университет в последнее время имеет регулярные и разнообразные по форме контакты с зарубежными учебными и научными учреждениями. Тем не менее, система приглашения для консультации и на конференции зарубежных специалистов, совместного проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, организации обмена студентами и преподавателями с ведущими зарубежными центрами нуждается в дальнейшем совершенствовании и развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] http://www.kalmsu.ru

[2] Здесь и далее использованы материалы отчетов Отдела международных связей КГУ.

Поступила 14.06.2005.

Т.М.ДАДАЕВА

ДИНАМИКА ГЕНДЕРНОЙ СТРУКТУРЫ РЫНКА ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ В МОРДОВИИ

Разделение труда по полу лежит в основе статуса женщин и мужчин. Это разделение поддерживается деятельностью многих социальных институтов. С другой стороны, разделение труда по полу глубоко укоренено в нашем сознании, влияющем на образцы поведения, а те, в свою очередь, создают основу для социальных институтов, транслирующих и воспроизводящих именно эти образцы поведения.

Гендерный подход к анализу рынка труда и занятости позволяет понять, что гендерное разделение труда является не просто экономическим феноменом, а манипуляцией сконструированными физическими свойствами мужчин и женщин, формирующей гендерные стереотипы работодателей и работников на рынке труда.

Положение мужчин и женщин на рынке труда — основа экономического гендерного равенства или неравенства, определяется в первую очередь занятостью (концентрация занятости тех или иных гендерных групп в определенных отраслях, профессиях, должностных уровнях), безработицей и показателями заработной платы.

Рассмотрению изменений гендерной структуры занятости в Республике Мордовия в 2004 г. по отношению к 1990 г. существенно помогают данные о среднегодовой численности мужчин и женщин, занятых в экономике (табл. 1).

Данные таблицы показывают, что в Мордовии за период реформ произошло общее сокращение занятости на 33 %. Причем гендерные показатели сокращения численности занятых примерно одинаковы. Однако по отраслям

ДАДАЕВА Татьяна Михайловна, докторант кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

Таблица 1

Среднегодовая численность мужчин и женщин, занятых в экономике республики в 1990 и 2004 гг.[1]

Пол	Занято в экономике, тыс. чел.		Отношение 1990 г. к 2004 г.	
	1990 г.	2004 г.	Тыс. чел.	%
Всего	398 469	267 767	−130 702	32,8
Мужчины	187 134	122 224	−64 910	34,6
Женщины	211 335	145 543	−65 792	31,1

экономики занятость мужчин и женщин республики с 1990 по 2004 г. изменялась неравномерно. Показательны качественные изменения в отраслях экономики с точки зрения гендерной структуры занятости за исследуемый период (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение численности занятых мужчин и женщин в 2004 г. к 1990 г. по отраслям*, чел.

Отрасль занятости	1990 г.		2004 г.		Отношение 2004 г. к 1990 г.	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
1	2	3	4	5	6	7
Всего в экономике	211335	189714	145543	122224	−65792	−67490
Промышленность	78331	67987	37161	42870	−41170	−25117
Сельское хозяйство	12341	19135	12785	20294	+444	+1159
Лесное хозяйство	383	1620	367	1376	−16	−244
Строительство	10039	37226	2858	8675	−7181	−28551
Транспорт	5527	19426	4029	8487	−1498	−10939
Связь	4138	1523	2874	1983	−1264	+460
Торговля и общепит, материально-техническое снабжение, сбыт и заготовки	24804	6640	5198	2287	−19606	−4353
Информационно-вычислительное обслуживание	760	131	225	113	−647	−18
Прочие виды деятельности сферы материального производства	2034	3509	875	2528	−1159	−981
Жилищно-коммунальное хозяйство, непроизводственные виды бытового обслуживания населения	6579	8158	3634	5483	−2945	−2675

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	20975	3984	24964	4131	+3989	+147
Образование	29983	10844	30133	7656	+150	−3188
Культура и искусство	5885	2806	5143	1598	−742	−1208
Наука и научное обслуживание	1842	1328	630	521	−1212	−807
Финансы, кредит, страхование	2624	379	4374	1516	+1750	+1137
Управление	5090	2656	8947	11892	+3857	+9236

Без субъектов малого предпринимательства.

Сокращение абсолютной численности занятых женщин по сравнению с 1990 г. произошло в 10 отраслях из 14. Это торговля, информационно-вычислительное обслуживание, строительство, наука и научное обслуживание, промышленность, транспорт, связь, жилищно-коммунальное хозяйство, прочие виды деятельности сферы материального производства, культура и искусство. Сокращение численности занятых мужчин произошло в 5 отраслях экономики. Наибольшее снижение отмечено в строительстве. Абсолютная численность занятых мужчин снизилась также в торговле, науке и научном обслуживании, промышленности, на транспорте. Возросла абсолютная численность занятых женщин в сельском хозяйстве, здравоохранении, народном образовании, в отраслях финансы и кредит, страхование, в управлении. Значительно увеличилась занятость мужчин в управлении, финансах и кредите. Незначительное повышение занятости мужчин отмечено в отраслях связь, сельское хозяйство и здравоохранение.

Следует отметить, что динамика занятости мужчин и женщин в экономике Мордовии отмечалась в одних и тех же отраслях, за исключением связи (здесь снизилась занятость женщин и увеличилась — мужчин) и образования (снизилась занятость мужчин и увеличилась — женщин). Однако интенсивность сокращения и увеличения мужчин и женщин в экономике была различной. Так, численность занятых мужчин в отрасли финансы и кредит за период реформ увеличилась в 3 раза (в 1990 г. — 14 %, в

2004 г. — 35 %), а у женщин — лишь на 1,6 раза. В сфере управления численность мужчин возросла в 3,4 раза, женщин — 1,7 раза. В отрасли торговля произошло сокращение численности как мужчин, так и женщин, однако у женщин это сокращение составило 19 тыс. чел., а у мужчин — 4 тыс. чел.

Таким образом, активно сокращалась доля женщин в отраслях, успешно развивающихся в этот период и имеющих тенденцию к существенному росту заработной платы. В традиционно женских отраслях, с низким уровнем заработной платы (например, в самой феминизированной — образовании), наоборот, наблюдается сохранение и увеличение доли женщин в структуре занятости. Поскольку в республике доля женщин, занятых в экономике, составляет 54,4 %, постольку именно такое процентное соотношение занятых женщин (или близкое к этому) по отраслям и представляло бы собой гендерно-сбалансированную структуру рынка труда. Однако данные Комитета по государственной статистике РМ (табл. 3) позволяют говорить о существовании на рынке труда отраслевой «горизонтальной» сегрегации по полу. Следовательно, рынок труда Республики Мордовия гендерно несбалансирован.

Таблица 3

Удельный вес женщин в общей численности занятых в экономике по отраслям*, %

Отрасль занятости	1990 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
1	2	3	4	5	6	7
Всего в экономике	52,7	52,9	53,4	53,9	54,0	54,4
Промышленность	53,1	47,1	46,9	47,2	47,0	46,4
Сельское хозяйство	39,2	36,8	38,1	38,5	39,0	38,6
Лесное хозяйство	19,1	19,4	20,2	20,2	22,0	21,1
Строительство	21,1	22,1	24,1	23,5	24,0	24,8
Транспорт	21,4	31,2	32,1	33,2	33,0	32,2
Связь	73,1	55,7	56,5	57,6	60,0	59,2
Торговля и общественное питание, материально-техническое снабжение, сбыт и заготовки	79,0	73,2	79,6	69,1	68,2	77,7
Информационно-вычислительное обслуживание	85,8	61,2	64,1	58,5	58,2	66,6
Прочие виды деятельности сферы материального производства	36,7	34,5	32,7	31,6	31,6	25,7

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
Жилищно-коммунальное хозяйство, непроизводственные виды бытового обслуживания населения	44,8	44,4	44,7	45,4	43,0	39,9
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	84,0	86,2	86,3	85,7	86,0	85,8
Образование	73,3	77,7	78,1	78,8	79,0	79,7
Культура и искусство	67,7	76,6	76,0	76,0	77,0	76,1
Наука и научное обслуживание	57,8	51,8	51,0	53,6	51,0	54,7
Финансы, кредит, страхование	87,8	80,7	82,6	80,4	79,7	74,9
Управление	65,5	42,4	40,7	42,2	42,0	42,9

Без субъектов малого предпринимательства.

Как видим, доля женщин, занятых в экономике Мордовии, имеет тенденцию к увеличению, а мужчин — к сокращению. Принято считать, что отрасли с долей женщин меньше 33 %, являются «мужскими», а больше 66 % — «женскими», а оставшиеся относятся к промежуточным. Из 16 групп отраслей с 1990 по 2004 г. «мужскими» отраслями являются лесное хозяйство, строительство, транспорт и остальные отрасли, объединенные в категорию «прочие виды деятельности материального производства». Однако, говоря о тенденциях развития этих отраслей, следует отметить, что в лесном хозяйстве, строительстве, на транспорте в последние пять лет происходило увеличение доли женщин в численности занятых и уменьшение доли мужчин.

В отношении отрасли лесное хозяйство эту тенденцию можно объяснить низкой средней заработной платой по сравнению со средней по республике. В отношении отраслей строительство и транспорт следует искать другие причины. По всей видимости, востребованность строительных специальностей в близлежащих регионах, особенно в Москве, привела к оттоку из республики значительного количества строителей, водителей, механиков и т.д. Понят-

но, что они по гендерному признаку — мужчины, поэтому республиканский строительный рынок труда вынужден формироваться и за счет женщин, согласных на меньшую заработную плату. К тому же женщины менее мобильны с точки зрения передвижения по региональным рынкам труда, чем мужчины. Так, на заводе ОАО «Рузхиммаш» в 2005 г. впервые в Мордовии была организована женская бригада сварщиц. Администрация вынуждена была пойти на организацию обучения этой специальности женщин, так как мужчины не были согласны с объемом заработной платы и не шли на эту работу.

Наибольшая концентрация женщин наблюдалась в здравоохранении, физической культуре, социальном обеспечении, образовании, культуре и искусстве, финансах и кредите, страховании и торговле. Промышленность, сельское хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство, непроизводственные виды бытового обслуживания населения, связь, управление, а также наука и научное обслуживание с 1990 по 2004 г. постоянно находились в категории промежуточных отраслей. Однако тенденции развития этих отраслей неодинаковы. Так, промышленность имеет тенденцию к сокращению численности женщин в структуре занятых (число занятых здесь женщин сократилось на 7 %, что составляет 40 тыс. чел.). В отраслях оптовая и розничная торговля, общественное питание, связь, управление, информационное и вычислительное обслуживание, жилищно-коммунальное хозяйство также идет устойчивое снижение доли женщин и увеличение доли мужчин. Торговля из чисто «женской» отрасли — 79 % занятых женщин в 1990 г. — постепенно двигается в промежуточную — 68 % в 2003 г. В отрасли связь сокращение численности женщин произошло на 14 %, доля женщин в ней в 1990 г. составляла 73 %, в 2004 г. — 59 %.

Самые значительные изменения произошли в отраслях управление и информационное и вычислительное обслуживание. В 1990 г. отрасль управления имела тенденцию перехода в женскую — 65 % занятых женщин, но с 1999 г. доля женщин резко снизилась до 42 % (эта тенденция сохранилась вплоть до 2005 г.) и отрасль устойчиво определяется как промежуточная. В этой отрасли произошло

самое значительное сокращение доли женщин — на 22 %. Что касается информационного и вычислительного обслуживания, то в 1990 г. данная отрасль была устойчиво «женской» (85 % женщин), однако за период реформ к 2002 г. она резко переместилась в категорию промежуточной (58 % женщин), но к 2004 г. снова стала «женской» (66 % женщин). Тем не менее можно сделать вывод об устойчивом сокращении доли женщин (на 19 %) и увеличении — мужчин.

Эти изменения нельзя объяснить снижением общей доли женщин, занятых в экономике, так как данные свидетельствуют о том, что доля женщин на протяжении этого периода была более или менее стабильной, а с 2001 г. имеет тенденцию к росту. Следовательно, происходило «переформирование» отраслей, снижение доли женщин в одних отраслях компенсировалось ростом их доли в других.

Исследование, проведенное в России в 1997—2001 гг., показало, что до 30 % объявлений о вакансиях гендерно маркированы[2] Причем это относилось к профессиям, не требующих профессиональных навыков, связанных с биологическими различиями мужчин и женщин (наличие физической силы). За четыре года доля таких объявлений о вакансиях увеличилась до 40 %, несмотря на то, что в российском трудовом законодательстве существует запрет на дискриминацию при найме по гендерному признаку. К тому же к этому периоду характерно широкое распространение другого вида дискриминации в сфере занятости, которую в экономике принято называть «дискриминацией на уровне предпочтений», когда работодатели принимали на работу преимущественно мужчин. Распределение гендерных предпочтений по профессиональным группам показывает, что у работодателей существуют устойчивые стереотипы о профессиональной предпочтительности мужчин и женщин.

В рамках нашего исследования (в анкетном опросе участвовало 100 руководителей предприятий малого и среднего бизнеса республики) мы пытались выяснить факторы, влияющие на участие женщин в малом и среднем бизнесе Мордовии. На вопрос анкеты «Учитывается ли на Вашем предприятии пол при приеме на работу?», 18,4 % респон-

дентов отметили, что пол учитывается всегда, 47,1 — учитывается при приеме на определенные виды деятельности и 34,5 % — пол не учитывается. Среди тех, кто так или иначе учитывает пол при приеме на работу (их оказалось 65,5 %), 57,5 % отдают предпочтение мужчинам, 42,2 % — женщинам.

Главной причиной, препятствующей более активному участию женщин в бизнесе, по мнению большинства опрошенных экспертов (49,4 %), является проблема совмещения домашних обязанностей с выполнением профессиональной деятельности. Устоявшийся в массовом сознании стереотип, что женщины обладают меньшими возможностями по сравнению с мужчинами, отметили 9,2 % респондентов, 10,3 % полагают, что бизнес — не женское дело, 28,7 % считают, что ничего не мешает активному участию женщин в бизнесе.

По результатам опроса, большинство рядовых сотрудников на предприятиях малого бизнеса составляют женщины — 61,1 %, среди менеджеров среднего звена женщин — 56,3 %, высших руководителей — 27,5 %. В целом, оценивая шансы мужчин и женщин при трудоустройстве на хорошую, высоко оплачиваемую работу в малом и среднем бизнесе, 55,2 % опрошенных отметили, что у мужчин таких возможностей больше, 40,2 % считают, что мужчины и женщины имеют равные шансы, 4,6 % — таких возможностей больше у женщин.

Таким образом, результаты исследования показывают, что существуют гендерные предпочтения при приеме на работу среди работодателей в сфере малого и среднего бизнеса, при этом большее предпочтение отдается мужчинам. Мы полагаем, что эти предпочтения в основном формируются под влиянием существующих в обществе гендерных стереотипов. Можно также говорить о существовании «традиционно женских отраслей» в малом и среднем бизнесе. К ним относятся торговля и услуги населению, женщины составляют в них среди рядовых сотрудников 60,4 и 80,0 % соответственно. К наименее «освоенным» женщинами отраслям принадлежат промышленность и строительство. В малом предпринимательстве существуют гендерно-структурированные рабочие места и должности, когда определенные виды работы считаются сугубо

«женскими» или «мужскими», и прием на работу осуществляется с учетом этой специфики. Судя по результатам опроса, должности высших руководителей в основном считаются «мужскими», их занимают в малом бизнесе 72,5 % мужчин. Женский менеджмент в основном представлен управленцами среднего звена, доля женщин здесь составила 55,7 %. Можно сделать вывод, что сфера малого бизнеса воспроизводит гендерную структуру занятости, существующую в целом на рынке труда и занятости Республики Мордовия.

Многочисленные исследования подтверждают, что наиболее часто дискриминация проявляется при найме и увольнении. Так, по данным микроданных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, в 2000 г. большинство и женщин, и мужчин разделяли позицию, что мужчины имеют лучшие шансы при трудоустройстве. Следовательно, снижение доли женщин в численности занятых в наибольшей степени затронуло наиболее динамично развивавшиеся отрасли экономики: торговлю, информационно-вычислительное обслуживание, связь, органы управления, т.е. те отрасли, где отмечался наиболее высокий рост заработной платы. Вместе с тем в других отраслях с традиционно высокой женской занятостью продолжает сохраняться значительное преобладание женщин. К их числу можно отнести здравоохранение и социальное обеспечение, образование, культуру и искусство. Здесь, как правило, существенно выше доля предприятий и организаций государственного сектора и существенно ниже средний уровень заработной платы и темпы ее роста.

Уровень заработной платы является одним из важнейших показателей экономического положения. В условиях, когда большая часть занятого населения трудится по найму (в 2004 г. в Мордовии 95,3 % женщин и 94,3 % мужчин), размер заработной платы во многом определяет уровень материального благосостояния людей и домохозяйств, экономические возможности инвестиций в человеческое развитие. Гендерное равенство уровня заработной платы во многом также является базой выравнивания внутрисемейных позиций мужчин и женщин, обеспечивает в большей степени равный доступ к семейным расходам.

Данные Комитета государственной статистики РМ только в последний период позволяют оценить гендерные различия в заработной плате. Так, в 1999 г. средняя заработная плата женщин Мордовии в экономике составляла 77 % от средней заработной платы мужчин, в 2000 г. — 75, в 2001 г. — 71, в 2002 г. — 63, в 2003 г. — 69, в 2004 г. — 69 %. Как видим, в Республике Мордовия существующая тенденция снижения уровня средней заработной платы женщин от средней заработной платы мужчин (что в итоге являлось тенденцией увеличения гендерного разрыва в оплате труда) была сломлена в 2003 г. Однако с чем это было связано, сказать трудно, для этого необходимы специальные исследования.

Как показывают статистические данные, уровень профессиональной сегрегации мужчин и женщин непосредственно связан с дифференциацией в оплате мужского и женского труда. Нами выявлена тенденция концентрации женщин в отраслях и профессиях с наименее высоким уровнем оплаты труда (табл. 4).

Таблица 4

Зависимость доли женщин в отраслях от соотношения средней заработной платы в отрасли со среднереспубликанской в 2004 г., %

Отрасль	Соотношение средней зарплаты по отраслям со среднереспубликанским уровнем	Доля женщин в отрасли	Соотношение средней зарплаты женщин с мужской по отраслям
Сельское хозяйство	57,1	38,6	86,8
Культура и искусство	59,7	76,1	76,1
Образование	65,3	79,7	83,2
Здравоохранение	71,8	85,8	73,2
Торговля	91,1	77,7	63,3
ЖКХ	103,0	39,9	79,2
Прочие виды материального производства	104,0	25,7	75,3
Промышленность	106,0	46,4	69,0
Наука и научное обслуживание	120,9	54,7	81,4
Строительство	121,5	24,8	87,1
Информационно-вычислительное обслуживание	137,0	66,6	81,9
Управление	148,1	42,9	79,2
Транспорт	154,1	32,2	65,3
Связь	156,1	59,2	55,3
Финансы, кредит, страхование	195,9	74,9	91,0

По данным таблицы видно, что первые пять мест занимают отрасли с самым низким уровнем соотношения заработной платы со среднереспубликанским, и четыре из них являются традиционно женскими отраслями в экономике. Анализ динамики межотраслевых различий в заработной плате мужчин и женщин, занятых в отрасли, отрицательно коррелирует с величиной разрыва в заработках между мужчинами и женщинами (т.е. чем ниже доля женщин, тем больше межотраслевой разрыв в заработной плате мужчин и женщин). Можно сказать, что женская отраслевая структура зарплат повторяет мужскую, это значит, что если женщина работает в отрасли с преобладанием доли мужчин, то у нее выше шансы получать больше, чем у коллег этой же профессии в женской отрасли и т.д.

Во всех отраслях женщины по размеру заработка «не дотягивают» до мужчин в силу многих причин. В качестве основных факторов, влияющих на неравенство в оплате труда, можно выделить возраст, образование, стаж, различия в квалификации, режим занятости, условия труда, производительность, опыт работы, должность. Однако, как показывают расчеты зарубежных специалистов, даже после устранения (методом нормирования) различий во всех этих показателях, разница в оплате труда в пользу мужчин сохраняется. В связи с этим «необъяснимые» различия возникают вследствие дискриминирующего поведения работодателей, которые могут платить женщинам меньше, чем мужчинам, обладающим теми же характеристиками с точки зрения производительности[3] Такой вид дискриминации на рынке труда получил название текущей дискриминации. Возможным подтверждением дискриминации на российском рынке труда является то, что реальная оплата женского труда различается даже в том случае, если мужчины и женщины имеют одинаковую профессию и одну и ту же должность (табл. 5).

Как показывают данные, несмотря на небольшие исключения (женщины кочегары производственных печей получают зарплату на 4—5 % больше, чем мужчины, работающие по той же специальности), в целом в экономике страны заработки женщин на 20—30 % ниже мужских.

Таблица 5

Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы женщин к заработной плате мужчин по отдельным профессиям и должностям за октябрь 1999 г., %[4]

Профессии и должности	Отношение
Операторы технологических установок	78
Аппаратчики нефтехимических производств	80
Кочегары производственных печей	120
Бойцы скота	90
Обвальщики мяса тушек	59
Бортпроводники	86
Электромонтеры	100
Маляры	91
Штукатуры	88
Врачи	82
Средний медицинский персонал	90
Преподаватели, учителя (без вузов)	99,7

При анализе гендерных различий в заработной плате, также надо иметь в виду, что мужчины, помимо основной, чаще заняты на дополнительной работе, где тоже получают доходы, что в целом увеличивает гендерный разрыв в доходах.

Помимо занятости важной характеристикой гендерной структуры рынка труда является уровень безработицы среди мужчин и женщин. Тяготы безработицы в Мордовии распределены равномерно между мужчинами и женщинами, а уровень безработицы мужчин даже выше (табл. 6).

Таблица 6

Уровень и гендерная структура безработицы в Мордовии, %

Год	Уровень безработицы		Доля женщин среди безработных
	Мужчины	Женщины	
1999	9,5	6,1	30,8
2000	8,4	5,4	31,0
2001	7,6	5,4	40,0
2002	8,4	5,4	31,0
2003	8,8	6,0	37,5

Можно сделать вывод, что по масштабам безработицы не наблюдается существенных гендерных различий, но для

женщин, как правило, характерен более продолжительный период поиска работы. Среди них выше доля тех, кто находится в состоянии долгосрочной безработицы. Среди обстоятельств незанятости по данным 2004 г. женщины в 3 раза чаще теряют работу в связи с высвобождением и в 6 раз чаще по причине неустроенности после окончания учебы по сравнению с мужчинами, а мужчины на 20 % чаще женщин теряют работу, увольняясь по собственному желанию[5].

Несомненно, более низкий уровень выхода из состояния безработицы для женщин связан с худшими возможностями при трудоустройстве, меньшей конкурентоспособностью на рынке труда, что является отражением дискриминационной практики российских работодателей. В то же время больший период поиска работы отражает и более пассивное поведение женщин, их меньшую активность в ее поиске.

Как отмечают исследователи гендерных различий в выборе способов поиска работы, женщины в меньшей степени, чем мужчины обращаются в негосударственные агенства по трудоустройству и к работодателю, в меньшей степени используют социальные сети и обращение к родственникам для поиска работы. В то же время они в большей степени прибегают к услугам государственной службы занятости, и, в первую очередь, за счет использования этого канала больше склонны к формальным способам поиска работы, мужчины же более рассчитывают на собственные силы и связи[6]

Кроме того, среди женщин наблюдается значительный отток в категорию экономически неактивного населения (в основном значительная часть женщин, «выдавленных» из состава занятых и не нашедших спроса на рынке труда, вследствие дискриминации женщин на официальном рынке труда), а относительно высокий уровень безработицы среди мужчин обусловлен высокой вероятностью их перехода из категории занятых в категорию безработных[7] Мужская безработица носит временный характер, а женская — означает переход в категорию экономически неактивного населения, т.е. выход за рамки официального рынка труда[8]

Главным субъектом рынка труда является государство. Оно через законодательство (трудовое, социальное) ока -

зывает воздействие на гендерную структуру рынка труда и делает его более или менее сегрегированным по признаку пола. Так, государство через особенности законодательства может влиять на величину издержек работодателя, связанных с наймом мужчин и женщин. Если государство берет на себя оплату отпусков по беременности и родам, уходу за ребенком, то в этом случае издержки работодателя по найму женщин будут минимальны и вероятность дискриминации женщин при найме на работу тоже будет меньше. Протекционистские меры государства в отношении женщин часто ограничивают возможности их найма на определенные рабочие места и профессии.

В российской истории дискриминационная политика государства в отношении женщин, которая и породила женское движение, выражалась в том, что женщины были лишены возможности участвовать не только в государственном управлении и самоуправлении, но и высочайшим повелением от 14 января 1871 г. им запрещалось работать в государственных канцеляриях. Государство определяло круг доступных профессий для женщин, который в то время был невелик: акушерки, фельдшеры по прививкам, аптекари, телеграфистки, учительницы младших классов в начальных школах и нижних классах женских гимназий. Можно предположить, что именно оттуда берет начало феминизация советских и постсоветских отраслевых рынков труда.

Если проследить половую структуру некоторых отраслей советского производства, то можно выявить специфику определения статуса отрасли в условиях государственного регулирования экономики в отличие от рыночного. В обществе государственно-монополистического социализма государство определяет приоритеты отраслевого развития, а не законы рынка, обусловленные спросом населения. В связи с этим в системе отраслевых приоритетов, отрасли (тяжелая индустрия, военная промышленность), обеспечивающие поддержание и сохранение мощи и власти государства, стояли на первом месте. Медицина, культура, образование занимали последние места, что проявляется в низкой зарплате врачей, учителей, работников культуры, их невысоким социальным престижем и т.д. В

патриархатном советском обществе мужчин направляли в наиболее важные для государства отрасли (партийно-государственный аппарат, армия, тяжелая промышленность и т.п.), а женщины работали в наименее престижных сферах. По тем же причинам мы можем говорить о женском характере таких отраслей, как социальная сфера, легкая промышленность.

В рыночных условиях статус отрасли определяется прежде всего законом рынка — спросом населения на тот или иной товар, что, безусловно, повышает его цену. В постсоветской России разделение профессий на мужские и женские производится пока по той же схеме, что и в советское время, однако рынок начинает диктовать свои законы, вследствие чего, как мы показали выше, происходит перераспределение мужской рабочей силы в наиболее успешно развивающиеся рыночные отрасли (торговля, связь, информационно-вычислительное обслуживание, финансы и кредит), ранее считавшиеся «женскими» отраслями и, соответственно, отток из них женской рабочей силы как менее конкурентноспособной. Женщины, в свою очередь, начинают осваивать рынок «мужских» отраслей и профессий, тем более, что именно «мужские» отрасли оказались наиболее разоренными в период реформ. В связи с этим заработная плата женщин отстает от заработной платы мужчин. Можно прогнозировать, что с переходом на платную медицину, с открытием частных школ и колледжей количество врачей-мужчин и учителей-мужчин заметно увеличится.

Кроме государства в конструировании гендерной структуры рынка труда и занятости участвуют работодатели и работники. В зависимости от профессиональных предпочтений работодателей и наемных работников конструируется определенный рынок труда, однако необходимо помнить, что даже в случае, когда отдельный работник (работница) или работодатель делают свой индивидуальный выбор, то он сформирован интериоризованными культурными и социальными ценностями, существующими в обществе, которые часто являются дискриминационными в отношении женщин (или мужчин) и формируют стереотипное восприятие профессий как «мужских» или «женских». В связи с

этим предпочтение в отношении тех или иных профессий и видов деятельности оказывается результатом усвоения социальных норм и ценностей, связанных с гендерным разделением труда и в целом с гендерной структурой, существующей в обществе.

По результатам нашего исследования, мы сделали вывод, что в Республике Мордовия существует гендерно-структурированный рынок труда, представляющий собой гендерную отраслевую сегрегацию, выраженную вертикально и горизонтально. Однако по сравнению с 1990 г., рынок труда и занятости в республике к 2004 г. представляет более гендерно-сбалансированную структуру. Также выявлено, что уровень профессиональной сегрегации мужчин и женщин непосредственно связан с дифференциацией в оплате мужского и женского труда. При этом существует тенденция к концентрации женщин в отраслях и профессиях с наименее высоким уровнем оплаты труда. Существующая профессиональная сегрегация по признаку пола, создающая гендерные стереотипы профессий и оказывающая направленное влияние на уровень конкуренции в различных сегментах рынка труда, создает существенные препятствия в обеспечении равных возможностей в сфере занятости как для мужчин, так и для женщин и препятствует их профессиональной самореализации.

Следовательно, гендерная структура рынка труда и занятости воспроизводит структуру гендерного разделения труда, существующую в обществе, основанную на социально и культурно сконструированных физических свойствах мужчин и женщин. При этом «женские» отрасли ассоциируются с выполнением женской гендерной роли в обществе, что проявляется в существовании наиболее феминизированных отраслей экономики с ярко выраженным гендерным дисбалансом: образование, здравоохранение, социальное обеспечение, культура и искусство.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Численность рабочих и служащих в Мордовской ССР: Стат. сб. Саранск, 1991; Женщины и мужчины Мордовии: Краткий стат. сб. / Госкомстат России. Саранск, 2005.

[2] См.: *Рощин С.Ю.* Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия: Доклад Рабочей группы ООН о поощрении равенства мужчин и женщин и расширения возможностей женщин. М., 2003.

[3] См.: *Эренберг Р., Смит Р.* Современная экономика труда, теория и государственная политика / Пер. с англ. под ред. Колосовой Р., Разумовой Т., Рощина С. М., 1996. С. 450.

[4] См.: Женщины и мужчины России. М., 2000. С. 68—69.

[5] См.: Мордовия: Стат. сб. Саранск, 2004. С. 64.

[6] *Рощин С.* Женщины в сфере занятости и на рынке труда в российской экономике (эмпирические исследования гендерных различий трудового поведения на основе данных РМЭЗ) // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Под ред. Мезенцевой Е.Б. М., 2002. С. 127; *Йонушкайте И.Й.* Динамика безработицы в годы реформ: гендерный аспект // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / Отв. ред. М.Е.Баскакова. М., 2004. С. 39.

[7] См.: *Журженко Т.* Женская занятость в условиях переходной экономики: адаптация к рынку или маргинализация? // Украинские женщины в переходный период: от социальных движений к политике / Ред. И.Жеребкина. Харьков, 1999.

[8] См.: *Хоткина З.А.* Гендерный подход к анализу труда и занятости // Гендерный калейдоскоп. М., 2002.

Поступила 02.09.2005.

Л.А.ЧЕРКАСОВА

ЖЕНСКАЯ БЕЗРАБОТИЦА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Безработица уничтожила важнейшую компоненту привычного для гражданина России образа жизни — уверенность в постоянной полной занятости населения и гарантии трудоустройства.

Рост безработицы свидетельствует и об общем неблагополучии в экономике, ошибках в экономическом курсе. Действие рыночных механизмов в экономике, сопряженное с сокращением производства, закрытием предприятий, структурными преобразованиями народного хозяйства, создало определенную напряженность на рынке труда в Республике Марий Эл. Значительная часть трудоспособного населения испытывает трудности в поисках работы, и в первую очередь это касается женщин. В 2003 г. в республике насчитывалось 45 тыс. чел. безработных или 12,2 % экономически активного населения, в том числе женщин — 38,7 %. Средний возраст безработных составил 34,4 года против 31,4 года в 2002 г., женщин — 33,4 года. Безработные в республике на 4,2 года моложе занятого населения.

Структура экономически активного населения в целом по республике представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура экономически активного населения по РМЭ

Год	Экономически активное население, тыс. чел.	В том числе		В % к экономически активному населению	
		Занятые	Безработные	Занятые	Безработные
1999	377,6	338,8	38,8	89,7	10,3
2000	370,5	328,5	42,0	88,7	11,3
2001	372,4	337,3	35,1	90,6	9,4
2002	379,8	327,5	52,3	86,2	13,8
2003	369,4	324,4	45,0	87,8	12,2

ЧЕРКАСОВА Лидия Александровна, профессор кафедры управления и права Марийского государственного технического университета, кандидат экономических наук.

Прирост численности экономически активного населения в основном приходится на мужчин. Динамика уровня экономически активного населения по гендерному признаку приведена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика уровня экономической активности населения по гендерному признаку в возрасте 15—72 лет, %

Год	Уровень экономической активности населения		
	Всего	В том числе	
		Мужчины	Женщины
1999	67,0	72,9	61,6
2000	65,5	71,2	60,3
2001	65,6	71,0	60,6
2002	66,6	70,5	63,0
2003	64,4	68,2	61,3

В 2003 г. по сравнению с 2002 г. в республике произошло снижение численности занятого населения на 2,2 % практически по всем возрастным группам в связи с сокращением штатов или ликвидацией предприятий.

Следует отметить, что 23,6 % безработных имеют высшее или среднее специальное образование, в том числе женщины — 31,2 %.

Примерно 20 % среди безработных — это лица, не имеющие опыта трудовой деятельности, на конец 2003 г. их численность составила 13,8 тыс. чел. Данная группа безработных формируется из числа молодежи в возрасте от 20 до 24 лет, а на возрастную группу до 30 лет приходится 36,1 % безработных. Однако только этим роль безработицы как фактора экономической дестабилизации не ограничивается. Она убивает инициативу человека, порождает у него неуверенность в завтрашнем дне, в своих силах и возможностях, снижает его трудовой и гражданский потенциал.

В связи с ростом безработицы в республике наблюдается сокращение численности населения. Решающее влияние на динамику воспроизводства оказывает рождаемость. Простое воспроизводство населения возможно только при уровне суммарного коэффициента рождаемости (число родившихся на одну женщину за всю ее жизнь) 2,15—2,17. В Марий-Эл этот коэффициент держится на уровне 1,3.

Вместе с тем отмечается незначительное повышение уровня рождаемости на 0,7 %, что отражает репродуктивные планы женского населения. Четвертая часть (25 %) женщин в возрасте 18—44 лет не имеют детей и не намерены их иметь, 47 — предполагают родить только одного ребенка, 27 — двух и всего 2 % — трех и более детей. Отказ молодых семей от рождения детей обусловлен низким уровнем качества жизни. Доля женщин, имеющих одного (34 %) и двух (47 %) детей в основном складывается за счет городской местности, а доля женщин родивших трех и более детей (8,3 %) — за счет сельской местности. Ситуация с рождаемостью усугубляется ухудшением положения в связи с нежеланием молодых людей официально оформлять свои отношения. Разводов (2,3 %) в республике в два раза больше, чем в России. Почти каждый 12-ый ребенок воспитывается без одного из родителей и, как правило, без отца.

Негативное влияние на состояние здоровья мужчин и женщин, их потомства оказывают опасные и вредные условия труда. Подавляющую часть пострадавших на производстве, в том числе со смертельным исходом, составляют мужчины.

Смертность людей трудоспособного возраста повысилась в 1,4 раза. Смертность мужчин трудоспособного возраста выше смертности трудоспособных женщин от инфекционных и паразитарных болезней в 7,7 раза, болезней органов дыхания — в 6,1, несчастных случаев, отравлений и травм — в 5,1 раза. Мужчины болеют туберкулезом в 3,6 раза чаще, чем женщины, среди наркоманов мужчин в 6,5 раза больше.

В связи с ростом безработицы, снижением уровня дохода семьи увеличился рост преступности. По данным информационного центра Министерства внутренних дел Республики Марий Эл, среди людей, совершивших преступление, более половины составили лица, которые к моменту совершения преступления не имели постоянного источника дохода, в том числе 15,0 % — безработные, 58 % — молодежь в возрасте до 30 лет.

Социальная политика государства предусматривает совокупность мер, воздействующих на демографическую си-

туацию, занятость населения и качество его жизни (включая уровень потребления материальных и духовных благ), пенсионное и другие формы социального обеспечения, социальное обслуживание населения, деятельность отраслей социальной сферы, а также отраслей, обеспечивающих целевую государственную и благотворительную помощь наиболее незащищенным, социально уязвимым и малоимущим слоям населения. В эту систему входят и меры, направленные на создание условий для самозащиты и самозанятости граждан с целью поддержания и повышения уровня благосостояния их семей.

Анализ показывает, что достаточно высокая степень готовности безработных женщин к поиску нового места работы со временем все чаще сталкивается с такими факторами рынка труда, как несоответствие структуры вакансий профессиональному и квалификационному статусу женщин, ищущих работу. Большинство безработных женщин из социально-незащищенной группы: воспитывающие несовершеннолетних детей, детей-инвалидов (48,7 %); имеющие перерыв в работе более одного года (19,7 %); не приступившие к трудовой деятельности и не имеющие профессию (9,3 %). С точки зрения психологии длительное нахождение в статусе безработного меняет личность, а именно: появляется страх перед будущим, чувство растерянности, формируется безынициативность. Человек утрачивает способность самостоятельно адаптироваться к современным условиям, находить выход из создавшегося положения.

Для изменения статуса безработной женщины необходимо обеспечение равных возможностей на рынке труда и содействие женской занятости, подразумевающее повышение спроса на женскую рабочую силу и конкурентоспособности женщин на рынке труда.

Поступила 26.10.2004.

М.М.ШУЛЬГА

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Мировоззренческие, смысложизненные установки личности и молодого поколения играют большую роль в обеспечении жизнеспособности и противостоянии негативным условиям трансформирующегося общества. Такого рода установки задают жизненные цели и ценности, делают жизнь осмысленной, сознательной и целесообразной. Для современной России и, в частности, для отечественной высшей школы важным аспектом анализа качества образования представляется мониторинг системы ценностных ориентаций студентов, особенно, ценности высшего образования.

Существует две тенденции в оценках значимости высшего образования в современном мире. Объективно, значение высшего образования как важнейшего фактора формирования нового качества общества увеличивается вместе с ростом влияния человеческого капитала. Согласно теории «человеческого капитала», образование не является чем-то немедленно потребляемым, скорее это капиталовложения в будущее индивидов, — чем больше капиталовложений (затраченные на образование усилия) сделано в прошлом, тем больше вознаграждения (материальное благополучие, карьера, социальный престиж) в будущем[1].

Это вполне экономически и стратегически оправдано в силу той связи, которая существует между будущим страны и ролью образования в формировании модели этого будущего. Речь идет о том, что 70 % совокупного дохода всех стран мира обеспечивается наукоемкими технологиями, которые находятся в непосредственной зависимости от

ШУЛЬГА Марина Михайловна, научный сотрудник кафедры политологии и социологии Ставропольского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

функционирующей образовательной системы, поэтому в современной индустриальной цивилизации наука и образование выступает единой самокорректирующейся и самоподдерживающейся системой.

Сегодня, как и прежде, только в высшей школе воспроизводится «профессиональная» и «техническая» интеллигенция, однако ее удельный вес в студенческом корпусе стремительно сокращается. Вот уже более двух десятилетий и в западном мире, и в России производится избыточный процент специалистов. Они не востребованы ни производством, ни общественными институтами. Обучение в высших учебных заведениях обретает пограничный характер между «получением знаний», «профилактикой безработицы», искусственным продлением периода «вступления в активную жизнь». Массовое поступление молодых людей в вузы становится, с точки зрения теории рационального выбора, все менее и менее мотивированным, а студенчество все больше сводится к культурно-возрастному «довзрослому» стилю жизни, к социальной возможности пожить другой жизнью — не «культурой долга», а студенческой полуответственной тусовкой[2] Такая ситуация не способствует повышению ценности высшего образования.

Мониторинг системы ценностных ориентаций студентов является одним из основных направлений работы Центра социологических исследований Ставропольского государственного университета. В статье в качестве основной эмпирической базы используются результаты социологического исследования «Особенности социализации в высшей школе», проведенного в апреле 2005 г. Исследование включало в себя два вида опроса студентов вузов г. Ставрополя: анкетирование (опрошено 385 чел.; выборка квотная, репрезентативная) и опрос при помощи метода «неоконченных предложений» (опрошено 60 чел.; выборка квотная).

Анализ ответов на вопрос анкеты «Что для Вас наиболее значимо в жизни?» позволяет получить представление о системе ценностных ориентаций студентов города (табл. 1).

В приведенных в таблице результатах, интересными представляются значительные различия в ответах студентов 2-х и 4-х курсов. Возрастание значимости ценностей качественного образования, интересной работы, возможности реализовать себя для студентов 4-х курсов является

Таблица 1

Ценностные ориентации студентов, %

Что для Вас сегодня наиболее значимо в жизни	2-й курс	4-й курс	Всего
Здоровье	78,5	62,2	67,3
Материальный достаток	47,5	49,0	51,2
Качественное образование	7,5	17,3	11,9
Интересная работа	20,3	28,6	25,0
Карьера	17,5	16,3	21,1
Возможность реализовать свои таланты и способности	13,9	20,4	16,5
Слава	5,0	4,1	3,2
Покой и возможность ни во что не вмешиваться	1,3	1,0	0,7
Власть	8,8	7,1	6,0
Признание окружающих	10,0	7,1	7,0
Крепкая семья	47,5	43,9	48,8
Преданные друзья	36,3	27,6	28,8
Улучшение существующего общества	2,5	4,1	3,2
Затрудняюсь ответить	1,3	2,1	1,1

наглядным результатом образовательной и профессиональной социализации в высшей школе. На фоне общей низкой значимости ценности улучшения существующего общества, тем не менее, можно констатировать возрастание значимости этой ценности для студентов 4-х курсов.

Анализ результатов ответов на этот вопрос студентов, обучающихся в государственных и негосударственных вузах, также показал наличие некоторых различий (табл. 2).

Таблица 2

Ценностные ориентации студентов государственных и негосударственных вузов

Что для Вас сегодня наиболее значимо в жизни	Ранг ценности	
	Студенты государственных вузов	Студенты негосударственных вузов
1	2	3
Здоровье	1	1
Материальный достаток	2	2
Качественное образование	8	6
Интересная работа	5	3
Карьера	6	5
Возможность реализовать свои таланты и способности	7	7
Слава	11	8

Окончание табл. 2

1	2	3
Покой и возможность ни во что не вмешиваться	12	9
Власть	9	8
Признание окружающих	9	7
Крепкая семья	3	3
Преданные друзья	4	4
Улучшение существующего общества	10	—

Для студентов негосударственных вузов большую значимость имеет ценность качественного образования, карьеры, работы. Значимость витальных ценностей: здоровья, материального достатка, семьи и преданных друзей для данных групп респондентов одинаковы.

Сравнительный анализ результатов ответов на идентичный вопрос в исследованиях «Ценностные ориентации студентов СГУ» 1998 г. (опрошено 400 чел.) и «Молодежь и общество» 2000 г. (опрошено 759 представителей молодежи края) позволяет увидеть динамику ценностных ориентаций студентов (табл. 3).

Таблица 3

Динамика ценностных ориентаций студентов

Ценностные ориентации студентов	Место в структуре ценностных ориентаций		
	1998 г.	2000 г.	2005 г.
Здоровье	1	1	1
Семья	2	2	2
Материальный достаток	3	3	3
Преданные друзья	4	6	4
Качественное образование	5	5	8
Интересная работа	6	4	5

Приведенные данные свидетельствуют об объективно существующем приоритете витальных ценностей в структуре ценностных ориентаций молодых людей: здоровья, семьи, материального достатка. Многие авторы рассматривают высокое положение ценности материального благополучия в системе ценностных ориентаций молодежи как негативное явление.

В.А.Луков отмечает, что по данным социологических исследований, приблизительно треть молодых людей в современной России ориентируется на ценности «выжива-

ния», а не «достижения», на гарантированный минимум, нежели на свободу экономической деятельности. В сознании и поведении молодежи усиливаются прагматизм, стремление к материальному достатку, ориентация на предпринимательство. В иерархии ценностей значительной части молодежных групп культ денег поднялся на одно из первых мест — факт, в котором отражаются особенности мировоззрения и понимания молодыми людьми своих жизненных перспектив: деньги выступают как условие удовлетворения потребностей не только в развлечении, но и духовном росте, в саморазвитии[3]

По нашему мнению, высокая позиция ценности материального благополучия является закономерной. Во-первых, это одна из важнейших витальных ценностей. Во-вторых, возрастание роли витальных ценностей закономерно в кризисные периоды развития общества. В-третьих, в социально-экономических условиях современного российского общества отрицать важность денег как витальной ценности, являющейся инструментальной, обеспечивающей реализацию других жизненных ориентиров индивидов, представляется ошибочным. В контексте «мотивации достижений» высокий статус ценности материального благополучия можно рассматривать как позитивную тенденцию. Образование в создавшейся ситуации призвано оказать человеку поддержку, воспитывать в нем с самого раннего возраста приспособляемость к общественным переменам и социальную гибкость, чтобы адаптироваться к усложнившимся проблемам, оставаясь при этом самим собой.

Снижение значимости ценности качественного образования, возможно, объясняется осознанием современными студентами того факта, что образование само по себе не является определяющим фактором достижения жизненного успеха. Учеба у молодежи часто выступает как форма основного вида деятельности и способ отсрочки от активного включения во «взрослую жизнь». В этом смысле образование не может претендовать на роль первой жизненной потребности и объективно занимает в общей системе ценностных ориентации отнюдь не приоритетное место.

Образование не было и не является терминальной или целевой смысложизненной ценностью для подавляющего

большинства россиян, оно не самоценно как идеал саморазвития личности. Преобладает отношение к нему как к инструментальной ценности, общественно значимому, социально одобряемому способу достижения других важных социальных и индивидуальных целей. Причем и в этом аспекте отношения к образованию значительную роль играют не интеллектуально-духовные и социально-профессиональные, а социально-материальные и социально-экономические мотивы и установки[4]

По данным анкетного опроса студентов «Особенности социализации в высшей школе» большая часть респондентов осознает, что в современном мире непрерывное образование является основным способом восходящей мобильности: 25 % опрошенных студентов полностью согласны с данным утверждением, 44 — скорее согласны, чем не согласны; 11 — скорее не согласны, чем согласны; 3 % — полностью не согласны.

Проведенный нами сравнительный анализ социологических данных двух исследований: «Молодежь—97»[5] и опроса студентов вузов г. Ставрополя 2005 г. «Особенности социализации в высшей школе» показывает динамику представлений студентов о ценности высшего образования (табл. 4).

Таблица 4

Представления студентов о ценности высшего образования, %

Варианты ответов на вопрос: «Как вы считаете, что, прежде всего, дает высшее образование человеку»	1997 г.	2005 г.
Хорошую профессию	56	53
Шансы на больший успех в жизни	28	62
Диплом, дающий социально-престижный статус интеллигента	49	28
Возможность избежать службы в армии и безработицы	7	12
Высокий уровень культуры	36	38
Материальное благополучие	30	25
Возможность работать за рубежом	15	10
Приятное времяпровождение в студенческие годы	17	25
Возможность выбрать достойного спутника жизни	12	3
Ничего не дает	2	0,7

На основе приведенных в таблице данных можно сделать два вывода. Во-первых, усиливается значение образования именно как инструментальной ценности. Во-вторых, обоснованным можно считать утверждение о том, что в современных условиях российская высшая школа выступает в новом качестве — как особое учреждение социальной защиты молодежи, спасающее ее от непосредственной угрозы безработицы, непопулярной службы в армии, а также избавляющее всю страну от аккумуляции в молодежной среде бунтарских и нигилистских настроений.

Контент-анализ ответов на аналогичный вопрос, включенный в систему неоконченных предложений, «Высшее образование дает человеку...» подтверждает, что высшее образование, прежде всего, дает индивиду шансы на самореализацию и жизненный успех в дальнейшем. 93 % респондентов дали продолжения следующего содержания: «перспективу хорошего будущего», «возможность самореализоваться в жизни», «возможность совершенствоваться», «уверенность в себе», «дорогу в будущее», «возможность определиться в жизни», «возможность найти свое место в обществе» и др. 53 % опрошенных связывают ценность высшего образования с получением профессии и устройством на работу; 47 % считают, что ценность высшего образования заключается в самом образовании.

В бланк опроса студентов методом неоконченных предложений был также включен следующий пункт: «Блестяще образованный человек — это...». Назначение этого вопроса заключалось в том, чтобы определить, что, по мнению респондентов, в идеале способно дать образование. Анализ полученных ответов позволяет констатировать, что для 23 % наиболее значимым в образовании является само образование. Эта группа дала ответы следующего содержания: «получивший высшее образование», «имеющий „красный диплом“», «окончивший несколько вузов», «имеющий высокий балл по различным предметам» и т.п. Также 23 % определяют блестяще образованного человека через определенные поведенческие особенности: «умеющий применить на практике полученные знания», «умеющий найти общий язык с любым человеком», «умеющий четко и деликатно сформулировать свою точку зрения». Единствен-

ный респондент определяет блестяще образованного человека как «культурного человека, который всю жизнь стремится к знаниям». Подавляющее большинство опрошенных (91 %) ставят знак равенства между блестящим образованием и «знающий и разбирающийся во многих областях науки, эрудит, интеллектуал». Ориентация на всесторонне развитие личности как идеал образованности представляется позитивной тенденцией, свидетельствующей о переходе от технократической к социокультурной модели образования. Значимость данного факта для общества раскрыто в одном из ответов: «Блестяще образованный человек — это индивид, который нужен государству. Чем больше у нас будет таких людей, тем быстрее Россия поднимется на ступеньку выше по сравнению с другими мировыми державами. Кроме того, такие люди более востребованы».

В анкету опроса студентов был включен вопрос об основных задачах современной высшей школы. Респондентам было предложено проранжировать ряд социальных качеств, которые должно формировать высшее образование (табл. 5).

Таблица 5

Оценка студентами основных задач высшей школы

Какие социальные качества должно формировать современное высшее образование	Среднее значение ранга			
	2-й курс	3-й курс	4-й курс	Всего
Общекультурные знания, менталитет	4,2	4,9	5,1	4,8
Профессиональные знания и умение решать стандартные практические задачи	2,4	2,7	3,1	2,7
Научное мировоззрение, умение объективно оценивать происходящее	4,3	5,1	4,8	4,7
Навыки самостоятельной работы, самообразования	5,3	4,8	4,5	4,9
Умение принимать грамотные самостоятельные решения	4,4	3,6	4,3	4,1
Умение общаться с разными людьми	5,4	5,1	5,0	5,2
Уверенность в себе, психологическую устойчивость	5,6	5,4	5,3	5,4
Умение легко адаптироваться в изменяющихся условиях	6,1	5,9	5,3	5,8
Прочные нравственные устои гражданина	7,6	7,8	7,4	7,6

Анализ результатов по различным категориям опрошенных студентов не выявил каких-либо значительных различий. Сгруппировав полученные данные по критерию присвоенного опрошенными ранга (высокий — 1—3, средний — 4—6, низший — 7—9), мы получаем результат, наглядно подтверждающий приоритет задачи профессиональной социализации в вузе (табл. 6).

Таблица 6

Результаты группировки задач высшей школы по критерию присвоенного ранга

Группа 1 (высокий ранг)	Группа 2 (средний ранг)	Группа 3 (низкий ранг)
Высшее образование должно формировать: профессиональные знания и умения решать стандартные практические задачи (2,7)	Высшее образование должно формировать: умение принимать грамотные самостоятельные решения (4,1); научное мировоззрение, умение объективно оценивать происходящее (4,7); общекультурные знания, менталитет (4,8); навыки самостоятельной работы, самообразования (4,9); умение общаться с разными людьми (5,2); уверенность в себе, психологическую устойчивость (5,4); умение легко адаптироваться в изменяющихся условиях (5,8)	Высшее образование должно формировать: прочные нравственные устои гражданина (7,6)

Следует констатировать, что, признавая значимость образования для своей дальнейшей жизни, студенты связывают эту значимость, прежде всего, с профессиональным становлением. Закономерным представляется низкий ранг задачи высшей школы, направленной на формирование нравственности. В аномичном обществе, где с одной стороны происходит переоценка сложившейся системы ценностей, а с другой — нравственные ценности нарушаются на каждом шагу, сложно формировать то, чего практически нет, но необходимо. И преподавателям, и администра-

циям вузов следует обратить особо пристальное внимание на это направление воспитательной работы.

Средний ранг получили задачи высшей школы, связанные с формированием умения легко адаптироваться в изменяющихся условиях и с формированием навыков самостоятельной работы, самообразования, которые должны играть ведущую в роль в современной высшей школе России, т.к. соответствуют общественным потребностям динамично развивающегося общества.

Важным показателем профессионального становления в меняющемся обществе является отношение к профессиональному выбору. В анкету опроса студентов «Особенности социализации в высшей школе» был заложен вопрос об отношении студентов к осуществленному профессиональному выбору и к перспективам своей профессиональной деятельности (табл. 7).

Таблица 7

Отношение студентов к профессиональному выбору, %

Какое из приведенных ниже мнений наиболее соответствует Вашим взглядам в отношении будущей профессиональной деятельности?	2-й курс	4-й курс	Всего
Профессиональный выбор делается раз и на всю жизнь, полученная профессиональная подготовка является основой всей профессиональной карьеры	10,3	4,1	6,4
Профессиональный выбор делается раз и на всю жизнь, однако профессиональные навыки нуждаются в постоянном обновлении и совершенствовании и я к этому готов	41,0	36,7	43,1
Выбор профессиональной деятельности зависит от конкретной экономической ситуации При необходимости я готов сменить профессию	42,3	53,1	44,2
Выбор профессиональной деятельности зависит от конкретной экономической ситуации, но я не уверен, что готов менять свою профессию в зависимости от конъюнктуры рынка	2,6	5,1	4,2

Приведенные данные наглядно демонстрируют различие в оценке своей будущей профессиональной мобильности студентами вторых и четвертых курсов. Студенты четвертых курсов, прошедшие различные виды практики и уже

имеющие реальные представления о рынке труда, видимо более объективно могут оценивать перспективы своей профессиональной деятельности.

Следует отметить, что для современного модернизирующегося общества, где знания и информация меняются и устаревают очень быстро, и профессиональная подготовка требует постоянного совершенствования, сам по себе уровень и качество образования не является гарантом реализации жизненных планов. Современный специалист должен быть способным к разностороннему, целостному видению и анализу сложных проблем жизни общества, а значит готовым к поиску новых решений насущных проблем. На первый план выходит задача формирования у молодых людей качеств, позволяющих человеку рационально мыслить и быстро адаптироваться к изменяющимся условиям жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. С. 430.

[2] См.: *Согомонов А.* «Средний класс» и образование: QUI PRO QUO?: Конфликт толкований и концептуальная повестка на XXI век // Отечественные записки. 2002. № 2. С. 42.

[3] См.: *Луков В.А.* Проблема обобщающих оценок положения молодежи // Социс. 1998. № 8. С. 31.

[4] См.: Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. М., 2000. С. 54.

[5] См.: Там же. С. 48—49.

Поступила 22.06.2005.

Д.Г.КУРАЧЕВ

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Религия — древнее и существенное явление общественной жизни. И сейчас она не исчерпала своей значимости, напротив, приобрела новый импульс в своем пространственно-территориальном развитии и социальном проявлении. Процессы глобализации современного мира представлены в первую очередь тесным взаимосоприкосновением культурных миров. Религия все более выступает как один из основных факторов, определяющих их отличия и границы. Возрождаясь в качестве мировоззрения, иерархии ценностных ориентаций, ядра культурной идентичности она консолидирует вокруг себя все больше и больше людей и социальных групп. Центральным аспектом этого процесса является актуализация в массовом сознании перцептивных установок, провоцирующих сравнение «себя и собственного вероисповедания» с иными формами религии и особенно с теми, представители которых находятся рядом.

В социальных отношениях более значимо и рельефно проявляется особый феномен «межконфессионального восприятия». Суть его заключается в том, что субъектом и объектом перцептивной активности выступают религиозные группы, охватывающие весьма значительный социальный ареал. Эти особые конфессиональные культуры и субкультуры с их противоречивыми и диссонирующими религиозными ценностями представлены уже не столько локально территориально, а снизу до верху пронизывают и опосредуют практически все общественные отношения вне конкретных пространственных границ. Соответственно, от того каким образом будут складываться взаимоотношения между конфессиями, как и в каком ракурсе представители одной религии будут воспринимать представителей

КУРАЧЕВ Дмитрий Геннадьевич, заведующий кафедрой социологии, культурной антропологии и социальной психологии Бирской социально-педагогической академии, кандидат психологических наук.

другой, во многом зависит развитие современной поликультурной цивилизации.

В России конфессиональная принадлежность в период тотального атеизма времен СССР не вызывала ни каких напряжений и противоречий. Однако теперь она начинает выступать совсем в ином ракурсе — все более становится инвариантом внутригруппового самосознания и межгрупповой перцепции, очерчивает границы социальных отношений, обуславливает специфику межличностного и межгруппового общения. Это является особенно важным фактом в виду того, что наше государство не только территориально расположено внутри границ конфессиональных цивилизаций, но и предоставило возможность религиозных свобод и деятельности самым разнообразным сектам. В связи с этим религиозные ориентации населения поликонфессиональны, проявлены в различном содержании от радикального неприятия инакомыслия до терпимости и сострадания к ближнему.

Башкортостан — уникальная поликультурная республика, в которой на относительно небольшой территории сосредоточены самые различные этнические и конфессиональные общности. Как в зеркале здесь отражаются общемировые и общероссийские тенденции — конфессиональный фактор выступает уже не какой-то тенью этнической идентичности, фрагментарной исторической памяти и др. Напротив, вне зависимости от национальности (башкиры, татары, русские, марийцы и т.д.) верующими считают себя более двух третей населения. При этом показательно, что властям удается соблюдать баланс в конфессиональных противоречиях и не допускать конфликтных антагонизмов, которые, к сожалению, уже проявлены в других регионах современной России.

Одной из интересных и показательных сторон современного религиозного возрождения является значительная активность в этом процессе молодежи. Именно молодежь в силу ее сензитивности, мотивации заполнить экзистенциальный вакуум, поиска смысла существования и др. в наибольшей мере подвержена влиянию конфессиональных идеологий. И сами конфессии проявляют активность именно в среде молодежи. Нередко это сопровождается разного

рода издержками, связанными с тем, что в данном возрасте на фоне его мощной социальной энергии межгрупповые антагонизмы, мировоззренческий абсолютизм проявляются наиболее остро, создавая условия для межконфессиональных конфликтов. Соответственно наличие или отсутствие веротерпимости молодежи выступает в качестве важного индикатора стабильности в обществе.

Все это позволяет говорить о межконфессиональном восприятии молодежи как самостоятельной реальности, требующей адресного социально-философского подхода и масштабного эмпирического исследования. Несмотря на актуальность и наличие явного социального запроса в этой области знаний еще очень много белых пятен.

По данным проведенного нами с 1997 по 2004 гг. исследования феноменологической сущности межконфессионального восприятия соврменной молодежи установлено, что «возвращение» молодежи в лоно религии сопряжено с возрождением мощнейшего и древнего тематического ядра группоцентризма[1] Это ведет к усилению межгруппового обособления и наполняет перцептивные установки особым смысловым содержанием. На данный момент межконфессиональное восприятие как своеобразная форма перцептивной активности не есть какое-то локальное, редкое явление, сопряженное с фрагментарными событиями или условиями. Напротив, среди современной молодежи оно представляет собой весьма распространенный феномен, достаточно активно проявляющий себя в обыденной жизни.

Исследование генезисного аспекта показало, что от подросткового к юношескому возрасту межконфессиональное восприятие находит свое выражение под определенным диктатом особенностей периода взросления и происходящих в нем изменений. Его активное формирование происходит в подростковом возрасте, что выражается в усилении степени информированности о чужих религиях, появлении о них отчетливых представлений. Примечательно, что уже у дошкольников фигурируют зачаточные религиозные представления, среди которых можно выделить фрагменты конфессиональных. Соответственно эти перцептивные шаблоны ребенок может использовать еще на первоначальных стадиях своего развития. Это соотно-

сится с некоторыми позициями[2], постулирующими, что если на фоне первичного формирования Я-концепции (это примерно 3 года), родителями культивируется оппозиция «Мы—Они» в каком бы то ни было аспекте, то она присваивается и ребенком. Таким образом, доюношеский этап формирования межконфессиональных представлений и образов зависит от их актуализации в семье и ближайшем окружении ребенка (подростка). Юношеский же возраст предстает как период, в котором межконфессиональная перцепция уже сформирована, актуализирована и сам юноша является субъектом межконфессиональных отношений.

Выявлено, что межконфессиональное восприятие — это особое социальное явление со своими конкретными характеристиками, выделяющими его в качестве самостоятельного феномена в широком спектре перцептивной активности и межгрупповых отношений. Межконфессиональное восприятие сложно соотносится с межэтническим (в некоторых случаях наблюдается их наслоение, в других — расслоение). Оно имеет свой отличительный от других форм перцепции оценочный диапазон и ракурс: представлено специфическим, в том числе особым культово-религиозным смысловым содержанием, разворачивается в разномодальных элементах — отношение к самому названию религии, конкретным религиозным представителям, а также культурным производным конкретной конфессии (праздники обряды, традиции) и др.

У юношей и девушек из основных конфессиональных сообществ Башкортостана в наибольшей степени актуализированы образы ислама, православия и язычества, то есть «традиционных» религий. В гораздо меньшей степени сформированы образы «нетрадиционных» конфессий. На основании содержаний представленных образов верующие обосабливаются от чужих религий с различной степенью интенсивности. Межконфессиональное восприятие представлено в широком диапазоне: от конфликтного отторжения до толерантности и позитива. Весь спектр отношений можно представить в следующих типах.

При взаимном позитиве межконфессиональной перцепции у православных и мусульман можно выделить *толерантный* тип. Вне ситуации смоделированного конфликта

между ними не проявляется выраженных противоречий и напряженности. Учитывая, что между исламом и христианством далеко не всегда имеет место взаимная толерантность, выявленный на территории Башкортостана тип отношений можно взять за образец добрососедства двух великих религий.

Восприятие представителями традиционных религий (ислама, православия, язычества) нетрадиционных соответствует *недифференцированно-обособленческому* типу. Такое название определено недостаточной актуализацией образов большинства нетрадиционных религий. Эти образы диффузны, слабо представлены в перцептивном поле, их содержание характеризуется отрицательной и критической загруженностью.

У мусульман и православных к язычникам проявляется значительный негатив. Можно выделить *негативно-конфликтный* тип, отличающийся от радикального и недифференцированного, с одной стороны, более выраженной актуализацией соответствующего конфессионального образа, а с другой, более конфликтным и агрессивным наполнением.

У представителей нетрадиционных религий аутообразы представлены элитарной ментальностью, самохвальством. Другие религии воспринимаются либо нетерпимо, либо спектр перцепции сужается до избирательного внимания к «родственным религиям». Приобщенность к сектам влечет за собой формирование особого рода межконфессиональной перцепции, связанной с религиозным радикализмом и ослаблением толерантности к инакомыслию. Мы назвали подобный тип *радикально-изоляционным*. С известной долей условности и определенном упрощении классификации можно утверждать, что у молодежи из традиционных религий (ислама и православия) межконфессиональное восприятие представлено в более конструктивном ракурсе, нежели у нетрадиционных (свидетелей Иеговы, адвентистов, пятидесятников, кришнаитов). Однако есть и исключение.

Особый тип межконфессиональной перцепции проявляется у представителей другой традиционной религии — язычества. У них обнаружены некоторые особенности, свя-

занные с инверсией внутригруппового фаворитизма. Сложное положение этой религии сопряжено с тем, что стремление «вернуться к корням» и идентифицировать себя как «язычника» соотносится с обособлением со стороны мусульман и православных — наиболее многочисленных представителей традиционных религий в Башкортостане. Выявлено также, что представители наиболее распространенных в Башкортостане традиционных религий представлены в более конструктивном ракурсе, чем нетрадиционных.

Межконфессиональное восприятие носит отличный характер на периферии конфессиональной субкультуры и в ее центре. У конфессионально-ориентированных юношей и девушек степень совпадений представлений о другой религии невелика, в оценках обнаруживается индивидуальная позиция и секуляризированный контекст. Прослеживается критичность не только по отношению к другим религиям, но и к собственной. К другим традиционным конфессиям они относятся более позитивно и толерантно. В целом межконфессиональное восприятие представлено в широком веере смысловых перспектив. У погруженных же в традицию верующих целостность и унифицированность в восприятии другой религии проявляются с большей степенью отчетливости. В восприятии других религий чаще фигурирует стереотип, оно в большей мере детерминировано религиозным мировоззрением. Складывается впечатление, что их конфессиональные образы воспроизводят в себе заранее заданные шаблоны, поскольку ассоциации и стереотипы у многих сходны. У них же менее выражен самонегатив, а иноверцы воспринимаются менее терпимо. Восприятие чужих религий становится как бы менее дифференцированным и более усредненным. Наблюдаются некоторые элементы сходства данной формы перцептивной активности у молодых верующих находящихся «в центре» субкультур традиционных религий и у молодых сектантов. Это свидетельствует о более выраженном радикализме межконфессионального восприятия погруженных верующих в сравнении с конфессионально-ориентированными. Есть основания полагать, что при усилении конфессиональной вовлеченности (тенденция к этому у молодежи уже прослеживается) будут создаваться предпосылки для увеличения межконфессиональной напряженности и конфронтации.

Учитывая также, что «глубоко верующие» имеют в религиозной среде авторитет и власть, от их позиции будет зависеть широкое общественно-религиозное мнение. Можно видеть некий парадокс: терпимость к религиозному инакомыслию определяется теми, кто в силу своего мировоззрения радикален.

Конфликтное обострение межконфессиональной перцепции посредством фрустрации, смоделированной деривационным воздействием со стороны представителей различных религий, позволило выявить те параметры, которые не декларируются, скрываются или просто не проявляются в ситуации безстрессового общения. Установлено, что в ситуациях фрустрации, смоделированной деривационным воздействием со стороны представителей различных религий, межконфессиональная перцепция характеризуется агрессией, либо игнорирующей нелояльностью. При этом выраженность нелояльности зависит от конфессиональной принадлежности источника депривационного воздействия. К представителям собственной религии она уменьшается, а лояльность усиливается. У представителей всех изучаемых религий прослеживается более выраженное увеличение остаточной фрустрации после депривационного воздействия иноверцев. При депривации со стороны иноверцев проявляется значительное усиление внутриконфессионального фаворитизма и межконфессиональной дискриминации. Обостряется негативизм, нарушается имеющаяся толерантность. Это выглядит особенно тревожно потому, что среди толерантно настроенных друг к другу православных и мусульман существуют немногочисленные группы с радикальными по отношению друг к другу настроениями. Есть основания полагать, что на фоне общего усиления межконфессиональной деструкции эти группы будут катализировать взаимную нетерпимость.

Межконфессиональная перцепция может проявлять себя в двух крайних формах: неся в себе «смягчение» межгруппового фаворитизма и межгрупповой дискриминации и их катализацию. Эти два полюса балансируют на фоне исторического контекста, социальных настроений, идеологии, текущего политического момента, угла интерпретации религиозных догматов. При определенных обстоятельствах (усиления социального напряжения, провокации и др.) в

силу присущей любому сознанию тенденции к оппозиционированию и отчуждению по формуле «свой» — «чужой», чаша весов гораздо легче будет склоняться в сторону негативизации образа «чужой религии». Религиозные доктрины с их идеалами добра и человеколюбия могут трансмутироваться в инструмент убийства и кровавой резни.

Учитывая усиливающийся в последнее время фактор «возвращения к конфессиональным истокам», провоцирующий актуализацию межконфессиональной перцепции, можно с уверенностью допустить, что инструментом усиления социальной деструкции, как в силу спонтанных обстоятельств, так и что еще страшнее, в силу заинтересованности конкретных политических или финансовых кругов может стать именно «конфессиональная карта». Доказательств тому уже достаточно — это широко распространенные локальные войны и конфликты на почве радикальных убеждений христианских (Ирландия) или исламских (Чечня) фундаменталистов, это раскол государств по границам конфессиональных цивилизаций (Югославия, Палестина и др.). В силу своего мировоззренческого контекста и практически неограниченных возможностей для манипуляции конфессиональный аспект как фактор усиления отчуждения становится гораздо более уязвимым и одновременно удобным для идеологического злоупотребления в сравнении с более ригидными и менее актуальными этническими и классовыми аспектами. Конфессиональный аспект межгрупповых отношений в настоящий момент является одной из самых насущных и важнейших областей государственной безопасности.

Конфессиональные миры — это полярности с различными взглядами на мир. В их догматах лежат «монополизационные» идеи о том, что именно эта, а не какая-нибудь другая религия содержит истину в наиболее чистом виде, все, кто исповедует иную веру так или иначе заблуждаются. Противоречия заключаются и в том, что доктрины настолько по-разному определяют семиосферу сознания своих адептов (систему знаков, их смысловые интерпретации, нормы, привычки, ценностные и моральные нормативы), что представителям различных религий трудно найти «общий язык» и понять друг друга. Дополнитель-

ным проблемным фактором является негативная историческая память, суть которой составляют длительные этноконфессиональные разногласия, впаянные в самосознание субъектов религиозных культур. Противоречия часто актуализируются и через вмешательство «третьих сил», которые сознательно в силу политических или экономических интересов (далеко отличных от духовных) провоцируют, идеологически обосновывают, организационно и финансово подкрепляют поле межконфессиональных разногласий. Когда ущемляются права какой-либо общности, сыграть на противоречиях достаточно легко.

Анализ проблемы позволяет сделать предположение, что при отсутствии ярко выраженной «негативной исторической памяти» и кругов, играющих на политико-экономических противоречиях, религиозные антагонизмы не будут активно «социально проявлены». Однако межконфессиональные полярности всегда остаются удобным полем для возможных манипуляций. Как известно, источников и причин для их осуществления в современном мире больше чем достаточно. Следует отчетливо осознавать, что силы, побуждаемые религиозными противоречиями, имеют в своей основе грандиозный разрушительный потенциал. При этом наука в должной мере не располагает технологиями, позволяющими эффективно управлять глобальными конфессиональными конфликтами, особенно на их поздних стадиях[3] В сложившейся ситуации становится весьма актуальной необходимость разрешения проблемной дилеммы — противостояния/терпимости между конфессиональными сообществами. Известно, что любая религия в своем культурном арсенале располагает средствами сдерживания розни и противоборства, возможно, на них следует обратить более пристальное внимание. Опираясь именно на эти средства необходимо создать условия для сохранения имеющейся веротерпимости и всемерной актуализации предпосылок безопасного сосуществования различных конфессий. Сейчас, как никогда, важны усилия по педалированию межконфессионального диалога. Подобные меры уже принимаются. Так, в 1998 г. создан Межрелигиозный совет России (МСР), в который вошли представители традиционных для России конфессиональных сообществ — право-

славия, ислама, буддизма и иудаизма. Несмотря на то, что еще существует много проблем, подобный социальный институт является хорошим началом для реализации принципа межконфессиональной толерантности.

Примечательно, что в МСР вошли представители, прежде всего традиционных религий. К этому имеются некоторые основания. Религиозные общности в настоящее время очень различаются друг от друга в самых разных аспектах духовности и практики. Они представлены, с одной стороны, традиционными конфессиями, с другой — очень молодыми «отщеплениями». Между двумя этими крайностями лежат промежуточные течения типа старых форм протестантизма или раскольничества (лютеранство, старообрядчество и др.). Их нельзя однозначно охарактеризовать в таких категориях как «традиционные» или «нетрадиционные», «плохие» или «хорошие». Тем не менее, все, что сейчас происходит в области религиозной жизни, дает основания дифференцированно относиться к различным конфессиям. Многие авторы негативно относятся к некоторым нетрадиционным религиям, получившим характерное название «деструктивные» культы[4]

Собственно деструктивный опыт и формы развития личности, радикализм в отношении к инакомыслию присущи не только деструктивным культам, но и традиционным конфессиям. Однако в степени соотношения меры наличия деструкции традиционные конфессии находятся в более выгодном положении[5]. Дифференцианалистский подход отстаивает мнение, что только лишь традиционные религиозные догматы определяют мировоззрение с позитивными жизненными установками, способствуют целостности и в то же время выводят личность за рамки узкого мирского утилитаризма и ограниченности собственного «Я», с его проблемами и простейшими потребностями. Помимо констатации конструктивной фактологии традиционных религий, существуют попытки сравнительного анализа. М.Лангон приводит критерии отличия религии от культа: религия уважает автономию индивидуума — культ форсирует уступчивость личности. Религия толерантно относится и даже поощряет вопросы и независимые мнения — культ отвергает возможность критического мышления. Религия стара-

ется напитать духовные нужды — культ их эксплуатирует. Религиозная конверсия предрасполагает к раскрытию внутренних ресурсов для достижения личностной идентичности — культовая конверсия воздействует на внешние паттерны поведения, не заботясь о внутренней идентификации. Религия поощряет брак — культ зачастую заставляет относиться к членам семьи как к врагам.

Разумеется, это не весь перечень отличий, нет необходимости углубляться в их более широкую иллюстрацию. Отметим лишь, что молодые верующие из традиционных религий проявляют большую веротерпимость и толерантность к инакомыслию, чем адепты нетрадиционных деструктивных культов. Напротив, представители нетрадиционных религий обладают меньшей веротерпимостью и толерантностью, при значительном самомнении они часто нивелируют ценность иных форм мировоззрения. Понятно, что подобная позиция влечет за собой очаги социальных напряжений. Логично предположить, что поднимая вопрос о толерантном сосуществовании в поликонфессиональном мире, необходимо иметь в виду прежде всего традиционные формы религий, вплетенные в этнокультурную традицию народа. Отсутствие толерантности представителей традиционных религий Башкортостана (ислама и православия) к нетрадиционным, в известной мере оправдано. Трудно позитивно и терпимо относиться к организациям, ориентированным на подрыв социальной стабильности и культурных устоев. Можно было бы пойти дальше, утверждая, что реализация принципа межконфессиональной толерантности не должна распространяться на нетрадиционные религии, однако сделать это невозможно в силу имеющейся законодательной (международной и российской) базы, не дающей возможности однозначного правового обоснования подобного рода дифференциации.

Существуют также и проблемы, связанные с однозначным взглядом на традиционные религии. Есть все основания считать, что традиционная религия может оставаться традиционной только в рамках собственного культурного окружения. Вне своего географического ареала она перестает быть традиционной, рискует превратиться в очаг сепаратизма, деструкции, культурной аномалии. В услови-

ях, где мировое пространство поделено между мировыми религиями, конфессия, нарушающая этот хрупкий баланс, может, с одной стороны, спровоцировать конфликт, а с другой — она «не впишется» в семиосферу культуры, которая сформирована другой доктриной. Она будет существовать в обратном порядке духовной и общественной жизни, выполнять энтропийную, деструктивную функцию. Известно, что конфессиональные экспансии прошлых времен сопровождались насилием. Сейчас такие идеи могут привести к еще более глобальным, разрушительным последствиям. Время дележки мира по конфессиональному принципу прошло. Любая форма духовной экспансии, пусть даже со стороны традиционной религии (даже в «мягкой форме»), может привести к непредсказуемым последствиям.

Таким образом, проблемный аспект межконфессиональной толерантности состоит в том, что при всей актуальности и необходимости постановки вопроса при ближайшем рассмотрении он представляется более сложным, чем на первый взгляд. Реализация принципа толерантности требует очень сбалансированных решений, анализа проблемных точек, выработки продуманной стратегии и мер.

Необходимо отметить, что неправильное употребление самого понятия «межконфессиональная толерантность» уже может быть опасным. В настоящее время как никогда остро стоит необходимость его отчетливой верификации. Следует отталкиваться от определения толерантности как таковой, предусматривающего не столько бездумное терпение и пассивное согласие, сколько рефлексию необходимости, активную позицию. Толерантность — это также способность сохранять свою структурную организацию и быть устойчивым к воздействиям. Это оппонирует идеям экуменизма и синкретизма, которые часто подмешиваются в понимание межконфессиональной толерантности. Столкнувшись с экуменизмом и синкретизмом, религиозно-культурная система воспримет это как экспансию и неминуемо даст защитную реакцию, поэтому позиция межконфессиональной толерантности должна включать сохранение догмато-идеологической идентичности, не допускать ее размывания.

Среди перечня мер на пути к реализации межконфессиональной толерантности необходимо выделись пропаганду этой идеи. Говоря о пропаганде, подразумевают соци-

альный ареал, на который она направлена. Без конкретной адресной направленности она имеет риск превратиться в идеологический фетиш, принять контрпродуктивный характер. Учитывая интерес молодежи к религии, присущей данному возрасту тенденции к актуализации межгрупповых антагонизмов, сензитивности к манипуляционным воздействиям вообще и на религиозной почве в частности, считаем особо важной вести пропаганду в рамках молодежной среды. Помимо адресного характера пропаганда межконфессиональной толерантности должна учитывать ситуативный аспект, осуществляться в рамках конкретных, меняющихся условий и актуальности. В силу невысокой распространенности нетрадиционных культов и их сильных отличий друг от друга, пропаганду веротерпимости мы считаем возможным вести прежде всего в среде верующих традиционных конфессий.

Необходимость такого подхода отражает реалии нашей страны, находящейся в пределах широкого ареала миров традиционных религий. Возникновение напряженности и конфликта между ними недопустимо в силу катастрофических последствий. Что касается нетрадиционных религий, при необходимости можно ограничиться нивелированием опасных издержек, связанных с возможностью поиска «религиозных отщепенцев» из среды сектантов. Подобный подход дает возможность не нарушать международное и федеральное законодательства, которые отстаивают тезис «свободы вероисповедания». Важно правильно расставить приоритеты, не профанировать идею толерантности, предотвратить возможность распространения этого принципа на сугубо деструктивные секты и радикально настроенные религиозные движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Курачев Д.Г.* Перцептивная сторона межконфессионального общения молодежи. Уфа, 2004.

[2] См.: *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.

[3] См.: *Гришина Н.В.* Психология конфликта. СПб., 2001. С. 293.

[4] См., например: *Dubrow-Eichel S.K.* Deprogramming: A Case Study // Cultic Studies Journal. 1989; *Джиамбалво К.* Консультирование о вы-

ходе. Семейное воздействие / Отв. ред. и сост. Е.Н.Волков. Н.Новгород, 1995; *Волков Е.Н.* Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах // Журнал практического психолога. 1996. № 3. С. 76—83. *Он же.* Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания // Там же. № 2. С. 87—94.

[5] См.: *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991. С. 131, 172; *Он же.* Психология бессознательного. М., 1994; *Он же.* О поисках восточных религий и философий. М., 1994.

Поступила 05.03.2005.

Ю.В.ВАСИЛЬЕВ

МЕХАНИЗМЫ И МЕТОДЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ЮГЕ РОССИИ

Анализ возможных механизмов и методов урегулирования этноконфликтных ситуаций позволяет выделить нормативно-правовые и административно-политические средства.

Нормативно-правовые меры по урегулированию сферы межэтнического (межнационального) взаимодействия представляют собой работу по детализации и коррекции существующей нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность субъектов регионального этнополитического процесса. Основной задачей этого блока средств является создание в регионе правового поля, сводящего к минимуму возможности эскалации межэтнических конфликтов, развития старых и возникновения новых очагов сепаратизма.

Следует отметить, что взрыв северокавказского этнорадикализма в постсоветский период был в немалой степени обусловлен именно несовершенством, слабой разработанностью соответствующих разделов федерального законодательства. В 90-е гг. XX в. вопросы институционально-правового строительства в регионах были, по сути, отданы на откуп местным законодателям, немалая часть решений которых противоречила Конституции Российской Федерации. Причем в таких случаях в региональной общественно-политической практике приоритет нередко отдавался местным законам. Необходимо учесть и то обстоятельство, что созданные в период стремительного роста этноцентризма республиканские конституции, в свою очередь, формировали и поддерживали политико-правовой

ВАСИЛЬЕВ Юрий Владимирович, директор филиала Северо-Кавказской академии государственной службы в г. Ставрополе, кандидат юридических наук.

фон, благоприятный для деятельности радикальных этнополитических образований.

Последние получили возможность легально действовать под видом культурно-просветительских и культурно-религиозных организаций, используя открытую или слегка закамуфлированную поддержку органов республиканской власти или отдельных неформальных элитных групп. Это касается не только национальных республик, но и областей, краев Российской Федерации. В Краснодарском и Ставропольском краях основные противоречия с федеральным законодательством в этнической сфере связаны, в частности, с регулированием миграции. Проблема большого числа мигрантов заставила, например, в уставе Ставропольского края закрепить преимущество жителей края перед другими лицами, находящимися на его территории, в реализации отдельных прав, обеспечиваемых за счет материальных, финансовых и иных ресурсов региона, обеспечивая права и свободы только коренных жителей края. Не решенный на федеральном уровне вопрос о свободной купле-продаже земли в регионах Северного Кавказа, как правило, регулируется в сторону запретов, не предусмотренных российской Конституцией. Так, по уставу Ставропольского края допустима лишь купля-продажа участков земли, занятых личными строениями граждан, садово-огородными участками. Закон о земле, принятый в Краснодарском крае в 1995 г., носит сугубо запретительный характер.

Изменение подобных положений подразумевает если не ликвидацию, то, по крайней мере, существенное сокращение имеющихся несоответствий регионального законодательства федеральному. Требуется детальная разработка процедурно-правового механизма, позволяющего четко и недвусмысленно (не только по формальным признакам, но и по содержательным) квалифицировать действия всех субъектов регионального этнополитического процесса. Речь идет о создании пакета нормативных актов, способных однозначно определять те или иные действия как нарушение конституционных основ федерализма (нарушение принципа территориальной целостности Российской Федерации) либо как ущемление национальных интересов россий-

ского государства и посягательство на конституционные права российских граждан.

Огромное значение на Юге России имеет институционально-правовая защита конституционных прав граждан вне зависимости от их этнического происхождения, конфессиональной и социоэтнокультурной принадлежности. В данном контексте следует выделить защиту нетитульных народов и национальных меньшинств в республиках, областях и краях Юга России. Учитывая масштабы этнизации республик, речь должна идти о разработке пакета нормативных актов, в соответствии с которыми общественно-политическая практика, несущая в себе этнорадикальные элементы, могла быть квалифицирована как посягательство одной группы граждан России (в данном случае титульной национальности) на конституционные права других групп (представителей остальных республиканских этнических общностей).

Для администраций регионов самое существенное значение имеет более детальная проработка политико-процедурных актов, касающихся обеспечения основных сфер жизнедеятельности национально-культурных общин и диаспор. С учетом быстрого количественного роста последних это направление нормативно-правовой деятельности по оптимизации межэтнических взаимодействий из преимущественно перспективной формы ускоренными темпами трансформируется в первоочередную. В максимальной степени это относится к Краснодарскому и Ставропольскому краям.

Административно-политический блок мероприятий по оптимизации межэтнического взаимодействия и разрешения (урегулирования) этнополитических конфликтов также представляет широкий спектр деятельности. Среди его основных направлений следует выделить общественно-политическое и административно-управленческое.

Общественно-политическое направление представляет комплекс мер по коррекции, структурированию регионального политического ландшафта. Перспективной здесь представляется поддержка в республиках пророссийски ориентированных общественно-политических движений и организаций. Это направление деятельности напрямую связано с необходимостью пропаганды и популяризации

(разъяснения) действий, целей и задач федерального центра в области региональной национальной политики. Необходимо учитывать и то, что организации и движения, характеризуемые достаточно высоким уровнем этнического радикализма, как правило, не являются однородными образованиями. В их составе имеются влиятельные фракции и группировки, настроенные компромиссно и готовые к диалогу. Этой возможностью ни в коем случае не следует пренебрегать.

Важным направлением деятельности является создание различного рода общественно-политических организаций (комиссий, комитетов и т.п.), призванных согласовывать спорные вопросы, возникающие между этническими общностями и другими субъектами этнополитического процесса. Речь идет об активном конструировании республиканского политического поля, формировании на местах более «толерантного» межэтнического политического ландшафта.

Не менее существенной является роль административно-управленческой деятельности. При анализе чеченского сепаратистско-террористического комплекса значительная часть задействованной в сепаратистском движении материально-технической базы и инфраструктуры принадлежала легальным субъектам хозяйственной и общественно-политической деятельности. В осетино-ингушском этническом конфликте в первой половине — середине 90-х гг. XX в. республиканские структуры занимали центральное положение, задействовав в его эскалации ресурсы обоих национально-административных образований.

В целом аналогичное положение сложилось и в остальных республиках, в которых даже самые крайние этнорадикальные организации широко задействовали в своих целях финансово-экономические, материально-технические и информационные ресурсы местного производственного комплекса и социальной сферы. Так, в частности, «ваххабиты в Дагестане и Карачаево-Черкесии используют общественные здания и сооружения (в основном сельские ДК) для своих встреч и собраний, регистрируясь под видом других общественных организаций. Сепаратисты из „Адгылара“, МЧА и „Тенглик“ используют вполне легально функционирующие печатные издания»[1]

Очевидно, что подобное может происходить только при попустительстве или скрытой поддержке местной власти. В связи с этим было бы необходимо «пролоббировать создание законов или хотя бы подзаконных актов, согласно которым привлекались бы к ответственности (с четко оговоренными санкциями, порядком и процедурой их применения) не только общественные субъекты, непосредственно нарушающие закон, но и те субъекты — органы государственной, региональной и муниципальной власти, — которые своим бездействием, неполным или недобросовестным исполнением служебных обязанностей способствуют прорастанию сепаратистских устремлений»[2]

Однако в распоряжении федерального центра имеются и другие формы воздействия, способные заставить местную власть более активно и целенаправленно влиять на своих этнорадикалов. Под такого рода «влиянием» мы имеем в виду приостановку деятельности печатных органов, издательств, радиостанций, способствующих разжиганию межнациональной розни, проверку банков, фондов, финансово поддерживающих этнических радикалистов. Под более строгий контроль должно быть поставлено использование административных зданий, компьютерной техники и служебных помещений, используемых под собрания. При этом к административно-управленческому направлению следует отнести и достаточно обширный комплекс мер неформального характера. Речь идет о формировании разветвленной системы личных контактов с лидерами родовых сообществ, крупнейшими республиканскими бизнесменами, как правило, представляющими мощные кланово-клиентальные образования.

«Налаживание устойчивых связей с молодой бизнес-элитой и политической элитой, оппозиционной региональным властям, послужит эффективным противодействием попыткам республиканской власти спекулировать на роли „гаранта стабильности“ перед федеральным центром. Нынешние республиканские власти должны постоянно чувствовать, что то общественное положение, которое они ныне занимают, необходимо заслужить, и что если этого не делать, их легко заменит молодая элита, которая рвется на их место. Необходимо также, чтобы представители

органов государственной власти оказывали посильное (при этом не выходящее за рамки служебной этики и бытовой морали) протекционистское содействие лояльным клановым группам (скажем, в получении госзаказов производствами, которые контролируются данной группой) и одновременно с этим оказывали всемерное давление на оппозиционные.

В случае, если удастся сформировать у кланово-клиентальных образований лояльное отношение к федеральной власти, их нужно привлекать к активной миротворческой и посреднической деятельности (разумеется, при жестком контроле со стороны федеральных спецслужб), широко афишируя ее. Иными словами, общественному влиянию кланово-клиентальных групп необходимо придать своеобразный компрадорский характер, начиная от формирования соответствующего имиджа в СМИ и заканчивая конкретной практической деятельностью»[3].

Таким образом, комплекс нормативно-правовых, общественно-политических и административно-управленческих мероприятий в состоянии позитивно воздействовать на этнорадикальные силы и на Юге России в целом. Однако только этих мер недостаточно без реализации комплекса социально-экономических мероприятий.

В настоящий период Юг России и прежде всего национальный Северный Кавказ в социально-экономическом плане оказались среди наиболее кризисных регионов Российской Федерации. Так, при общероссийском сокращении промышленного производства к концу 90-х гг. XX в. до 48—49 % от уровня 1991 г. этот показатель по отдельным регионам Юга России составил 25—40 %. Интегральный социально-экономический коэффициент, рассчитанный группой ростовских исследователей по 10 основным параметрам экономического развития и ситуации в социальной сфере, зафиксировал, что экономический потенциал и уровень жизни в субъектах Северного Кавказа в 2—4 раза уступает общероссийским показателям. При среднероссийском коэффициенте в 3 балла административные образования региона делятся на три группы. Первая — Чечня, Ингушетия, Дагестан (показатели 0,6—1,4 балла) — самые бедные территории, уступающие по уровню жизни даже

невысоким общерегиональным показателям. Вторая — Кабардино-Балкария, Карачево-Черкесия, Северная Осетия—Алания (1,9—2,05) — характеризуемые средним для Северного Кавказа уровнем социально-экономического развития. Третья — Ростовская область, Адыгея, Краснодарский и Ставропольский края (2,25—2,55) — наиболее «зажиточные» в регионе, но уступающие почти в 1,5 раза среднероссийским показателям[4].

Другой социально-экономической проблемой, напрямую связанной с экономическим кризисом, является высокая безработица, прежде всего в республиках. Однако у этой проблемы есть и другая причина — традиционный тип демографического воспроизводства. Трудоизбыточность северокавказских национальных образований начала проявляться с начала 70-х гг. XX в., однако в источник социальной и экономической напряженности превратилась в постсоветский период.

По официальным данным, к 2000 г. удельный вес безработных среди трудоактивного населения Дагестана достигал 7,7 %, Ингушетии — 10,0, Кабардино-Балкарии — 3,9 %. «Между тем реальная безработица, включая формальную занятость и вынужденную занятость в домашнем хозяйстве, существенно выше и достигает, например, в Кабардино-Балкарии 35 % экономически активного населения. По некоторым республикам фактический процент безработных, рассчитанный в соответствии с методикой Международной организации труда (МОТ), достигает 52 %. Занятость в регионе имеет специфические особенности. Безработица — это в основном проблема молодежная: до 70 % молодых людей в возрасте до 30 лет безработные... Вторая крупная группа населения, которую затронула безработица, — женщины»[5]

Эти показатели относятся к 1998—1999 гг., однако и спустя пять лет, в 2003—2005 гг., ситуация в сфере занятости (прежде всего молодежной) в республиках остается очень сложной. Напомним, что именно молодежь (20—35 лет) составляет наиболее активную часть всех региональных этнорадикальных течений и экстремистских группировок.

Таким образом, программы социально-экономического развития Юга России, в целом, и Северного Кавказа, в

частности, должны быть ориентированы на включение в сферу легальной экономической деятельности трудоизбыточной молодежи. Однако эта проблема много сложнее, чем просто создание нужного количества рабочих мест. Значительная часть местной рабочей силы в период затянувшегося экономического кризиса утратила необходимую квалификацию. Другая часть оказывается в современных условиях невостребованной в своем прежнем профессиональном качестве и нуждается в переквалификации.

Большую проблему представляют традиционные социопрофессионалъные предпочтения и ориентации на вторичный и третичный секторы экономической деятельности (посредничество, услуги и торговля), существенно сокращающие возможности «прямолинейного» решения проблемы трудоизбыточности через организацию новых производств. В данном случае нельзя обойти вниманием широкое распространение среди населения республик «маргинально-адаптивных стратегий экономического поведения. Их суть сводится к тому, что широкие слои населения связывают рост своего социального статуса и благосостояния с ростом доли „престижного потребления“... При этом у наиболее маргинализованных слоев рост профессиональной квалификации и образовательного уровня не входит в число значимых ценностей, влияющих на социальный статус. Соответственно, предельно низкой является мотивация на современную экономику (независимо от того, к частному или государственному сектору она принадлежит)»[6].

На наш взгляд, реально существующая проблема в подобной формулировке все же излишне «акцентирована». В связи с этим заметим, что ориентация коренных национальностей Северного Кавказа на непроизводственные сферы экономики (выступающая одной из причин межэтнической напряженности в русских поселениях региона) не представляется отрицательной установкой, требующей неукоснительной корректировки. Социопрофессиональная специализация этнической группы в многоэтническом обществе — распространенное явление в мире. Более того, его можно считать естественным, поскольку в большинстве случаев такая «этнопрофессиональная» структура складывается стихийно и на основе принципа взаимодополни-

тельности, когда каждая группа находит и занимает свою производственную нишу. В этом отношении торгово-посредническая ориентация представителей Северного Кавказа вполне органично дополняет производственно-социальные предпочтения восточно-славянского большинства Юга России и Российской Федерации в целом (мы сейчас оставляем в стороне социопсихологические и психоповеденческие аспекты этого вопроса).

Существенно и то, что многие территории региона обладают значительным рекреационно-туристическим потенциалом, который предполагает приоритетное развитие сферы услуг, посредничества и разнообразного мелкого предпринимательства. Достаточно сказать, что согласно целевой программе Южного федерального округа к концу 2006 г. рекреационно-туристический комплекс округа должен принимать ежегодно порядка 15—20 млн отдыхающих и туристов. И хотя основные мощности этого комплекса относятся к Краснодарскому и Ставропольскому краям (Черноморское побережье и район Кавказские Минеральные Воды), практически все северно-кавказские республики располагают значительным рекреационным потенциалом (климат, горные территории, прибрежная зона Дагестана). О том, что обслуживание курортно-туристического комплекса может стать одним из социопрофессиональных приоритетов местного населения свидетельствует и факт стремительно растущей полиэтничности рекреационных территорий Кубани и Ставрополья, которые притягивают к себе представителей Северного Кавказа и Закавказья.

Возвращаясь непосредственно к проблеме региональной безработицы, отметим, что она может быть решена только в рамках более обширной и многоплановой работы по оптимизации социопрофессиональной структуры населения региона. Это направление, в свою очередь, взаимоувязано с масштабным процессом социокультурной и ментальной (социопсихологической) модернизацией всех этнических общностей Северного Кавказа. Социокультурная и учебно-образовательная составляющие этого комплекса являются темой отдельного рассмотрения. Здесь следует отметить, что сама по себе констатация относительной эффективности чисто экономических стабилизационных мер ни в коем

случае не подвергает сомнению необходимость активной работы по планированию и развитию социально-экономической сферы административных образований, входящих в состав Юга России.

Значительную роль играют и общефедеральные программы, адресно ориентированные на регион (федеральный округ), и, в частности, целевая программа «Юг России», рассчитанная на 2002—2006 гг. Программа включает 688 инвестиционных проектов, охватывающих все сферы социальной и экономической жизни региона, и четыре уровня. Первый включает проекты межгосударственного (международного) значения — около 60 проектов. Второй — проекты общефедерального значения (более 150 мероприятий). Третий — межрегионального значения (300). Четвертый — проекты, имеющие региональное значение (около 260 мероприятий).

Приоритетными экономическими направлениями являются топливно-энергетическое, транспортное, агропромышленное и курортно-туристическое. О масштабах топливно-энергетических начинаний свидетельствуют заложенные в программу параметры: вместо 14 млрд $м^3$ газа и 11 млн т нефти, добываемых на Юге России в настоящее время, к концу 2006 г. добыча должна составить 30 млн т нефти и 40 млрд $м^3$ газа. Амбициозными являются проекты и в сфере транспортного комплекса. Наряду с увеличением пропускной способности уже существующих трубопроводов намечается прокладка новых нефте- и газопроводов (в том числе и газопровода через Черное море по международному маршруту: Изобильное — Черное море — Анкара). Как результат, общий объем прокачиваемой через территорию региона нефти должен возрасти с 40 до 100 млн т.

Параллельно планируется развитие ряда важных транспортных коридоров. В том числе таких, как Хельсинки — Санкт-Петербург — Москва — Ростов-на-Дону — Новороссийск — Астрахань; Москва — Ростов-на-Дону — Минеральные Воды — Махачкала — Баку — Джульфа/Иран/. Интенсивными темпами будут развиваться Азово-Черноморские и Каспийские морские порты, призванные компенсировать утрату крупных транспортных узлов, оказавшихся за пределами страны после распада Советского

Союза. Продолжится строительство и нового порта «Оля» в Астраханской области.

Существенное место в программе занимают проекты, связанные с развитием регионального курортно-рекреационного и туристического комплекса. Достаточно сказать, что к концу 2006 г. планируется довести число мест круглогодичного пребывания до 118 тыс. чел., а общую численность ежегодно отдыхающих — до 15—20 млн чел.

Реализация программы позволит создать условия устойчивого развития и улучшения социально-экономической обстановки в регионе, что существенно сократит отставание Юга России от среднефедеральных показателей по большинству макроэкономических показателей; существенно повысит финансовую самообеспеченность; в значительной степени решит проблему трудозанятости (сохранить 140 тыс. имеющихся и создать порядка 700 тыс. новых рабочих мест).

Важнейшим элементом системного механизма разрешения региональных этнополитических конфликтов является комплекс превентивно-профилактических мероприятий, основой которого является система этнологического мониторинга (СЭМ). В задачи СЭМ входит отслеживание и фиксация ситуации на всех участках потенциальной этнической конфликтности.

Одним из ведущих элементом СЭМ должна являться обширная информационная база, включающая сведения обо всех важнейших характеристиках жизнедеятельности многосоставных территориальных общностей. При этом помимо общей информации демографического (численность и формы расселения, половозрастной состав и тип демографического воспроизводства и т.п.), экономического, социокультурного (уровень образования, производственная ориентация и социопрофесиональная структура), социопсихологического (уровень этнической консолидированности, сохранность родовых связей, система этнических стереотипов и установок и т.п.) или конфессионального характера должна иметься достаточно объемная (если не исчерпывающая) информация по более частным вопросам, имеющим отношение к специфике местного межэтнического взаимодействия и уровню потенциальной конфликтогенности.

Среди таких важных «частностей» можно назвать отслеживание работы основных республиканских общественно-политических движений и партий, а также деятельности местных СМИ (по уровню влиятельности и степени распространения среди различных слоев населения); фиксацию форм деятельности и источников финансирования действующих на потенциально проблемных территориях зарубежных центров, фондов и других организаций; определение каналов влияния, идущих по линии этнических диаспор. В администрациях региона такая информационная база должна включать сведения об основных потоках этнической миграции (места расселения, демографический, тендерный, возрастной и этнический состав; социопрофессиональная структура, состояние здоровья и т.д.).

Речь, по сути, идет об интегральном картировании проблемных территорий. В конечном счете необходимо создание подробных электронных этноконфликтологических атласов всех административно-территориальных образований Юга России, в разрезе отдельных городов и сельских районов. Причем, как и служба Гидрометцентра, информационные структуры СЭМ должны работать в режиме реального времени (периодичность «замеров», очевидно, должна различаться в зависимости от специфики конкретных участков и уровня напряженности этнополитического процесса), а отслеживаемая динамика, в свою очередь, должна оперативно и в полной мере использоваться в работе других отделов превентивно-профилактического комплекса.

Наряду с задачами этнополитического мониторинга, такие центры могли бы выполнять функцию консультативного органа. К числу его непосредственных задач могло бы относиться и проведение общей этноконфликтологической экспертизы подготавливаемых административно-управленческих решений и разрабатываемых нормативно-правовых актов. Во многих районах Юга России такая экспертиза в настоящее время становится абсолютно необходимым условием эффективного управления социотерриториальной общностью.

Необходимо также подчеркнуть, что подобные центры должны быть напрямую связаны не только с высшим звеном административно-управленческого аппарата своих тер-

риториальных образований, но и с «низовой» властью, управленцами тех сообществ (небольших городов, сельских районов, поселков, станиц), в которых могут возникнуть межэтнические конфликты. В русских администрациях именно этот уровень территориального деления в настоящее время можно считать базовым в предупреждении конфликтов, но и для республик он является важнейшим в оптимизации сферы межэтнических взаимодействий. В связи с этим необходима система специализированного этнологического и конфликтологического обучения низового административного корпуса и прежде всего управленцев населенных пунктов с полиэтническим составом населения.

К административно-организационной линии этого блока можно отнести и создание на местах (на уровне отдельных административных районов) советов межнационального согласия (советов старейшин, советов представителей национальных групп и т.п.), включающих представителей власти и авторитетных лидеров местных этнических общин (а при необходимости и лидеров мигрантских организаций). Прецеденты организации таких «согласительных» структур на Юге России уже есть. Активная работа по их созданию ведется в Ростовской области, в которой они функционируют уже во многих административных районах и городских центрах.

Еще одним элементом в системе этнополитической профилактики является создание при высшем руководстве республик и администраций экспертных групп быстрого реагирования, состоящих из различных специалистов (этноконфликтологов, социопсихологов, профессиональных переговорщиков и т.п.). Основной их задачей может быть оперативное вмешательство в конфликтный процесс на ранней стадии его эскалации.

Наконец, самое существенное место в системе профилактики межэтнической напряженности занимает просветительско-пропагандистская деятельность, организация культурно-национальных и фольклорных праздников, позволяющих различным этническим общностям лучше узнать друг друга.

Безусловно, не все обозначенные направления профилактически-превентивного комплекса могут быть одновременно представлены во всех низовых территориальных

менно представлены во всех низовых территориальных общностях. В зависимости от конкретных обстоятельств предпочтение может быть отдано тем или иным формам, за исключением системы этнологоконфликтогенного мониторинга, развитие которой, на наш взгляд, является абсолютно необходимым условием всего данного комплекса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование проблем сепаратистских ориентаций на Северном Кавказе как фактор национальной безопасности Российской Федерации: Научный отчет. СКНИ Высшей школы, Ростов н/Д, 2000. С. 146.

[2] Там же. С. 147.

[3] Там же. С. 158—159.

[4] См.: *Игнатов В.П.* и др. Технологии управления этнополитическими процессами в Северокавказском регионе. Ростов н/Д, 1999. С. 29—30.

[5] Пути мира на Северном Кавказе: Независимый экспертный доклад. М., 1999. С. 86—87.

[6] Исследование проблем сепаратистских ориентаций на Северном Кавказе... С. 16.

Поступила 17.05.2005.

В.И.АНТОНОВА,
Л.А.ПОЕЛУЕВА

МЕХАНИЗМ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ГАРМОНИЗАЦИЮ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКАХ ПРИВОЛЖСКОГО РЕГИОНА

Принципы этнокультурного плюрализма реализуются во всех республиках Приволжского региона. Они находят свое выражение как в деятельности государственных комитетов республик по национальной политике, так и в деятельности республиканских министерств и ведомств, в частности, министерств образования, культуры, печати и информации, ГТРК. Особая роль в процессе гармоничного развития регионов принадлежит региональным средствам массовой коммуникации. Это своеобразный информационный механизм, оптимизирующий процессы гармонизации народов Приволжского региона.

Журналистская информация — элемент народной культуры, включающий в себя моменты положительных идеологических, морально-психологических установок. В ней содержатся духовные, социально-нравственные ценности, содержатся нормы, регламентирующие поведение личности в межнациональных отношениях. Пресса, как подотряд системы СМИ, является мощным фактором идеологического воздействия на сознание людей. Сегодня актуализируются ее агитационные, пропагандистские, воспитательные функции. На страницах республиканских газет часты материалы, освещающие вопросы мирного сосуществования народов разных национальностей. В печатных органах поднимаются проблемы родного, русского языков, культур этнических групп, народного творчества, искусства, экологии регионов Приволжья и пр.

АНТОНОВА Вера Ивановна, доцент кафедры теории и практики региональной журналистики Мордовского государственного университета, кандидат филологических наук.

ПОЕЛУЕВА Любовь Александровна, доцент кафедры современной журналистики и общественного мнения Мордовского государственного университета, кандидат филологических наук.

Должное внимание уделяется разностороннему освещению национальных вопросов. К примеру, СМИ Республики Башкортостан масштабно отобразили работу съезда Ассамблеи народов Башкирии, проходившего под лозунгом «Межнациональное согласие — наша непреходящая ценность». Резолюция съезда Ассамблеи — практическое доказательство теоретической модели гармонизации этнических отношений в регионе[1] Важным консолидирующим моментом явилось освещение работы IV съезда мордовского (мокшанского и эрзянского) народа[2] В опубликованном Обращении делегатов IX съезда учителей Республики Башкортостан к общественности ключевым ориентиром системы образования названа «гармонизация национальных и этнокультурных отношений. Обеспечение прав граждан в изучении родного языка»[3] В «Известиях Мордовии» нередки материалы, в которых во главе угла стоят вопросы мордовских языков, культуры. Любопытным является интервью-полилог «Где купить открытку на мордовских языках?»[4] Проблема поставлена изданием своевременно. Полоса своеобразна, подготовлена опытными журналистами-практиками. Публикация привлекает внимание не только броским заголовком, но и методикой исполнения. Авторы корреспонденции, используя неординарную форму вовлечения аудитории в творческий процесс, в начало публикации помещают письмо (крик души) читателя. Он возмущен, что в мордовской республике утрачиваются традиции народа: «...переименован большой магазин с гордым названием „Товары Мордовии“....», «...нет ресторана „Национальный“, где можно было попробовать блюда мордовской кухни...». «...Помнится, красовались названия на магазинах „Кши“, „Келу“, „Лайме“....». «...Не хочу, чтобы кто-то заподозрил меня в национализме. Но, досадно. Ведь мордва — титульная нация...». «А сегодня, — продолжает он, — в киосках нельзя купить поздравительные открытки на мокша или эрзя языках, конверты с национальным флагом, нелегко найти географическую карту республики, нет в магазинах Библии на наших национальных языках. Да, можно много перечислять, чего нет. Вот ведь, такая малость, как открытки. На татарском языке есть, а на мордовском — нет. Обидно!...».

Гражданские претензии читателя правомерны. В газете «Советская Чувашия» опубликован материл «Конгрессу осваивать новое время и пространство» (2004. 16 окт.), в котором освещается прошедшее собрание Большого совета Чувашского национального конгресса. Публицист, анализируя итоги этого мероприятия, с горечью комментировал трагедию маленького народа большой страны. «...Грустно, но факт. Как показала Всероссийская перепись населения 2002 г., чувашей в стране стало меньше на 136 000 чел. Причины? Наверное, они общие для всей России — уровень смертности населения, снижение рождаемости. Но существует и другой фактор, который нельзя не учитывать, — нежелание части молодых людей признавать себя чувашами. Не зная письменного и устного языков, обрядов, традиций, молодое поколение перестает чувствовать принадлежность к национальности своих родителей. Что делать?..». Не менее важной проблемой для Чувашии является развитие национальной культуры. Отмечено: «... диаспора перестала растить видных писателей, поэтов, драматургов, критиков. Впрочем, не часто рождаются они у нас в республике. Зато, много стало «звезд»... ...Какой урок культуры может преподать эстрадный певец, рекламирующий свои концерты на каждом столбе, и культура ли это?..». Вопросы, выделенные журналистами, злободневны сегодня не только для жителей Чувашии.

Приволжский регион богат национальными традициями, самобытными мастерами слова, живописи, музыки, ваяния. В каждой республике есть свои «родены», «ломоносовы», «державины». Ю.А.Мишанин отмечает: «С Мордовией связаны биографии многих известных людей... Мировую известность имеет скульптор С.Эрьзя; научные статьи по литературной критике и философии М.М.Бахтина, долгое время работавшего в Мордовии, изучают во всем мире. Патриарх Никон, родившийся в мордовском крае, известен в истории России с петровских времен. Н.П.Огарев и А.И.Полежаев также имеют самое непосредственное отношение к нашей республике, врач-офтальмолог В.П.Филатов, академик двух академий С.В.Юшков, известнейший публицист начала XX века Н.А.Демчинский — все они родом из Мордовии...»[5].

Этнокультурный слой любой из республик велик и многомерен. Коммуникативно-воспитательную функцию выполняют публицистические материалы об исторических памятниках народов региона, о судьбах людей, прославляющих родную землю, героях войны и труда, достижениях национальной научной мысли и пр. Познавателен очерк «Наш Айги», где повествуется о народном поэте Чувашии, человеке с мировым именем, Геннадии Айги[6]. В «Известиях Мордовии» опубликована великолепная корреспонденция «По эрьзинскому следу»[7]. В ней повествуется о профессиональном циркаче из Москвы, чья жизнь полностью посвящена изучению жизни и творчества мордовского скульптора. В этом же номере опубликован материал «Национальные единоборства возрождаются?». В публикации «Хранители вечного» автор говорит о сохранении национального достояния родного города — исторической «роще Гузовского»[8] В статье «Журналистское образование в Мордовском университете: проблемы и перспективы» автор акцентирует внимание на проблеме подготовки профессиональных кадров для национальных СМИ[9]

Нередки в прессе республик Приволжского региона материалы, повествующие о проблемах автономизации республики, например, публикация «Нужна ли России мордовская автономия?»[10], или авторский монолог главы одного из районов Мордовии — «Нация, что и Родина — одного рода: женского, материнского, а значит — земного»[11] Заголовки материалов красноречиво свидетельствуют о процессах гармонизации отношений между республиками Приволжья: «День мордовской культуры в Чувашии»[12]; «Заволжье взывает о помощи»[13]; «Представители регионов в Йошкар-Оле»[14]; «Чебоксары станут культурной столицей Поволжья»[15]; «Стратегию страны определяют регионы»[16]; «Духовное возрождение — фундамент прогресса»[17] и др.

Регионализация СМИ, совпавшая с периодом интенсивного соразвития этнокультур, накладывает на журналистов значительную ответственность за действенность публикаций. Немало еще пробелов в творчестве региональных практиков. Если, к примеру, часты публикации о ближнем зарубежье, то не сложилась традиция у журналистов Приволжья писать о собственных проблемах, возникающих в процессе взаимодействия между республиками — пред-

ставителями единого региона. Нет систематизации по освещению национальных вопросов в Приволжском регионе. Не соблюдается журналистский принцип регионального партнерства. Трудно встретить работы об этнокультурном сотрудничестве молодежи народов Приволжья. Республики единого региона как бы изолированы друг от друга информационным барьером. Практически, во всех республиканских изданиях существуют такие рубрики, как «Пестрый мир», «Российские новости» (Марийская правда), где публикуется ненужная для жителей республик информация о событиях в ближнем, дальнем зарубежьях, столице страны.

Приволжский регион — единый комплекс и предполагает много общих позиций. Журналистскому звену, в этнокультурной сфере и процессе гармонизации межэтнических отношений, следует оптимизировать творческую деятельность. Работники печати, радио, телевидения Приволжского региона должны помнить, что их читательская аудитория находится под информационным давлением общегосударственных СМИ, что, конечно, способствует процессам ассимиляции национальных языков, этнической культуры, трансформации национального самосознания. Приоритетная роль информационных средств в формировании национального менталитета сегодня недооценена. Коммуникативное значение периодики, телевидения, радио в формировании регионального мышления требует новых исследований. Межэтническое сотрудничество республик Приволжского региона в современной ситуации является вопросом государственной важности. В Обращении учредительной конференции Ассамблеи народов России к народам России, общественным объединениям и движениям содержится призыв участвовать в обеспечении культурного развития и сотрудничества народов на основе сохранения их национальных традиций, самобытности, языков и культур. Документ, своевременно прозвучавший в конце 1990-х гг., сегодня не утратил своей актуальности.

Таким образом, в информационно-коммуникационной деятельности журналистов как важнейшей этнокультурной установке Приволжского региона можно выделить целый комплекс задач, таких как анализ процессов и механизмов сотрудничества в условиях межэтничности и многоконфессиональности, поиск способов межэтнического взаимодей-

ствия и интеграции, обеспечивающих бесконфликтное сосуществование этнических групп, разнообразие методов и форм подачи межрегиональной информации с акцентом на таком активном свойстве информации, как национальная релевантность. Следует более подробно освещать проблемы изучения русского, родных языков, вопросы истории народа, традиций, фольклора, обычаев, публиковать новостные, аналитические материалы о единстве интересов различных этнических групп, акцентировать внимание на женской, социально-бытовой тематике публикаций, молодежных, подростковых проблемах. Необходимо способствовать большей социальной направленности конфессиональной публицистики. Требуется разнообразить традиционные методы сотрудничества с населением (анкеты, тесты, авторские (читательские) монологи, совместные диалоги и пр.). Весьма перспективна практика проведения совместных «приволжских рейдов» с целью выявления типичных недоработок, а также положительных социокультурных начинаний. Следует также более широко использовать современные модификации жанровых форм, экспериментировать, вырабатывать новационную политику при отображении этнокультурной действительности Приволжского региона и многое другое.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Изв. Башкортостана. 2000. 26 дек.
[2] См.: Изв. Мордовии. 2004. 24 нояб.
[3] Республика Башкортостан. 2001. 19 янв.
[4] См.: Изв. Мордовии. 2004. 3 нояб.
[5] *Мишанин Ю.А.* Этнокультура мордвы в журналистике России XIX—начала XX века. Саранск, 2001. С. 162.
[6] См.: Советская Чувашия. 2004. 9 окт.
[7] См.: Изв. Мордовии. 2004. 24 нояб.
[8] См.: Кладовая природы. Чебоксары, 2002. 7 мая.
[9] См.: Здорово! 2005. 31 дек.
[10] См.: Саранский курьер. 2005. 5 янв.
[11] См.: Здорово! 2005. 31 дек.
[12] См.: Алатырские вести. 2004. 6 нояб.
[13] См.: Чувашская районная газета «Грани». 2003. 26 апр.
[14] См.: Марийская правда. 2004. 20 июля.
[15] См.: Чебоксарские новости. 2002. 29 июня.
[16] См.: Советская Чувашия. 2002. 11 окт.
[17] См.: Алатырские вести. 2004. 31 авг.

Поступила 18.05.2005.

В.П.ИВАНОВ

ДИНАМИКА РАССЕЛЕНИЯ И ЧИСЛЕННОСТИ ЧУВАШЕЙ В XX в.

Любая, даже крайне сжатая информация о том или ином народе будет неполной, если она не содержит сведений о численности и географии его расселения. Это обстоятельство приобретает особо важное значение при характеристике этнических общностей, населяющих многонациональные государства, где изменения расселенческих и демографических параметров народов нередко становятся решающим фактором этнополитических процессов. В этом плане анализ динамики численности и ареалов расселения чувашского этноса (пятого по численности народа России) представляет научную и практическую значимость, тем более, если иметь в виду наличие у него компактных этнотерриториальных групп в ряде регионов страны.

Среди российских народов чувашский этнос выделяется рядом весьма специфических расселенческих и этнодемографических характеристик, которые являются результатом длительного исторического развития. Во-первых, чуваши являются одним из крупных этносов страны. В 1989 г. их численность в СССР составляла 1 842,3 тыс. чел., в том числе в РСФСР — 1 773,6 тыс. чел. В СССР чуваши по численности занимали 16-е место, а по РСФСР — 4-е (после русских, украинцев и татар). Согласно переписи 2002 г., они переместились по этому показателю на 5-е место, составив 1 637,2 тыс. чел. Во-вторых, чуваши — один из наиболее дисперсно расселенных народов: 45,7 % их числа проживает вне Чувашии в других регионах страны. В 2002 г. они были зафиксированы во всех субъектах РФ. Наиболее многочисленно чувашское население пред-

ИВАНОВ Виталий Петрович, ведущий научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук, кандидат исторических наук.

ставлено сегодня в Татарстане (126,0 тыс. чел.), Башкортостане (117,3), Ульяновской (111,3), Самарской (101,3) и Тюменской (30,2) областях. В-третьих, чуваши — один из наиболее весомо представленных в своей республике титульных этносов (кроме чеченцев и ингушей) и составляют 67,7 % ее населения, преобладают они и в составе горожан.

По данным переписи 1897 г., в России насчитывалось 943 755 чувашей. Почти все они (99,3 %) проживали в европейской части империи, главным образом в Казанской — 502 000 чел. (59,9 %), Симбирской — 159 766 чел. (19,1 %), Самарской — 91 839 чел. (11,0 %), Уфимской — 60 616 чел. (7,2 %) и Саратовской — 14 403 чел. (1,7 %) губерниях. В целом численность чувашей на территории Чувашского края в разные периоды досоветской эпохи имела неровную динамику, что было связано с «волновым» характером их миграций и переселений.

Согласно переписи 1926 г., численность чувашей в стране составляла 1 117 419 чел., из них 1 061 369 (т.е. 95 %) находились в европейской части СССР, а остальные 56 050 чел. — в его азиатских регионах. На территории ЧАССР проживали 662 723 чуваша, т.е. 59,3 % их числа в стране[1]

В советскую эпоху численность чувашей в целом по СССР увеличилась на 65 %, а на территории Чувашии на 36,8 %, что было обусловлено, главным образом, интенсивностью миграционного оттока чувашей за пределы республики[2] (табл.).

Таблица

Динамика численности чувашей в Российской империи, СССР и РФ

Год переписи	Всего по Российской империи, СССР	Республика		Диаспора	
		Всего	%	Всего	%
1897	843,7	542,4	64,3	301,4	35,7
1926	1 117,0	667,7	59,8	449,3	40,2
1939	1 369,6	777,2	56,8	592,4	43,2
1959	1 469,8	770,4	52,4	699,5	47,6
1970	1 694,5	856,2	50,5	838,2	49,5
1979	1 751,4	887,7	50,7	863,7	49,3
1989	1 842,3 (в РФ — 1773,0)	906,9	49,2	935,4	50,8
2002	1 637,2*	889,3	54,3	747,9	45,7

* В данном случае подсчеты произведены только по РФ.

Состоявшаяся в 2002 г. перепись показала, что за период с 1989 г. произошло снижение численности чувашского населения ЧР на 1,9 %. В то же время существенно усложнился этнический состав ее населения: оно теперь состоит из представителей около 100 этносов (против 55 в 1989 г.).

В советскую эпоху активно росло число чувашей-горожан. В 1989 г. впервые было зафиксировано их преобладание в городском населении: они составили 54,7 %, русские — 40, лица других национальностей — 5,3 %. Перепись 2002 г. показала, что доля чувашей-горожан выросла до 56,1 %, а русских уменьшилась до 38,3 %. Высокая доля чувашей в городском населении республики, прежде всего ее столицы Чебоксары (62,3 %), — одна из отличительных особенностей региональной этнодемографической ситуации. Следует также отметить, что в 19 из 21 административных районов республики (кроме Алатырского и Порецкого районов) абсолютное большинство (от 70 до 98 %) селян составляют чуваши.

Наблюдается сравнительно высокий уровень рождаемости среди чувашей: в 1994 г., на 1 тыс. чел. приходилось 2 222 родившихся ребенка, у русских — 1 613 детей, в то время как средний показатель составляет 1 955 рождений. Однако в 1995—2001 гг. наблюдалось заметное падение уровня рождаемости в том числе и у чувашей[3] На селе чувашки рожают чаще, чем русские женщины, в то время как в городе у них показатели почти одинаковые.

Таким образом, в советскую эпоху существенные изменения в этнодемографии титульного этноса ЧР были связаны с быстрыми темпами урбанизации, увеличением его численности в городах, значительным усложнением его социального состава и интенсивным миграционным оттоком чувашей в основном репродуктивного возраста в другие регионы страны.

Что касается изменений в численности и расселении чувашей в целом по стране, то следует отметить, что в СССР их численность в период с 1926 по 1989 гг. выросла с 1 117,4 до 1 842,3 тыс. чел., т.е. на 65 %, а в РФ — с 1 114,8 до 1 773,6 тыс. чел., т.е. на 59 %. Таким образом, рост численности чувашей как в СССР, так и в пределах

РСФСР происходил в одинаковой мере. Вместе с тем соответствующий показатель по чувашскому населению ЧАССР за указанный период заметно ниже и составлял всего 36,8 %.

Динамика численности чувашей на протяжении всего XX в. имела неравномерный, «волнообразный» характер. Связано это, наряду с миграционным фактором, также и с демографическими явлениями, обусловленными последствиями Первой мировой войны 1914—1916 гг., Гражданской войны 1919—1922 гг. и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Вместе с тем мы не склонны сбрасывать со счета также и влияние фактора ассимиляционных процессов, хотя их роль, возможно, и не так значительна.

При среднем ежегодном приросте численности чувашей в 10,8 тыс. чел. самые высокие показатели были характерны только для двух периодов — 1926—1939 гг. и 1959—1970 гг. Значительное снижение прироста численности чувашей в 1970—80-е гг. происходило в условиях общего падения уровня рождаемости в стране, из-за массового переселения чувашской молодежи из села в город, уменьшения детности прежде всего городских семей. Именно с этого времени получают распространение среди городских чувашей национально-смешанные браки, дети от которых в абсолютном большинстве случаев считают себя русскими. Это явление в большей мере характерно для дисперсно расселенных групп. Например, если из числа чувашей ЧР назвали русский язык в качестве родного языка в 1979 г. 10,0 %, а в 1989 г. — 15 %, то соответствующие показатели по чувашам других регионов РФ оказались на порядок выше — 24,6 и 30 %[4].

Как и в предыдущий период, в XX в. абсолютное большинство чувашей проживало в Поволжье и Приуралье. Между тем, если в 1926 г. здесь было сосредоточено 94 % их числа, то к концу столетия — 80 %. Такое изменение было обусловлено начавшимся еще в 1920—30-х гг. оттоком части чувашей региона в другие территории страны. Если в 1920-е гг. они переселялись в основном в сельскохозяйственные районы, то в последующий период — в города Немалая часть чувашей попала в Сибирь, а также на север страны (например, в Коми АССР) не по

своей воле, а в ходе раскулачивания крестьянства, а также массовых репрессий 1930-х — начале 1950-х гг. Рассекреченные материалы переписи 1939 г. это полностью подтверждают.

В период послевоенного восстановления экономики, освоения целинных и залежных земель в восточных и юго-восточных регионах страны вновь усиливается, особенно начиная с 1951 г., миграция чувашей на восток и в Казахстан. Между переписями 1939 и 1959 г. межрегиональные миграционные потоки были исключительно интенсивными. Именно в этот период чуваши начали переселяться в Закавказье, Среднюю Азию, Казахстан, Молдавию, Прибалтику, где быстро росла сеть новостроек и требовалась рабочая сила.

Новый цикл миграции чувашей приходится на конец 1960-х — начало 1970-х гг. В это время серьезные миграционные сдвиги начинаются внутри самого Поволжско-Приуральского региона, обусловленные активизацией промышленного и городского строительства, интенсивным развитием топливно-энергетического комплекса. В 1970-х — начале 1980-х гг. значительный поток чувашей направляется в Западную Сибирь в связи с освоением газонефтесодержащих районов Тюменской области.

Характерной особенностью территориального размещения чувашей 1970—1980-х гг. явилось их широкое расселение в относительно новых, ранее не «традиционных» для них регионах. Так, в период 1970—1989 гг. численность чувашей в Волго-Уралье увеличилась всего на 6—7 %, но она заметно возросла в областях Центральной и Южной России (1,2 раза), Северо-Западе (на 75 %), Западной Сибири (на 25 %), на Дальнем Востоке (на 47 %).

В период 1970—1980-х гг., когда доля горожан среди чувашей СССР увеличилась почти вдвое — с 29,1 (1970 г.) до 50,8 % (1989 г.) процессы его деэтнизации начали приобретать более активный и масштабный характер. Городское население, по существу, уже перестало обеспечивать воспроизводство этноса по причине активной вовлеченности в ассимиляционные процессы. В итоге, за период между переписями 1989 и 2002 гг. произошло уменьшение численности чувашей РФ на 7,7 %, причем во всех

регионах. Однако это не означает, что произошел их массовый миграционный отток. В таком случае в той или иной мере наблюдалось бы прибавление чувашей в других регионах страны, в том числе в Поволжье и, прежде всего, в самой Чувашии. Таким образом, налицо последствия деэтнизации диаспорных групп чувашей, заключающегося не столько в депопуляции и ассимиляции, сколько в изменении этнической идентичности молодого поколения этноса.

Таким образом, динамика численности чувашей во второй половине XX в. обусловливалась не только уровнем их рождаемости (он у них всегда был и остается относительно высоким) и интенсивностью миграции, но и сменой этнического самосознания, темпами обрусения молодых поколений. Именно среди диаспорных групп чувашей процесс деэтнизации протекает весьма активно (за 1989—2002 гг. снижение их общей численности составило 13,7 %, в то время как у чувашей ЧР — лишь на 1,9 %).

Специфика этнонациональных параметров, сложившаяся у народов Волго-Уралья в 1950—1960-е гг., в последнее десятилетие XX в. подверглась сильнейшему комплексному воздействию дотоле непривычных для них общественно-экономических факторов, обусловленных последствиями ликвидации советского строя и перехода на рыночные отношения, а также внедрением новых паспортов без указания национальности их владельцев. При этом для всех определенно ясно, что снижение численности того или иного этноса не тождественно депопуляции или физическому исчезновению его представителей, а чаще означает смену ими этнической идентичности, т.е. ассимиляцию в пользу другой культуры[5]

Таким образом, численность чувашей за XVIII—XX вв. увеличилась в России в 8,5 раза, поэтому нельзя согласиться с мнением о том, что в царской России чуваши физически «вырождались». В советский период чуваши имели наиболее высокие темпы прироста своей численности. Особенность этнодемографического развития чувашей заключается в том, что темпы роста их численности были в разы выше в диаспоре, чем в Чувашии, что однозначно связано с их постоянным миграционным оттоком за ее

пределы. Наметившиеся в третьей четверти XX в. процессы деэтнизации чувашей в основном через ассимиляцию наиболее интенсивно протекают среди диаспоры. В период между переписями 1989 и 2002 г. впервые произошло не увеличение, а снижение численности чувашей, главным образом за счет расселенных за пределами республики, и этот процесс, скорее всего, имеет необратимый характер, поскольку в значительной мере он связан с глобализацией культур и сменой этнической идентичности урбанизированной части этноса. В связи с этим назрела необходимость в специальных исследованиях перспектив этнодемографического развития чувашского народа, как и других этносов Волго-Уралья, в которых особое внимание должно быть обращено на выяснение природы современных этноидентификационных процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Шибаев В.П.* Этнический состав населения европейской части Союза ССР. М., 1930.

[2] См.: *Кураков Л.П., Григорьев А.В., Желтов Н.С., Толстов Л.И.* Население и трудовые ресурсы Чувашской Республики. Чебоксары, 1992. С. 21.

[3] См.: *Бойко И.И., Марков Ю., Харитонова В.* Чувашская Республика // На пути к переписи. М., 2003. С. 510.

[4] См.: *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Чебоксары, 2005. С. 279.

[5] См.: *Тишков В.А.* Этнология и политика. М., 2001. С. 152.

Поступила 01.09.2005.

Ю.Н.МОКШИНА

ЭТНОНОРМАТИКА В ОБЩИННОМ САМОУПРАВЛЕНИИ МОРДВЫ

Изучение сельской общины имеет важное значение при осмыслении сущности общинной организации, ее исторической роли в реализации местного самоуправления, равно как и перспектив проведения современной государственной политики сохранения традиций так называемого «коллективного хозяйства», либо, напротив, отказа от них. Реформаторы постоянно находятся в поиске новых принципов административно-государственного устройства, которые бы наиболее адекватно отвечали реалиям сегодняшнего дня. Но это реформирование едва ли будет конструктивным, если оно будет игнорировать вековой опыт народа в этой сфере. На протяжении многих веков народы России сохраняли общину, как форму общежития. Еще в начале XX в. С.Ю.Витте, обсуждая доводы «за» и «против» общины, отмечал, что «существование общины — есть факт, факта этого изменить нельзя и надо с ним считаться...»[1] Действительно, в конце XIX — начале XX вв. община, называемая народом также «обществом», «миром», являлась основой крестьянской жизни. Она выполняла многочисленные функции в регулировании этносоциальных отношений, в том числе и этнонормативного характера.

Основой этнонорматики сельской общины являлось обычное право, которое сосредоточило в себе общепризнанные юридические воззрения этноса, его правовые идеалы и ценности. Обычное право — древнейшая форма этнонормативного регулирования жизнедеятельности, эталон традиционной этноюридической культуры. Источником и хранителем обычного права, гарантом его функциональности

МОКШИНА Юлия Николаевна, доцент кафедры теории и истории государства и права Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

выступала община. Произведения устно-поэтического творчества мордовского народа отражают некоторые мифические представления о возникновении и развитии правовых обычаев. В то же время в них прослеживается и роль общества, значительно повлиявшего на этот процесс. Например, в мордовской песне «Кезэрень коесь кодамо» (рус. «Закон предков какой») отмечается, что «закон предков», «вера предков», «обычай предков» обитает на черном море, на острове, в голове рыбы-щуки. «...Щука хвостом махнула — иную веру утвердила, иной обычай утвердила. — Давайте созовем единый совет, давайте придем к единомыслию. Думайте, старейшие, гадайте, к единомыслию, почтенные, придите! Как жизнь нашу утвердить, как свой закон сотворить?...», — рассказывается в ней[2] В другой мордовской песне говорится, что обычай сложился следующим образом: «...Земля появилась — обычай появился, без обычаев на земле не проживешь, без обычаев на земле жить не будешь. Вся жизнь людьми делается, все обычаи людьми устанавливаются...»[3]. Община оказывала значительное влияние на формирование народного правосознания.

Реализация этнонормативной функции по обеспечению правопорядка в крестьянском мире была связана с деятельностью мирского и волостного сходов, волостного суда, суда соседей. Особое место в системе народного правосудия занимали семейные структуры, в которых главным судьей считался глава семьи — большак.

Все наиболее важные жизненные вопросы крестьяне выносили на общие собрания представителей общины (стариков-домохозяев) — сходы. Общинники высоко оценивали значение этого органа управления в виду той роли, которую он играл в сложной системе этносоциальных отношений, его демократичности при вынесении решений. «Мордва живет большими деревнями в полном мире и согласии между собой. Без общего обсуждения, без сельской сходки у них не обходятся даже такие дела, как выбор места для отправления и моляна, или другого какого-нибудь мордовского обряда», — отмечают авторы живописного альбома о народах России[4] В «Предании о царе Тюштяне» говорится: «В старину не было у мордвы верховных пра-

вителей. У других народов — короли, цари, ханы. А мордва все свои дела решала на сходках...»[5]. О значимости этого института для мордвы также свидетельствует мордовская загадка о сходе, в которой он олицетворяется с «великой кукушкой»[6].

В сходах участвовали главы семей или в отдельных случаях старшие после них. «Голодяевские старики — головы как белые качаны капусты. Каждый день сельский сход, через день сельский сход одной думушкой они думали, одним говором говорили...», — записал в селе Сухой Карбулак Саратовского уезда Саратовской губернии А.А.Шахматов[7] Членом схода, обладавшим правом голоса, мог быть только мужчина, что подтверждается и соответствующей мордовской терминологией. Так, мордва-мокша сход (сходку) называет «алялу» (от «аля» — мужчина, «лув» — ряд, группа), выражение «пуромс алялус» — «собраться на сход» в буквальном переводе означает «собраться на мужское собрание», «встать, выйти в мужской ряд». Из старейших избирался председатель схода, которым обычно был наиболее авторитетный домохозяин. В круг его обязанностей входило: ознакомление всех собравшихся с сущностью дела, приглашение очевидцев, рассмотрение доказательств, организация голосования, оглашение принятого решения, наблюдение за порядком в целом. Женщины, за редким исключением, не могли представлять свое хозяйство на таком собрании. Тем не менее, об участии старейших женщин в сходах, свидетельствуют материалы произведений устно-поэтического творчества мордвы. «...Давайте сделаем сельский сход, созовем мы общий совет. Собрались сельские старушки, явились сельские старики. Судите, старики, судите, решайте, старухи, решайте, как теперь житье наладить? Как по-новому отношения устроить?», — повествует песня[8]

Сходы могли быть «полными» (состоящими из всех домохозяев) или «малыми» — из некоторых членов общины. В состав последнего входили только несколько стариков, приглашаемых для разбора тех или иных дел. Порой на сходе участвовали только те домохозяева, которые были избраны волостными судьями или членами волостного схода. На волостном сходе разрешались межобщинные дела. В

этнически смешанных деревнях созывался общий сход, население входило в общину, на которой избирался общий староста.

О сходе, как правило, оповещали стуком в дверь или в окно, выкрикивая планируемое время его проведения. Сходы в мордовских общинах проводились либо на улице в особо установленном месте, либо в доме у наиболее авторитетного члена общины, «председательствовавшего» на собраниях. Старики для дебатов усаживались кругом, чтобы каждый мог друг друга видеть. Если сход проходил в доме, то старики рассаживались за большим столом, во главе которого был председатель. Пока шло обсуждение намеченных вопросов, хозяйка дома готовила угощение. Также на хозяйку возлагались обязанности по наведению порядка в доме до и после прихода стариков. Жительница мордовского поселка Центральный Торбеевского района, у которой отец был председателем сельского схода, рассказывала: «Все собрания в селе проходили в нашем доме. Мама всегда готовилась к ним: убиралась, готовила пищу для стариков. Но, когда начиналось обсуждение, мама обычно выходила из дома к соседям, так как находиться на собрании посторонним обычаем запрещалось»[9]

Решения обсуждались и принимались «голосом». При вынесении приговора произносили, если считали, что обвиняемый виноват: «Чумо» («виновен»), если же приходили к выводу о его невиновности: «Аволь чумо» («не виновен»). В случае несогласия с принимаемым решением присутствовавшие на сходе поднимали руки. Согласно нормам обычного права на руках у стариков обязательно были холщовые рукавицы, «махать голыми руками» считалось неприличным. О порядке проведения схода содержатся сведения в материалах мордовского фольклора: «...На сходку позвали, за стол в середку посадили, собрались судьи-решители...»[10] «Собирается в селе сход, потолкуют мужчины и примут решение», — писал о проведении схода М.Гребнев[11] Основным документом, который исходил от общины, был «приговор» — решение сходки. Приговоры выносились в основном устно, но наиболее важные записывались. Записи подлежали приговоры, в которых решения схода затрагивали деятельность органов государствен-

ной власти и в дальнейшем могли послужить основой для ходатайства.

Рассматривая институт мирских сходов, некоторые исследователи обращали внимание и на существование явного неравноправия членов схода. Так, И.В.Селиванов, бывший в 1850-х гг. саранским уездным судьей, отмечал, что у мордвы на мирских сходках тот играл первостепенную роль в принятии решения, кто «при подушных выручал мир», то есть давал взаймы «за большие прокаты (проценты)»[12] В одной песне сообщается: «Послал Бог Нишке птицу лебедя над землей летать, в небесах парить, жизнь людей посмотреть, испытать их правду и кривду... Бедный он со своим обычаем»[13] «У богатых, скажу, нет правды, у имущих, скажу, нет честности. Бедные, скажу, самые справедливые, только у них сердце доброе», — говорится в другой мордовской песне[14]

Предмет разбиравшихся сходом дел не был четко очерчен. Рассмотрению подлежали наиболее важные вопросы, связанные с реализацией права или исполнением обязанности субъектами обычно-правовых отношений, а также обычно-правовые конфликты между членами общины, общиной и ее членами, общиной и государством. Важнейшей функцией схода была судебная, то есть возникающая по поводу разрешения юридических конфликтов. Большинство сделок мордва заключала устно, «в силу этого происходило множество нескончаемых и невозможных к разбирательству споров и ссор»[15] На заседаниях схода разбирались обычно-правовые нарушения: совершение опасных деяний, несоблюдение условий договоров, причинение вреда, разделы имущества и иные споры. При разборе нарушений проводились расследования, которые благодаря отличному знанию крестьянами местных условий, личных качеств участников дела, взаимоотношений односельчан, хорошей осведомленности были нередко очень эффективными. В процессе расследования осматривали место происшествия, делали обыск и опрашивали свидетелей. Нередко многие обычно-правовые конфликты разрешались самосудом, санкционируемым общиной.

Суд схода мог быть представлен коллегиально в составе совета стариков или специальных доверенных лиц. По осени,

отмечал К.Митропольский, мордва ежегодно собиралась где-либо при большом озере для судопроизводства над личностями, подозреваемыми в каких-либо преступлениях, совершенных в течение года. «Судьи, чтобы узнать истину, чинили «суд Божий»: приказывали перевязать серединою бичевы шею обвиняемого и с быстротою перетаскивать его через озеро из конца в конец непременно три раза; оставшегося в живых признавали невинным». Преступников наказывали «сообразно их вине»: убийством, отрубанием членов, снятием кожи и пр.[16]

Наказания за нарушения в зависимости от степени виновности были разнообразными: денежный штраф, битье кнутом, словесный укор и др. Одной из наиболее применявшихся форм наказания было публичное посрамление, когда провинившегося вели по деревне. Например, пойманному с поличным вору связывали руки, на шею навешивали украденную им вещь и в сопровождении односельчан водили по селу, всячески осмеивая его[17] Самым суровым видом наказания считалось причинение человеку, виновному в преступлениях, смерти. К числу преступлений относились убийство, воровство, прелюбодеяние и др. В балладе о Дмитрии, убившим свою мать, сообщается о способе наказания: «к хвосту коня его привязали, через семь полей пустили»[18]. В материалах фольклора отмечаются некоторые другие самобытные меры наказания. Так, в легенде о мордовском царе Тюштяне рассказывается: «Мудро правил Тюштянь своим народом, не обижал зря никого. Только вот за воровство казнил сурово — на сухой осине воришек вешал. Бесполезное, говорит, дерево — бесполезный и человек»[19]

Частные споры не доводились до сведения схода и разрешались группой близ живущих крестьян, то есть судом соседей. Деятельность суда соседей (шабров) обусловливалась традицией солидарности; соучастие в делах своего соседа в целях оказания помощи считалось долгом каждого общинника.

Община регулировала на основе норм обычного права все стороны внутренней жизни мира (брачно-семейные, наследственные, гражданско-правовые, договорные, трудовые и др. общественные отношения). Причем все отноше-

ния должны были обязательно санкционироваться именем богов и предков. Особую роль община играла в сфере земельных правоотношений, где наиболее важным моментом являлся передел земли между общинниками-домохозяевами. Среди мордвы были распространены частные переделы земли, осуществляемые между отдельными семьями в зависимости от количества в них мужских душ. Земельные межевания нередко принимали тяжелые формы внутренней борьбы в общине. Иногда споры длились годами, вызывая тяжбу на сходе, жалобы в органы государственной власти. Показателен сюжет, описанный в эрзя-мордовской легенде о поле между селами Большие Ремезенки и Большое Маресево, имевшее название «Чала Пря», что на русском языке означает «место раздора». Согласно легенде на этом месте между мужиками этих сел вспыхнул спор, окончившийся большой дракой. От обеих общин сельские сходы сформировали межевую комиссию, которой поручалось проследить за правильностью и честностью передела. Из Большого Маресева были избраны старики Мамай и Алют, поскольку их «на коне нельзя было объехать, ни в споре переспорить». Наблюдая за переделом, они заподозрили главного межевого, как обманщика, действовавшего в интересах ремезенских. Отстаивая свои позиции на месте Чала Пря, Мамай стал препятствовать межеванию. Спор закончился дракой, а Мамая, как зачинщика, посадили в тюрьму. В дальнейшем Мамай, отличавшийся особой хитростью, нашел способ себя вызволить из заключения[20].

Разрешение семейных вопросов осуществлялось в рамках семьи, где главным судьей считался большак. Поскольку экономическое благосостояние общины во многом зависело от благополучия отдельного двора, то порой община принимала решение вступить в спор в случае возможности причинения миру вреда. Если домохозяин злоупотреблял своей властью, то сход мог вынести решение передать властные полномочия главы семьи сыну. Община проявляла заботу о сиротах, нередко добиваясь выделения им полного пая, это было обусловлено тем, что из них могли выйти хорошие работники, полезные обществу. Мир также мог заступиться за солдатку, которую попытались выгнать из семьи[21].

Одновременно члены крестьянских общин жили в двух мирах: мире общины со своей собственной культурой, включая традиционные нормы поведения, и в мире государства с его законами. В правоотношениях с государством община выполняла функцию реализации возложенных на нее официальным законодательством обязанностей. Так, Георги, а вслед за ним и Милькович отмечали, что мордва «...несет равную с соседями гражданскую тягость...»[22]

Община распределяла между ее членами ежегодные платежи и трудовые повинности. Раскладка налогов осуществлялась по числу душ в семье. В случае несвоевременной уплаты на доходы, получаемые домохозяином, накладывался арест: назначался опекун, без разрешения которого неуплативший налог лишался права отчуждения чего-либо из своего хозяйства. Иногда вместо «неисправного» хозяина старшим в доме назначался другой член семьи. Сборщик податей или староста мог производить опись движимого семейного имущества, причем в реестр включались и вещи, предполагавшиеся к продаже для покрытия недоимок. На одном из сходов староста оповещал о предстоящей продаже описанного имущества, но сам он, как и волостной старшина, писарь, члены их семей права на приобретение этого товара не имел. Без участия общины было невозможно и исполнение воинской повинности. «Вот грозятся отдать в рекруты, вызвали мокшанина на сходку, жребий кинули — ему достался», — сказано в мокша-мордовской песне[23].

Община, как правило, посредством мирского схода, осуществляла и функцию представительства для защиты ее интересов перед государством, а прежде (во времена крепостничества) — перед помещиком. Так, на сходе выбирался представитель от общины, который мог бы держать слово: «Большой помещик заявился, чтобы отнять поле, мы кого пошлем к нему, большой ответ перед ним держать»[24] Сельский сход большинством голосов выбирал старосту, его помощников, мирские комиссии и другие должностные лица. Как правило, избирались самые авторитетные домохозяева, «лучшие люди», поскольку мир нес полную ответственность за их действия.

Юридические отношения крестьян невозможно понять без рассмотрения особенностей их быта[25] во взаимосвязи с

содержанием норм официального законодательства. После проведения реформ 60-х гг. XIX в. отечественные этнографы и юристы обнаружили, что народная юстиция, существенно расходившаяся с законом, решала 80 % всех дел у 80 % населения империи. Во второй половине XIX в. обычное право использовалось всеми судами в торговых делах при пробелах в законодательстве, в делах о наследовании, опеке и попечительстве у крестьян, по всем спорам среди крестьян, разрешавшимся волостными судами по гражданским делам, а до 1889 г. и по уголовным делам, при рассмотрении всех гражданских дел у мирового судьи или земского начальника (в 1889—1912 гг.) при лакунах в законе. До 1887 г. мировой судья имел право решать по своему усмотрению судебные дела по просьбе обеих сторон[26]

В дореволюционных изданиях нередко повествуется о взятых из жизни фактах произвола волостных старшин, писарей, выборных судей. Так, в материалах Комиссии о создании проекта Уложения в конце XVIII в. отмечалось: «Существующие суды крестьянам мало приносят пользы, приходится ездить на большие расстояния, расходоваться на судей, на бумагу и т.п. Если же судья приезжает в деревню сам, то требует себе подводу, съестные припасы и др. Крестьянин спорить не смеет, если станет что-либо говорить против таких требований, то судьи начинают бить его за то, что говорит неучтиво, многие из инородцев крещеных и некрещеных, не зная русского языка, бывают вынуждены нанимать толмачей...»[27] Такая ситуация мало изменилась и позже. Свидетельством чему служат и публикации многих известных писателей XIX — начала XX вв. К примеру, А.И.Герцен, пребывая еще в 1830-х гг. в ссылке в Вятской губернии, с негодованием отзывался о произволе царских чиновников и полиции среди народов Волго-Камья: «Настоящий клад для земской полиции — это вотяки, мордва, чуваши. Народ жалкий, робкий... Исправники дают двойной окуп губернаторам за назначение их в уезды, населенные финнами. Полиция и чиновники делают невероятные вещи с этими бедняками»[28]

Таким образом, в конце XIX — начале XX вв. этнонормативное регулирование в крестьянском мире осуществлялось в соответствии с нормами обычного права. Пра-

вопорядок поддерживался системой общинных институтов, наиболее существенными из которых были сельские и волостные сходы. Единственным крестьянским органом народного правосудия, признаваемым государством, был волостной суд, к которому, однако, обращение народа было довольно редким. Хотя существовавшая в государстве система правосудия значительно видоизменялась, община продолжала сохранять свои позиции, оставаясь для народа не только основным регулятором хозяйственной жизни, но и ведущим ориентиром культурной и правовой мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из выступления председателя «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» С.Ю.Витте на заседании 22 января 1905 г. // Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий. Период империализма. Учеб. пособие. М., 1977. С. 12.

[2] Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки. Антология / Сост. М.И.Чувашев, И.А.Касьянова, А.Д.Шуляев, А.Ю.Малыхин, Г.И.Волкова. Самара, 2001. С. 254.

[3] Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9. Саранск, 1982. С. 11—12.

[4] Народы России. Живописный альбом. СПб., 1880. С. 124.

[5] Легенды и предания мордвы. Саранск, 1982.

[6] Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1968. С. 212.

[7] *Шахматов А.А.* Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. С. 580.

[8] Духовное наследие... С. 255.

[9] Информация записана автором в 2002 г. от Н.М. Мялина, поселок Центральный Торбеевского района Республики Мордовия.

[10] Устно-поэтическое творчество... Т. 1. Саранск, 1968. С. 323.

[11] *Гребнев М.* Мордва Самарской губернии. Историко-этнографический очерк // Самарские епархиальные ведомости, 1887. № 1. С. 42.

[12] Документы и материалы по истории Мордовской АССР. В 4-х т. Т. 3. Ч. 1. Саранск, 1939. С. 242.

[13] Устно-поэтическое творчество... Т. 1. Саранск, 1963. С. 42.

[14] Там же. С. 357.

[15] Документы и материалы по истории Мордовской АССР... С. 242.

[16] *Митропольский К.* Мордва: мировоззрения, их нравы и обычаи. № 10. 1877. С. 74.

[17] Информация записана автором в 2001 г. от Г.Н.Кедяровой, 1934 г. рождения, с. Морга Дубенского района Республики Мордовия.

[18] Устно-поэтическое творчество... Т. 1. Саранск, 1963. С. 198.

[19] Легенды и предания мордвы. Саранск, 1982. С. 52.

[20] Там же. С. 112—114.

[21] Информация записана автором в 2003 г. от Е.М.Пузырькиной, 1922 г. рождения, с. Стандрово Теньгушевского района Республики Мордовия.

[22] *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / Пер. с нем. Ч. 1. СПб., 1799. С. 43; *Милькович К.* Топографическое описание Симбирского наместничества // Тамбовские епархиальные ведомости. № 18. 1905 г. С. 817.

[23] Устно-поэтическое творчество... Т. 1. Саранск, 1963. С. 186.

[24] Там же. С. 309.

[25] *Балашов В.А.* Бытовая культура мордвы. Традиции и современность. Саранск, 1991.

[26] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х т. Т. 2. СПб., 2000. С. 67.

[27] Рукописный фонд ГУ «НИИ ГН при Правительстве РМ». И-31. Архивные документы XVIII в. по истории Мордовской АССР. Т. IV. Ч. I (1702—1798 гг.) Л. 63.

[28] *Герцен А.И.* Былое и думы. Ч. 1—3. М., 1958. С. 364.

Поступила 19.05.2005.

В.А.ИВАНОВ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МАРИЙСКОЙ ОБЛАСТНОЙ МИЛИЦИИ И ОХРАНА СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЕЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА В 1920-х гг.

В 20-е гг. XX в. стали складываться основы государственной системы обеспечения милиции, предусматривавшей предоставление личному составу денежного, продовольственного и вещевого довольствия, а также других видов социально-правовой защиты. Система и механизм ее реализации регламентировались нормативными актами ВЦИК и СНК РСФСР, постановлениями НКВД РСФСР и других наркоматов, принятыми совместно или раздельно, а также решениями местных Советов. В ряду указанных документов особенно значимым явилось Положение о Рабоче-крестьянской милиции от 10 июня 1920 г., которое установило, что «расходы на содержание милиции оплачиваются из общегосударственных средств». Снабжение милиции продовольствием и всеми видами довольствия, а также специальное обеспечение семей милиционеров предусматривалось производить в порядке, установленном для снабжения армии и обеспечения лиц, призванных в ее ряды[1] Все это было призвано обеспечить создание «мощной и отвечающей своему действительному назначению Рабоче-крестьянской милиции»[2].

Однако кровопролитные войны, стихийные бедствия, обрушившиеся на страну в начале 1920-х гг., тяжело отразившись на экономике Российской Федерации, внесли существенные коррективы в установленный порядок финансирования и материально-технического обеспечения милиции. Еще в августе 1921 г. правительство РСФСР сняло

ИВАНОВ Виталий Алексеевич, проректор по учебной работе Марийского государственного университета, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат исторических наук.

милицию с довольствия военного ведомства и перевело ее на местный бюджет, значительно сократив при этом количество продовольственных пайков. В результате снабжение органов милиции ослабло[3].

Одной из наиболее значительных и болезненных проблем являлось снабжение работников милиции вещевым довольствием. Его организация была возложена на окружные и губернские органы снабжения Красной Армии. Однако кризисное состояние экономики Российской Федерации, первоочередное внимание обеспечению армейских частей не позволяли им справиться с этой задачей должным образом. «Главная нужда милиции заключается в нехватке обмундирования..., — писал в феврале 1921 г. начальник Краснококшайской кантмилиции, — милиционеры ходят босыми»[4] Ни один из сотрудников УРа не имел шинель, гимнастерку, сапоги[5]. Вовсе не было обмундирования во вновь образованной Сернурской кантмилиции[6]

Неудовлетворительно обстояло дело и с вооружением. В августе 1921 г. милиция Марийской автономной области (МАО) имела в распоряжении 197 винтовок, 53 револьвера, 12 шашек, 2 700 патронов, 2 повозки, 14 седел, 2 обозные и 59 верховых лошадей[7] Обеспеченность винтовками, например, в Козьмодемьянской кантмилиции составила 67 %, револьверами — 19 %, лошадьми — 17 %. Причем, на вооружении даже в этом относительно благополучном кантоне не было предусмотренных штатным расписанием пулеметов и шашек[8] 24 октября 1921 г. начальник областной милиции предписал обеспечить обязательную сдачу оружия милиционерами при увольнении, прием его производить только комиссией. Комиссия, в свою очередь, была призвана осуществлять сортировку оружия, выявляя неисправное, с тем, чтобы оставшимся работникам передавать лучшее оружие[9].

Характерной особенностью государственного обеспечения работников милиции с января 1923 г. по декабрь 1930 г. явилось финансирование ее за счет местных бюджетов. Это стало следствием государственной политики упрощения и удешевления аппарата управления, утвержденной Декретом СНК РСФСР от 6 сентября 1922 г. «О составлении общего государственного бюджета на 1922/23 год»[10]. Как

результат — состояние государственного обеспечения милиции еще более ухудшилось.

Особенно тяжелая ситуация сложилось весной—летом 1923 г. «Состояние милиции не удовлетворительно»[11], «материальная обеспеченность скверная», состояние бюджета — «крайне бедное»[12], — сообщалось в марте из Козьмодемьянского кантисполкома. Многие из работников встали на путь попрошайничества. Их крайняя нищета «свела на нет» результативность кампании по борьбе со взяточничеством[13] Комиссия ГУРКМ тогда же оценила уровень материально-технического обеспечения областной милиции как неудовлетворительный[14]

С учетом этого бюро обкома РКП(б) 13 февраля 1923 г. предложил облисполкому принять меры для улучшения материального положения работников[15] Однако местные власти, оказавшись не в состоянии должным образом финансировать милицию, стали существенно урезать ее штаты по сравнению с нормами, выработанными НКВД. В приказе начальника ЦАУ НКВД в 1923 г. указывалось, что штаты милиции МАО были урезаны на 40 %.

В МАО на административно-судебные органы из местного бюджета было выделено: в 1923/24 гг. — 27,55 тыс. руб., в 1924/25 гг. — 50,9 тыс. руб. (рост составил 85 %); в 1925/26 гг. — 95,5 тыс. руб. (87,3 %); в 1926/27 гг. — 18,4 тыс. руб. (24 %); в 1927/28 гг. — 91,5 тыс. руб. (сокращение составило 22,7 %)[16].

В 1930 г. на охрану общественного порядка из бюджета МАО было выделено 232,3 тыс. руб., в 1931 г. предусматривалось выделить 221,6 тыс. руб. или на 4,5 % меньше расходов предыдущего года[17] Несмотря на определенный рост объемов финансирования (за исключением 1927/28 гг.), органы милиции испытывали дефицит финансовых средств. Выделяемые на их содержание средства не обеспечивали в полном объеме покрытие расходов на приобретение необходимой техники, транспортных средств, ремонт, осуществление оперативно-розыскной деятельности и достойную оплату труда сотрудников милиции. К примеру, в 1923/1924 бюджетном году на хозяйственные расходы областной милиции испрашивалась сумма в объеме 6,5 тыс. руб. (на закупку дактилоскопических материалов и др.),

центром было утверждено 3,8 тыс. руб., было получено около 2 тыс. руб.[18]

Велик соблазн искать причины подобного положения в том, что новая власть не рассматривала милицию в качестве приоритетной государственной структуры, а опиралась на партийный аппарат, органы госбезопасности и армию. Отношение власть предержащих к милиции, по мнению некоторых ученых, было как к вспомогательному государственному органу, а к ее работникам — как к исполнительному персоналу Советов всех уровней. Отсюда и ограниченные масштабы финансирования милиции[19] Однако, на наш взгляд, передача содержания милиции на местные бюджеты еще не является свидетельством равнодушия к материальному положению служащих милиции. По характеру обязанностей, возложенных на милицию, она была одновременно органом как местной, так и центральной власти, и последняя была заинтересована в том, чтобы ее задания выполнялись милицией, должным образом снаряженной, вознаграждаемой и в меру многочисленной[20] Другое дело, что возможности государства оказались ограниченными.

Как и прежде, серьезной оставалась проблема оплаты труда работников милиции. Согласно Положению о Народном комиссариате внутренних дел (1922 г.), их денежное содержание определялось на основе тарифной сетки. Из-за того, что на местах должности работников милиции относились к нижним разрядам тарифной сетки, материальное обеспечение милиционеров было мизерным, едва достаточным для полуголодного существования[21] Летом 1924 г. средняя зарплата служащих советских учреждений по области составляла 21,45 руб. в месяц. В системе просвещения она равнялась 16,85 руб., связи — 14,8, госбанка — 43,62, госстраха — 29,33, суда — 24,92, земуправления — 17,31, милиции — 13,7 руб.[22] Милиция, несмотря на опасный характер службы, по уровню зарплаты занимала одно из последних мест.

Положение усугублялось тем, что работники милиции нередко по два—три месяца не получали денежного содержания. Из-за этого летом 1923 г. половина личного состава дезертировала. Оказавшись в безвыходном положе-

нии, руководство областной милиции телеграфировало начальнику Главмилиции о приостановлении всякой текущей работы. Денежное довольствие на заготовку фуража в апреле—июне не отпускалось, указывалось в документе, поэтому собственные лошади милиционеров уволены, казенные — пасутся на лугах, чтобы спастись от падежа[23]

Однако радикально изменить ситуацию с финансированием милиции, истерзанной голодом и стихийными бедствиями, только что образованной области самой было не под силу. Местная власть была озабочена тем, как обеспечить население хлебом. В письме секретаря обкома партии в ЦК РКП(б) в августе 1923 г. сообщалось: «Нужна срочная помощь Центра. Иного выхода нет»[24]. Число голодающих в области стремительно нарастало: в начале июня их насчитывалось 111,2 тыс. чел., июле — 118,4 тыс.[25] По данным Сернурского кантздрава, на почве голода в начале 1920-х гг. умерло более 7,2 тыс. чел.[26]

Безусловно, материально-бытовые проблемы милицейских работников находились в поле зрения партийных и советских органов. 9 октября 1923 г. президиум Сернурского кантисполкома, заслушав доклад И.С.Максимова по итогам работы инспекторской комиссии областного управления милиции, принял решение о выделении помещений для размещения канцелярии начальников районных милиций и волостных милиционеров. Были также даны указания об обеспечении милиционеров лошадьми для их разъезда по служебным делам[27] В 1924—1925 гг. вопрос об отпуске для милиционеров нового обмундирования, вооружения, а также фуража для лошадей поднимали Юринский (октябрь 1924 г.)[28], Новоторъяльский (декабрь 1924 г., апрель 1925 г.)[29] канткомы РКП(б), Сернурский (апрель 1924 г.)[30] и другие кантисполкомы. Особое внимание к вопросам обеспечения милиции обмундированием было вызвано прекращением бесплатной его выдачи из государственных фондов и возложение этой задачи на исполкомы местных Советов.

Милиция была слабо обеспечена служебными помещениями. Многие управления размещались в ветхих строениях. В 1923—1924 гг. ставятся вопросы о проведении ремонтных работ в помещениях управлений Козьмодемьянской[31], Сернурской[32], Новоторъяльской милиции[33] Принимаются

решения о строительстве арестных домов при волисполкомах. В начале 1929 г. был проведен ремонт здания Йошкар-Олинской гормилиции[34] Тогда же бюро ячейки ВКП(б) областного суда, административного отдела и прокуратуры приняло решение добиваться закрепления за областным адмотделом находящихся рядом двух зданий, чтобы сосредоточить там силы милиции, УРа и гормилиции[35] Следовательно, несмотря на трудности, органы милиции добивались предоставления своим сотрудникам служебных помещений, средств передвижения, обеспечивали капитальный ремонт зданий.

Отсутствие централизованного финансирования, дефицит средств на местах создавали для сотрудников милиции немало лишений и невзгод, отрицательно сказались на боеспособности РКМ, эффективности борьбы с преступностью. В то же время в эти годы были введены некоторые новшества в финансовом и материальном обеспечении милиции. Одно из них — система премирования. Опираясь на растущие возможности возрожденной экономики, Советское государство во второй половине 1920-х гг. активизировало усилия, направленные на укрепление правовой и социальной защиты работников милиции. В принятом в 1925 г. Положении о службе Рабоче-крестьянской милиции была предусмотрена выплата работникам милиции и уголовного розыска краевыми, областными и губернскими исполкомами дополнительного вознаграждения к основному окладу за проработанные дни отдыха и ночное время по соглашению с органами профессионального союза[36]

Вторая сессия облисполкома в октябре 1925 г. приняла решение об организации выдачи 20 % отчислений и штрафов, получаемых за нарушение обязательных поставок[37] В сентябре 1927 г. было установлено премирование сотрудников милиции за борьбу с нарушителями правил рыболовства[38] Сложившаяся практика материального стимулирования труда сотрудников милиции наиболее полно отвечала идеям и принципам НЭПа.

Введение премирования стало одной из дополнительных мер обеспечения социальной защищенности личного состава милиции в условиях разрухи, голода, инфляционных процессов. Оно сыграло положительную роль в повышении

уровня его материального обеспечения. В 1925 г. премиальные отчисления сотрудникам милиции из суммы, взысканной только по ст. 140 УК РСФСР, составляли 36 % общей суммы зарплаты административного аппарата[39] Но все же существенного значения премирование не могло иметь.

С середины 1920-х гг. принимается ряд важных нормативных документов, направленных на улучшение материального положения работников милиции. Положение о службе Рабоче-крестьянской милиции закрепило оплату сверхурочных и предоставление отгулов за работу в выходные дни и ночное время (п. 5 прим. 1 и 2). Однако эта норма часто не выполнялась из-за отсутствия финансовых средств и некомплекта личного состава. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 октября 1927 г. «Об улучшении положения работников Рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска» предложило местным исполкомам повысить в 1927/28 гг. заработную плату работникам милиции и установило минимальный предел для милиционеров, работающих в сельской местности[40] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 ноября 1927 г. рекомендовало исполкомам автономных республик, краевым, областным и губернским исполкомам ввести государственное страхование работников строевого состава милиции и активного состава уголовного розыска на случай смерти или инвалидности при исполнении или вследствие исполнения ими служебных обязанностей[41]. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР (май 1928 г.) установило периодические прибавки к заработной плате за выслугу лет для работников строевого и активного составов милиции[42] Надбавки исчислялись следующим образом: за 3 года непрерывной службы в милиции — 10 %, за 6 лет — 20, за 9 лет — 30 % от основного должностного оклада.

В итоге зарплата работников административных органов за 1925—1930 гг. выросла почти в 2,6 раза. Выше этого уровня поднялась зарплата инспекторов и агентов УГРО, младших милиционеров. В апреле 1929 г. IV съезд работников юстиции и адмотдела облисполкома отметил некоторое улучшение в материальном положении работников милиции[43]. Увеличение реальных доходов работников ми-

лиции во второй половине 1920-х гг. и создание более благоприятных условий труда отражали коренное улучшение положения всего советского народа. Это явилось действенным средством их мобилизации на охрану правопорядка в стране, борьбу с преступностью, защиту правящего режима.

Однако достигнутый уровень денежного содержания не гарантировал работникам милиции социальную защищенность. В 1926 г. зарплата участковых инспекторов милиции в области составила 30 руб. в месяц против 21 руб. — в 1925 г.[44] Между тем, по оценкам ВЦСПС и Наркомата труда, рабочие, получавшие в 1926 г. зарплату в размере 30 руб. в месяц, относились к наименее низкооплачиваемой категории, доля которых составила по стране 15,8 %[45]. Но и во второй половине 1920-х гг. доля низкооплачиваемых среди милицейских работников оставалась значительной. Так, в 1928 г. среднегодовая зарплата милиционера МАО с учетом квартирных составляла 600 руб.[46], против 703 руб. — в народном хозяйстве страны[47] Причем, выдача денежного довольствия нередко задерживалась, нарастали региональные дифференциации в материальном благополучии милицейских кадров и состоянии социальной сферы.

Увеличение заработной платы едва поспевало за постоянным ростом цен на потребительские товары, реализация которых в значительной мере осуществлялась по спекулятивным ценам через рынки. Поэтому сетования на низкий уровень зарплаты работников милиции на местах не прекращались. На это указывали решения президиума Краснококшайского (9 июня, 24 августа 1926 г.)[48], Моркинского и других кантисполкомов (октябрь 1928 г.)[49], бюро Юринского райкома партии (март 1929 г.)[50].

Для сравнения отметим, что стражи порядка при царизме служили за более значительное материальное вознаграждение. Месячное жалованье конного урядника в начале 1914 г. в Козьмодемьянском уезде составляло 30 руб. Пуд свинины тогда можно было приобрести в среднем за 6,8 руб., пуд ржаной муки — 0,95 руб. При этом вспомним, что урядник представлял нижний чин уездной полиции (рядовой милиционер)[51]. Несложные подсчеты показывают, что на месячное жалованье конный урядник мог

купить 31,6 пудов ржаной муки или 4,4 пуда свиного мяса, исправник — соответственно 158 и 22.

Анализ показывает, что в обеспечении денежным довольствием личного состава областной милиции в эти годы имелся ряд особенностей. Во-первых, происходит нивелировка в уровне оплаты труда командного и рядового составов. Если в 1914 г. жалованье исправника уездного полицейского управления и пешего урядника выражалось как 6:1, то в 1925 г. соотношение окладов начальника кантонной милиции и пешего милиционера составляло 3,23:1, в 1929 г. — 2,3:1. Во-вторых, в отличие от других регионов, в кантмилициях области не наблюдалось разницы окладов среди лиц, занимавших одинаковые должности.

Принятые к середине 20-х гг. XX в. меры позволили несколько улучшить положение милиции. В феврале 1924 г. вся милиция Сернурского кантона получила форменные шинели[52] Если к 1 января 1925 г. областная милиция была удовлетворена вещевым довольствием и оружием лишь на 30 %[53], то в июле было обмундировано 67 % личного состава, обеспеченность винтовками составила 117 %, револьверами — 81 %. Однако техническое состояние вооружения было неудовлетворительным: оружие было разносистемным и в значительной степени устаревшим; 50 % оружия было негодным[54]. По-прежнему сказывались необеспеченность предусмотренных мероприятий централизованным финансированием и неспособность местных властей содержать милицию на приемлемом уровне за счет собственных средств. В результате материально-техническое обеспечение милиции, как и правовая и социальная защищенность ее работников, оставались на низком уровне, не соответствовали сложившемуся уровню криминализации общества. Нормы обеспечения милиции оружием, боеприпасами, форменным обмундированием не выдерживались.

В 1928 г. по итогам обследования кантисполкомов были поставлены те же задачи, что и на второй сессии облисполкома, — обеспечить кантмилицию удобным оружием, боеприпасами и обмундированием[55]. К концу 1929 г. личный состав областной милиции все равно был обмундирован лишь на 50 %[56].

Совершенствовалась система отпусков. Положение о службе Рабоче-крестьянской милиции (1925 г.) установило для работников милиции ежегодный оплачиваемый отпуск. Кроме того, предусматривалось предоставление внеочередных отпусков продолжительностью не более месяца в связи со смертью или тяжелой болезнью ближайших родственников или с постигшим семью стихийным бедствием. Вскоре решением НКТ РСФСР были вновь введены дополнительные отпуска для некоторых категорий работников уголовного розыска[57]

В повышении уровня благосостояния работников милиции важное место отводилось государственному страхованию. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 11 ноября 1927 г., было введено государственное страхование работников милиции на случай гибели или получения инвалидности при исполнении служебных обязанностей. Однако оно носило избирательный характер и не было распространено на начальствующий состав и административно-хозяйственный персонал[58].

Недостаточное финансовое обеспечение деятельности органов милиции, с одной стороны, в целом явилось причиной того, что квалифицированные специалисты предпочитали трудоустраиваться в иные структуры, где размер заработной платы был значительно выше должностных окладов милиционеров. Это обусловило низкий профессионализм милицейских кадров и, как следствие, плохое качество их работы. С другой стороны, неустроенный быт сотрудников милиции, вызванный недостаточным финансированием, а также особые права и полномочия, которые им предоставлялись для выполнения служебных обязанностей, экстремальные, сопряженные с риском для жизни ситуации, нередко вели к нежелательным изменениям в мировоззрении личности, системе ее нравственных ценностей, психическом и физическом состоянии. Все это становилось причиной и условием совершения преступлений милицейскими кадрами. Одни, надорвавшись от чрезмерной нагрузки, рано оставляли работу[59], другие ударялись в пьянство. Имели место случаи самоубийств[60].

Таким образом, государственное обеспечение милиции и социально-правовая защита ее работников носили в

рассматриваемые годы бессистемный характер. Многие проблемы, накапливавшиеся в этой сфере, решались со значительным отставанием. Вместе с тем в 20-е гг. произошел постепенный, хотя и весьма неравномерный, рост жизненного уровня кадров милиции: увеличились заработная плата, общественные фонды для бесплатного удовлетворения или предоставления льгот в обеспечении социально-культурных нужд (получение образования, медицинского обслуживания, содержания детей в дошкольных учреждениях, организация отдыха и т.д.). С другой стороны, в ситуации дефицита и острой проблемы неудовлетворенного спроса сотрудники милиции, обладая значительным объемом власти, имели доступ к различным материальным благам.

Оценивая социально-правовое положение личного состава марийской милиции в 20-е гг. XX в., следует отметить, что на всех этапах этого сложного периода оно во всем соответствовало политическим реалиям, экономическим и социальным условиям жизни страны. Милиция служила народу и делила с ним все успехи, заботы и невзгоды, выпавшие на долю того поколения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Рабоче-крестьянской милиции (Положение): Декрет ВЦИК и СНК от 10.06.1920 // СУиР РКП. 1920. № 79. Ст. 371. Параграфы 9, 8.

[2] Государственный архив Республики Марий Эл (далее ГА РМЭ), ф. Р-35, оп. 1, д. 87, л. 57.

[3] *Тимофеев В.Г.* На страже правопорядка: становление, развитие и деятельность органов милиции Чувашии в предвоенные годы (1917—1941 гг.). Чебоксары, 1996.

[4] ГА РМЭ, ф. Р-633, оп. 1, д. 1, д. 52, л. 18.

[5] ГА РМЭ, ф. Р-61, оп. 1, д. 2, л. 38.

[6] ГА РМЭ, ф. Р-92, оп. 1, д. 5, л. 13; Р-61, оп. 1, д. 2, л. 67.

[7] ГА РМЭ, ф. Р-92, оп. 1, д. 9, л. 151.

[8] ГА РМЭ, ф. Р-92, оп. 1, д. 25, л. 1, 8. Подсчеты автора.

[9] ГА РМЭ, ф. Р-633, оп. 1, д. 45, л. 10.

[10] О составлении общего государственного бюджета на 1922/23 год: декрет СНК РСФСР от 6 сентября 1922 года // СУиР РКП. 1922. № 57. Ст. 725.

[11] ГА РМЭ, ф. Р-238, оп. 1, д. 97, л. 31.

[12] ГА РМЭ, ф. Р-384, оп. 2, д. 2, л. 5.

[13] ГА РМЭ, ф. П-1, оп. 1, д. 109, л. 35.

[14] Сборник приказов начальника Центрального административного управления НКВД — Начальника милиции Республики. 1923. № 51.

[15] ГА РМЭ, ф. П-1, оп. 1, д. 103, л. 20-в.

[16] ГА РМЭ, ф. П-1, оп. 1, д. 338, л. 112.

[17] ГА РМЭ, ф. Р-250, оп. 1, д. 993, л. 45.

[18] ГА РМЭ, ф. Р-250, оп. 1, д. 221, л. 1—2.

[19] *Шамаров В.М.* Правовые и организационные основы государственной службы в РСФСР (1917—1930 гг.): Учеб. пособие. М., 1998. С. 100.

[20] Новый путь. 1923. № 5. С. 9.

[21] Некоторые зарубежные исследователи вопреки фактам в целях дискредитации РКМ утверждают, что сотрудники милиции имели неограниченные преимущества и всевозможные льготы. См.: *Малыгин А.Я.* Критика буржуазных фальсификаций по вопросам строительства органов внутренних дел Советского государства (исторический аспект): Учеб. пособие. М., 1989. С. 80.

[22] ГА РМЭ, ф. П-149, оп. 1, д. 145, л. 9, 11.

[23] ГА РМЭ, ф. П-1, оп. 1, д. 109, л. 182.

[24] ГА РМЭ, ф. П-1, оп. 1, д. 110, л. 17-б.

[25] ГА РМЭ, ф. П-1, оп. 1, д. 110, л. 5, 12.

[26] ГА РМЭ, ф. Р-339, оп. 1, д. 11, л. 150.

[27] ГА РМЭ, ф. П-5, оп. Оп. 1, д. 166, л. 6.

[28] ГА РМЭ, ф. П-10, оп. 1, д. 3, л. 9.

[29] ГА РМЭ, ф. П-14, оп. 1, д. 2, л. 17, 58.

[30] ГА РМЭ, ф. Р-339, оп. 1, д. 11, л. 223.

[31] ГА РМЭ, Ф. Р-66, оп. 1, д. 19, л. 84.

[32] ГА РМЭ, ф. Р-339, оп. 1, д. 11, л. 223.

[33] ГА РМЭ, ф. П-14, оп. 1, д. 6, л. 39.

[34] ГА РМЭ, ф. Р-250, оп. 1, д. 704, л. 14.

[35] ГА РМЭ, ф. Р-46, оп. 1, д. 2, л. 169.

[36] Положение о службе Рабоче-крестьянской милиции: Декрет ВЦИК и СНК от 28.09.1925 // СУиР РКП 1925. № 68. Ст. 539.

[37] ГА РМЭ, ф. Р-250, оп. 1, д. 269, л. 44—45, 47.

[38] История советской милиции. Т. 1. М., 1977. С. 254.

[39] ГА РМЭ, ф. Р-250, оп. 1, д. 221-а, л. 90.

[40] Об улучшении положения работников Рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 октября 1927 года // СУиР РКП. 1927. № 98. Ст. 656.

[41] О мерах улучшения быта и службы работников Рабоче-крестьянской милиции: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 ноября 1927 года // СУиР РКП. 1927. № 113. Ст. 761.

[42] Об установлении периодических прибавок к заработной плате за выслугу лет для работников строевого и активного состава милиции: постановление ВЦИК и СНК РСФСР // СУиР РКП. 1928. № 51. Ст. 386.

[43] ГА РМЭ, ф. Р-250, оп. 1, д. 864, л. 123.

[44] ГА РМЭ, ф. Р-384, оп. 2, д. 16, л. 47.

[45] История социалистической экономики СССР. М., 1977. Т. 2. С. 450.

[46] Месячная зарплата милиционера в МАО составляла 42 руб., кроме того, они получали 8 руб. квартирных ежемесячно. См.: ГА РМЭ, ф. Р-384, оп. 1, д. 110, л. 113.

[47] История социалистической экономики СССР. М., 1977. Т. 3. С. 498.

[48] ГА РМЭ, ф. Р-227, оп. 1, д. 214, л. 498, 530.

[49] ГА РМЭ, ф. П-12, оп. 1, д. 46, л. 3.

[50] ГА РМЭ, ф. П-10, оп. 1, д. 68, л. 89.

[51] Жалованье чиновников уездного полицейского управления было заметно выше: исправник получал 150, помощник исправника — 100, пристав — 60, пеший урядник — 25 руб. См.: ГА РМЭ, ф. 49, оп. 1, д. 1597, л. 49; ф. 100, оп. 1, д. 858, л. 7, 20.

[52] ГА РМЭ, ф. Р-339, оп. 1, д. 11, л. 136.

[53] ГА РМЭ, ф. Р-250, оп. 1, д. 221-а, л. 47.

[54] ГА РМЭ, ф. Р-250, оп. 1, д. 221-а, л. 186.

[55] ГА РМЭ, ф. П-12, оп. 1, д. 138, л. 176, 181.

[56] ГА РМЭ, ф. Р-250, оп. 1, д. 961, л. 2.

[57] Официальный бюллетень ЦК профсоюза советских и торговых служащих СССР. 1927. № 7. С. 13.

[58] Официальный бюллетень ЦК профсоюза советских и торговых служащих СССР. 1927. № 3. С. 45.

[59] ГА РМЭ, ф. П-1, оп. 3, д. 1936, л. 6, д. 2553, л. 7 и др.

[60] ГА РМЭ, ф. П-11, оп. 1, д. 61, л. 97.

Поступила 08.09.2005.

Г.Н.СЕМЕНОВА

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ НАРОДА В ИМЕННЫХ КОМПОЗИТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ)

Национальное мировоззрение наших предков проявилось на всех уровнях бытия нации, ее стиля жизни, хозяйственного уклада общества. Это хорошо прослеживается на примерах именных композитов, представляющих собой термины родства, религиозных верований. Именными композитами называются двучленные наименования, структурно организованные по моделям определительных словосочетаний (рус. божий свет, чув. *вутăш хĕр* «русалка»). В лингвистической литературе они называются сложными словами, составными терминами, композитными образованиями. Эти единицы фиксируются почти во всех естественных языках мира и являются языковыми универсалиями.

В настоящее время функциональный аспект взаимосвязи специфики национальной культуры и семантических исследований является одной из наиболее актуальных проблем. Изучение этого вопроса позволяет расширить онтологическую картину языка как общественного явления. У каждого народа, помимо символов, эталонов, общих с другими народами, существует система образов, характерных для данной лингвокультурной общности. В лингвистических исследованиях неоднократно упоминается о том, что, раскрывая образный стержень языкового выражения, можно восстановить воззрения народа на ту или иную эпоху. Это говорит об индивидуальности образного мышления народа, представляющего собой сложный ассоциативно-психологический процесс.

СЕМЕНОВА Галина Николаевна, доцент кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета, кандидат филологических наук.

Языковая избирательность, несомненно, связана с объективными факторами. В частности, с различием природных и социально-экономических условий, в которых живут носители соответствующих языковых вариантов, особенно с практическими потребностями носителей соответствующего языка. Изучение именных композитов в гносеологическом и онтологическом аспектах позволяет рассмотреть процесс отражения национальной культуры в языке и выявить факторы, способствующие образованию их значений в языке и речи.

Экологическая среда, при всей ее необходимой для существования человека однородности, значительно различается в разных регионах земли по особенностям климата, фауны, флоры и чисто ландшафтными характеристикам. Попадая в сферу человеческой деятельности, природные образования вовлекаются в область культурных интересов социума и получают названия, отображающие общественный опыт носителей языка, их субъективные и прагматические оценки. Природные метафоры становятся своеобразным метафорическим мерилом окружающей нас природы, принимая участие в образовании новых понятий. На операционном аспекте человеческой деятельности сказываются и особенности историко-культурного характера, поскольку человека окружают не только природные явления, но и предметы, созданные людьми, в которых отображена деятельность предшествующих поколений.

В религиозном представлении наших предков язычников человек и природа были едины. Закономерности номинативной деятельности человека, имеющие древнейшие корни в дологическом мышлении, во все времена привлекали внимание научной мысли. Исследования дологического мышления (отложившегося в языке, мифологии, религии, искусстве), должны начинаться с поисков первичных, доисторических форм зарождения представлений человека о мире, не базирующихся на категориях рассудка. Г.М.Матвеев отмечает: «Религиозно-мифологическая информация народа о мире не менее важна, чем научная, т.к. она является одним из источников для анализа этноса, его менталитета, образа жизни, традиций и обрядов, т.е. его материальной и духовной культуры»[1]

Язычество — это религия, которая в представлении дохристианских чувашей почитала культ сил природы (воды, огня, животных, птиц, растений), а также небесных светил (главным из которых было Солнце), их перевоплощение в человека и наоборот. Язычество служило для наших предков одним из объединяющих начал. «Эти верования в те далекие времена были очень устойчивы и в силу этого они в известной мере модифицировали многие понятия ислама, а позже и христианства», — отмечает М.Р.Федотов[2]

Так, языческие культовые обряды незаметно слились с культом мусульманских и христианских святых с сохранением привычных им терминов или заимствованием новых слов, многие из которых все еще сохраняются у чувашей, мари, мордвы, удмуртов, коми и даже у тюрок-мусульман (татар, башкир и т.д.) в одинаковом или сходном звучании. Например, культ богородицы (чув. *турă амĕшĕ*) — понятие, заимствованное из христианского вероучения. Оно внедрилось в сознание благодаря тому, что у чувашей издавна существовала вера в *ама* «самка», «мать», «название богини, которая считается матерью всего мира». То же мы наблюдаем у соседних тюркских и финно-угорских народов, где обожествляется идея рождения. Если явления природы рождаются, значит у них есть родоначальница — мать. Видимо, поэтому основной частью собранного нами материала по этой лексико-семантической подгруппе составляют названия женских божеств: *хĕвел амăшĕ* «мать солнца», *çĕр амăшĕ* «мать земли», *çут амăшĕ* «матерь света», *киремет амăшĕ* «матерь киремети», *тырă амăшĕ* «матерь злаков», *вут ами* «мать огня» и т.д. Видимо, они возникли еще в эпоху матриархата.

Магическая функция языка в архаичных культурах обусловлена мифологическими представлениями народа, одухотворением окружающего мира. По мысли Э.Кассирера, структура мифологического и языкового мира в значительной степени определяется одинаковыми духовными представлениями: «Миф оживает и обогащается благодаря языку, а язык — благодаря мифу»[3]

Терминами родства называются слова, образующие определенную лексико-семантическую группу с интеграль-

ным признаком «родственные отношения между людьми». Терминология родства относится к наиболее архаическим пластам лексики. В этой лексико-семантической группе названия, отражающие главнейшие родственные отношения входят в основной словарный фонд каждого языка. По подсчетам исследователей, в чувашском языке тематический ряд, включающий термины родства, включает более сорока названий. Описанию и изучению семейно-родственных отношений у отдельных тюркских народов посвящены работы многих отечественных ученых, прежде всего в этнографическом плане. Есть такие работы и у чувашских исследователей (Н.И.Ашмарин, В.Г.Егоров, Н.И.Егоров, В.И.Сергеев и др.).

В частности, Н.И.Егоров так характеризует современное состояние чувашской терминологии родственных отношений в историко-этимологическом плане. «В своей основной, архаичной части она через последовательные диахронические уровни восходит к пратюркской терминологии родства, которая была общим достоянием предков всех или большинства современных тюркоязычных народов. Наряду с архаичными элементами современная чувашская терминология родства и свойства содержит в своем составе ряд инноваций, проникших в булгаро-чувашский язык главным образом в золотоордынский и казанский периоды среднебулгарской эпохи. В новобулгарскую или собственно чувашскую эпоху система чувашской терминологии родства обогащалась в основном за счет русских заимствований»[4] Мы коснемся лишь некоторых особенностей чувашской системы родства, относящихся к объекту нашего исследования, а именно тех терминов, которые представляют собой именные композиты.

Родство у чувашей, как и у других народов, распадается на родство по отцовской и материнской линиям. Для названия бабушки и дедушки со стороны отца используются композиты, образованные сложением двух слов: асанне < *аслă* «старшая» + *анне* «мать», асатте < *аслă* «старший» *атте* «отец». По этому же типу образуются слова для обозначения бабушки и дедушки со стороны отца в других тюркских языках (уйг. *чан ана*, кирг. *чон эне*, тур. *буйук анне*, кирг. *чон ата*, ног. *карт атай*)[5].

Заказ № 4571

В современном чувашском языке, как и в некоторых других тюркских языках, на уровне диалектов существуют по два, иногда по три и более термина для обозначения одного и того же родственного отношения. Есть они и для обозначения бабушки (*аслапай, асапай* < *аслӑ апай, ват асанне* < *ват* «старая» + *асанне* «бабушка», *ват кукамай* «старая бабушка» и *ват асатте* < *ват* «старый» + *асатте* «дедушка», *мӑн асатте* < *мӑн* «крупный, большой» + *асатте* «дедушка»). Видимо, слово *аслӑ* «большой, старший» было в особом почете у наших предков. Оно встречается в составе не только других терминов родства (*аслӑ акка, мӑн акка* «старшая из сестер», *аслӑ ывӑл* «старший сын», *аслӑ инке* «жена старшего из старших братьев моего мужа», *аслӑ кин* «старшая сноха», *аслӑ хӗрсем* «старшая из младших сестер мужа»), но и при обозначении разных понятий и предметов, связанных с историей и этнографией народа, к которым его представители относились с особой почтительностью и уважением: *аслати* «гром», *аслати амӑшӗ* «мать бога-грома», *аслати турри* «бог грома», *аслати тухнӑ аслӑ ырӑ* «название божества, которому подчинена та часть неба, где возникает гром».

К широко употребляемым терминам родства по крови относятся термины *ывӑл* «сын» и *хӗр* «дочь». Они являются не только терминами родства в собственном смысле слова, но обладают более широкой семантикой: выражают понятия «мальчик», «дитя мужского пола», «юноша» и «девочка», «девушка», «дитя женского пола». Это свойственно многим тюркским и нетюркским языкам. На основе этих терминов образуется множество терминов-композитов, состоящих в основном из двух, реже трех и более компонентов. Младшие братья мужа, за исключением первого из них, которого сноха зовет «*ывӑлсем*», прочие называются *чипер ывӑл* «второй деверь» (досл. «красивый, пригожий сын»), *вӑталӑх ывӑл* «третий деверь» (досл. «средний сын»), *сарӑ ывӑл* «четвертый деверь» (досл. «русый (светлый) сын»), *шур ывӑл* «пятый сын» (досл. «белый сын»), *кӗҫӗн ывӑл* «младший деверь» (досл. «младший сын»). Термин *хӗр* также является общетюркским, он имеет лишь различные фонетические окраски в соответствии с характерными для того или иного языка фонетическими особенностями.

Каждый национальный язык имеет исторически сложившуюся систему антропонимов. В основе этих наименований отражаются менталитет народа, его история, события повседневной жизни и быта. В.У.Махпиров отмечает, что мужские и женские имена у тюрков различались отчасти и по семантике. Названия хищных животных и птиц, слова со значениями доблести, геройства, силы, мудрости и т.п. становились именами мальчиков, а наименования цветов и драгоценностей, слова, выражающие понятия красоты, нежности и т.п. составляли основу женских имен[6] Это подтверждается и на материале чувашского языка. В состав дохристианских личных женских имен в качестве постпозиционного элемента часто входил формант *пи* (пике «сударушка, госпожа»), а первыми компонентами становились «слова-посулы»: «луна», «солнце», «здоровье» и т.п. (Уйăхпи, Хĕвелпи, Сывлăмпи).

В целом многообразие предметных систем, объединяющих прозвища, может быть сведено к нескольким сферам: ***внешние признаки*** (*Вĕтти Алюшĕ* «досл. мелкий, низкорослый Алеша», *Вăрăм Васҫилъ* «досл. длинный Василий», *Кăтра Маĕрне* «досл. кудрявая Матрена»); ***внутренние признаки*** (ярко выступающие те или иные особенности характера или поведения лица): *Шăрчăк Гали* «досл. *шăрчăк* „сверчок“ + *Галя*» (заносчивая, неуравновешенная женщина), *Малти Туня* «досл. *малти* „передняя, в первых рядах“ + *Антонина*» (женщина, имеющая качества лидера), *Суя Макҫăм* «досл. *суя* „ложь, обман“ + *Максим*» (любитель приврать), ***род деятельности*** (профессия, любимое занятие): *Кантăк Якур* «стекольщик Егор», *Арман Кĕркури* «мельник Григорий», *Стрелук Васҫи* «стрелочник Василий».

Как видно из примеров, персоналии получают название как по существенному, так и по несущественному признаку. Выбор наименования животного или птицы (зоономики) в качестве прозвища часто определяется своеобразием окружающего мира, населяющего данную территорию, распространенностью или хозяйственной ценностью того или иного животного: *Мулкач Ваньки* «досл. „заяц“ + Иван» (любил охотиться за зайцами), *лашă Петĕрĕ* «досл. „лошадь“ + Петр» (всю жизнь работал конюхом), *Шăши Толи* «досл. „мышь“ + Толя» (имеет маленький рост).

Наблюдения показывают, что основной моделью чувашского географического имени является двухкомпонентная синтагма, образующаяся часто за счет географических номенов. Они представлены атрибутивными и предикативными разновидностями, из которых первая составляется непритяжательной и притяжательной атрибутивными синтагмами с их многочисленными вариантами. Таковые могут иметь в качестве второго компонента безаффиксальное имя нарицательное и имя собственное, или имя нарицательное аффиксальное. В притяжательную атрибутивную синтагму входят и такие сочетания слов, которые в тюркологической литературе принято называть «изафетом», при этом компоненты могут быть оформлены: без фонетических изменений и с фонетическими изменениями. Например, А.С.Канюкова приводит следующие примеры топонимов Цивильского района с компонентами *ту* (диал. *тăв)* «гора» и *уй* (диал. *ой)* «поле»: Хуралту «Караульная гора»; *Çăватайкки* «название леса, который находится вблизи скотомогильника, на горе»; *Хултăвай* «название горы, находящейся вблизи города»[7]

Роль и значение географического фактора в формировании и функционировании топонимиконов различных этносов не одинаковы. Н.Д.Петрова, анализируя названия административно-территориального устройства (названия британских и американских городов и штатов), подчеркивает, что они отражают своеобразие природно-географической среды и истории, особенности быта и обычаев населения. При этом приводятся следующие примеры: штат Миссисипи — Магнолиевый штат (это дерево широко распространено в данном штате, оно с 1938 г. является его официальным символом); штат Орегон — Бобровый штат (название ассоциируется с той ролью, которую играла пушнина, в частности шкурки бобра, в истории орегонского края. Жители штата Орегон с гордостью воспринимают прозвище «бобры», так как с ними у американцев ассоциируются такие качества, как сообразительность, трудолюбие, изобретательность). «Данные наименования можно отнести к вариантам топонимов как по функциям значения названий, так и по их эмоциональной и социальной нагрузке»[8]. Интересен вывод Е.А.Керимбаева относи-

тельно казахских имен, обозначающих тот или иной цвет, величину, форму, размер: «Это объясняется большим значением (ролью) зрительного (визуального) восприятия кочевниками реалий окружающей их среды, физико-географических объектов»[9].

Исследования функционирования топонимов проливает свет и на проблему взаимодействия языков и является отражением общего процесса взаимовлияния и взаимообогащения контактирующих языков. Например, для выяснения вопросов культурно-исторических схождений и расхождений чувашского, марийского и других народов большую ценность представляют названия населенных пунктов, маркированные формантами *-кар, -мар(-мер), -ваш(-вăш)*. Относительно *-кар* (со значением *гнездо, город*) М.Р.Федотов замечает, что он входит в состав шести чувашских топонимов, часто встречается в топонимах Коми АССР (Сыктывкар, Шурышкар), Удмуртской АССР (Ошак-Кар, Жутэм-Кар, Зуй-Кар, Садей-Кар, Пор-Кар). Сюда же относится марийское назание горы в Сернурском районе: *Мышкар курык* (р. Муш + *кар* + *курык* «гора»), букв. «Крепостная гора на р. Муш»[10] Автор делает вывод о том, что общность топонимов с формантом *-кар* указывает на общность их создателей, которыми были финно-угры, возможно, времен их пермской общности. Он также допускает вариант кавказского заимствования и высказывает мнение, что ряд слов чувашского языка подтверждает существование контактов между тюркоязычными и ираноязычными племенами.

В словаре Н.И.Ашмарина приводятся примеры ойконимов (17 селений) с компонентом Хапăс: Анаткас Хапăс, Мăн ял Хапăс, Çĕн ял Хапăс, Чиркӳллĕ Хапăс (по-русски Абызово) и т.д. М.Р.Федотов приводит следующую словарную статью относительно этого слова: «Арабское слово хафиз (знающий наизусть Коран) у казанских татар (абыз) означает ученого, а у чуваш (апăс) — знатока молений, а также повитуху»[11] В словаре Н.И.Ашмарина дается следующий комментарий относительно значения этого слова: «Нечто в роде жреца на молениях. «Апăс» — глава совершающих моленье, он знает молитвы, употребляемые при жертвоприношениях лучше, чем другие. Когда сварят кашу

и выложат ее в посуду, то прикажут призвать жреца и велят ему совершить моленье. Также означает бабку-повитуху, очевидно, по той причине, что они являются исполнительницами некоторых обрядов, связанных с рождением ребенка»[12].

Таким образом, онимия любого народа содержит огромный информационный культурно-исторический потенциал. Она может заключать в себе сведения о расселении и этническом составе народов, а также о материальной и духовной культуре, отражать религиозное мировоззрение и верования, обычаи и другие сферы духовной и социальной жизни народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Матвеев Г.М.* Мифологическая картина мира. Конспект лекций. Чебоксары, 2003. С. 3.

[2] *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990. С. 62.

[3] *Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 41.

[4] *Егоров Н.И.* Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1982. С. 3—26.

[5] *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 34.

[6] *Махпиров В.У.* Структурно-функциональное развитие антропонимических формантов в тюркских языках // Советская тюркология. 1985. № 4. С. 37—44.

[7] *Канюкова А.С.* Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965. С. 130—131.

[8] *Петрова Н.Д.* Национально-культурные семы в структуре значения английских фразеологических единиц // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 16.

[9] *Керимбаев Е.А.* Этнокультурные основы номинации и функционирования казахских собственных имен: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1992. С. 19.

[10] См.: *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. С. 13.

[11] *Федотов М.Р.* Материалы к историко-этимологическому словарю чувашского языка. Чебоксары, 1992. С. 21.

[12] *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка: В 17 т. Т. 1. Чебоксары, 1994. С. 285.

Поступила 30.03.2005.

О.Г.БЕЛОМОЕВА

ЭТНОФУТУРИЗМ: РЕГИОНАЛЬНОЕ В ГЛОБАЛЬНОМ

Проблема развития региональной культуры в условиях глобализации приобрела в настоящее время особую остроту, став предметом дискуссий. Она представляет широкий спектр мнений, касающихся выбора стратегий сохранения региональной культуры в глобализирующемся мире и не ограничивается двумя вариантами: «бессодержательный космополитизм» или «бессердечная замкнутость». Можно выделить несколько типов проявления самобытности в современности: «самобытность как форма закрытости», «самобытность в условиях открытости», «самобытность, устремленная в будущее». В целом, в основе сложившейся ситуации развития этнических культур лежит понимание того, что сейчас уже не представляется возможным жить лишь за счет культурного наследия прошлого. Центр внимания в решении этой проблемы смещается в сторону поиска возможностей существования современного локального, регионального в глобальном, что, по-видимому, наиболее оптимально решается путем соотнесения региональных культурных традиций с общими проблемами развития культуры в современности.

Вступление во все более интегрирующееся мировое сообщество неизбежно рождает стремление соответствовать новой социокультурной ситуации, связанной с процессами глобализации. Особенно наглядно оно проявляется в сфере российской художественной культуры, которая уже накопила некоторый опыт продвижения локального в глобальное. В последнее время в ней появились яркие примеры попыток соответствовать «глобальным», универ-

---

БЕЛОМОЕВА Ольга Герольдовна, доцент кафедры культурологии Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

сальным тенденциям развития культуры, одной из которых является художественный феномен, получивший название «этнофутуризм». Сам термин представляется весьма дискуссионным, но нельзя не отметить, что явление это уже претендует на то, чтобы иметь собственную историю.

Этнофутуризм сложился как стилистическое направление в профессиональном искусстве финно-угорских народов и получил распространение в литературе, музыке, изобразительном искусстве. В Мордовии он наиболее ярко развивается в области живописи и графики.

Эстетической программой этнофутуризма становится актуализация этнических форм (региональная культура) в поле постмодернистской культуры (глобальная культура). В архаическом искусстве как бы заново были открыты опыт интуитивного прозрения коллективного бессознательного, сопутствующая архаике могучая магическая энергия, вера в жизнь. В отличие от других видов искусства в живописи, графике, скульптуре в первую очередь нашел воплощение легендарно-мифологический мир, «некое архаико-магическое единство, особая Вселенная, куда и устремлены помыслы интеллектуалов»[1] В этом искусстве, пользующемся весьма условным художественным языком, нашли воплощение важнейшие элементы традиционной картины мира, тем более, что для него наиболее характерны космогонические и этногонические сюжеты и мотивы. Формой их воплощения помимо станковых произведений непременно становятся хэппенинги, перформансы, инсталляции, традиционные для искусства авангарда. Построенный на единстве двух удаленных друг от друга во времени художественных и культурных феноменов — архаической традиции и авангардных поисках новой выразительности конца XX в., этнофутуризм представляет собой не просто пересказ общепонятным современным языком содержания древней магии и первичных художественных структур, а попытку воссоздать утраченную человечеством картину мира как целого, модель мироздания. Так, региональное сочетается в нем с глобальным.

В изобразительном искусстве Мордовии этнофутуризм наиболее репрезентативен в творчестве Ю.А.Дырина и Л.Н.Колчановой.

В произведениях Ю.Дырина тематический репертуар, характерный для этнофутуризма, пожалуй, наиболее широк. Сквозной темой его работ является мотив творения. Художник актуализирует архетипические представления о тотемных предках, воплощая мир истоков культуры. Главное место во многих его картинах занимает зверь, тело которого прекрасно и фантастично одновременно, потому что представляет собой исток, из которого проистекало некогда все многообразие жизни. Дерево предстает как предок, божество. Природа, напоенная в его произведениях чаще всего светом, теплом, радостью, явленная как земля обетованная, также воспринимается как условие продолжения жизни. Особое место в образах Ю.Дырина, однако, занимает человек. Он не всегда находится на первых ролях, но, как правило, всегда значим как смысловая константа образа произведения. Он не просто частичка Вселенной, он неотъемлемая часть мира, несущая в себе его духовные устои.

Чаще всего эти образы (зверь, дерево, природа, человек и некоторые другие) бывают заключены в сложные смысловые связи, создавая в картине не только модель мироздания, но воплощая само понятие Жизнь, как главную и единую для всех людей ценность. Уже само обращение к архетипам, лежащим в основе коллективного бессознательного, независимо от этнической или национальной принадлежности, делает содержание работ общепонятным и общезначимым, выводит их в транскультурное пространство; локальное становится глобальным.

Следует отметить также, что в произведениях Ю.Дырина мы встречаем мифологические сюжеты не только периода первобытности, но и греческой, индийской, славянской древности, «природные и культурные реалии» Африки, Южной Америки, разнообразные фольклорные мотивы, которые выражают интерес художника к Другому, его стремление выйти за пределы родной культуры в межкультурное пространство и осмыслить общность корней, позволяющих воспринять человечество как некую общность, а мировое пространство — как родной дом.

Следует обозначить и некоторые особенности художественного языка, свойственного работам Ю.Дырина, спо-

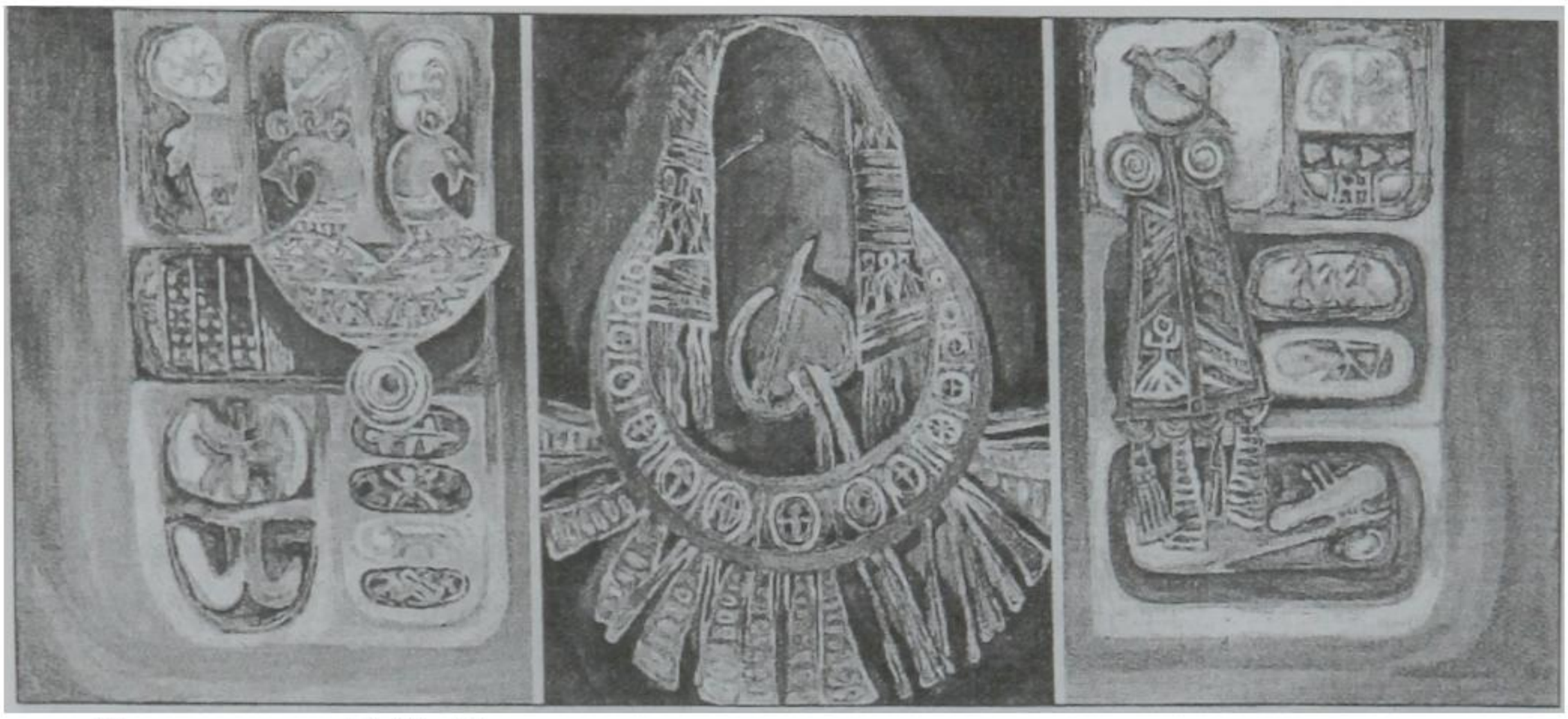

Дырин Ю.А. Лесной олень. 1998. Х., м.

собствующие достижению этого эффекта. По нашему мнению, это дальнейшее развитие традиций примитивизма, зародившегося на рубеже XIX—XX вв. Однако этнофутуризм, опираясь на его тяготение к сознательному упрощению художественных средств и ориентацию на формы примитива, наивного искусства, актуализировал в первую очередь свойственный для него декоративизм и орнаментальность художественных решений. Эти художественные качества лежат в основе любого народного искусства, как бы сближая традиционные культуры на почве особенностей художественного видения. Эта общность также выводит локальную традицию в глобальное пространство, продлевая ей жизнь.

Весьма условен художественный язык и в произведениях Л.Колчановой. В них также преобладает декоративное начало, проявляющееся и в особенностях понимания художницей цвета, формы, плоскости холста. Однако особое внимание автора занимает проблема пространства. Оно, даже в небольших по размеру холстах, как правило, тяготеет к вселенским масштабам, помогая Л.Колчановой создать живописно-пластическую модель мироздания. Она включает множество явлений живой и неживой природы, образы «второй» природы, созданной человеком, его самого и его жизнь. Но каждое из них в картинах художницы изоморфно универсуму, равнозначно ему и представляет собой микрокосм. В этом следует усматривать близость ее искусства мировоззренческим ориентирам народного искусства, микрокосм которого заключает в себе модель мира. С другой стороны, было бы неверно связывать творчество современной художницы только с обращенностью в прошлое. Ее опыты в воплощении модели мироздания в первую очередь отражают умонастроения современного мира, для которого в условиях глобализации вновь актуализировалась проблема понимания человечества как единого рода.

Средоточием мироздания для художницы являются многообразные ценности. Это традиционное женское украшение из праздничного мордовского костюма, в древности выполнявшее магическую (роль оберега) и эстетическую функции («Сюлгам»), это христианский храм как микровоплощение вселенной («Ситцевая Русь»), человек и его

Колчанова Л.Н. Украшение средне-цинской мордвы. 2003. Х., м.

жизнь («Житие мое»), тотемические образы («Быки», «Птицы»), национальные символы («Русь! Возродись») и т.п. Но всякий раз пространство ее работ — это сакральное пространство, рождающее у зрителя богатые ассоциации, ощущение свободы, вселенского простора, и радости от осознания причастности к этому необъятному Бытию.

Не менее значимой частью творчества Л.Колчановой является моделирование одежды. Она известна в республике и за ее пределами не только как автор самостоятельных коллекций, но и как педагог Саранского художественного училища им. Ф.В.Сычкова, под руководством которой студенты выполнили ряд проектов, получивших всероссийское признание.

Представляется, что моделирование одежды является той сферой деятельности художника, которая приобретает совершенно особое значение в современности. В первую очередь это связано с ярко выраженной востребованностью данной сферы деятельности и ее результатов, особенно, как считает М.Миловзорова, в провинции: «Ориентированность провинциальной культурной среды на «функциональность», понимаемую многообразно, — явление исторически закрепленное, обусловленное, возможно, более строгой регламентированностью быта провинции, зависимостью от множества регулирующих факторов. ...Эта исторически определенная культурная функциональность» может стать

тем «местным контекстом», выявление которого в произведении актуального искусства позволит ему не просто вписаться в провинциальную среду, но и формировать (переформировывать) в соответствии с современными культурными представлениями. Таким образом и будет решаться задача коррекции культурного сознания, по крайней мере, — в его эстетической составляющей»[2]

Сфера моделирования позволяет Л.Колчановой разрешить проблему традиции и моды в ее актуальном прочтении как соединение транснационального с региональным. Как отмечает Н.Ю.Лысова, «прямые рубашечные или конусообразные силуэты образуют большие свободные поверхности, требующие декоративного украшения... Исходя из народных принципов орнаментации одежды, декоративные элементы располагаются в определенных, продиктованных конструкциями моделей местах — на груди, оплечье, конце рукавов, подоле»[3] В этом, по нашему мнению, можно усматривать проявление глобального, поскольку такие приемы используются в огромном большинстве комплексов традиционной одежды народов мира. Региональный компонент, в свою очередь, находит воплощение в использовании традиционных техник (вышивка, бисерное плетение и пр.) и элементов орнамента, составных частей костюма и др. Костюмы не теряют своего «локального звучания» даже несмотря на то, что автор «сознательно уходит от традиционной для мордовского рукоделия колористической гаммы, выбирая актуальную для современности тоновую мелодию»[4].

Коллекции одежды, выполненные под руководством Л.Колчановой студентами Саранского художественного училища им. Ф.В.Сычкова, также отмечены органичным соединением регионального и транслокального. Для моделей, показанных на IV международном конкурсе высокой моды национального костюма в номинации «Авангард» в Москве в апреле 2005 г., характерно свободное отношение к известной традиции, что, однако, не мешает говорить о сохранении в них самобытности. Сочетание модных форм одежды с элементами традиционного декора создает неповторимый образ модели. При этом, как было отмечено жюри, образный строй коллекции, представленной на

конкурс, привлек отсутствием характерных для современной моды агрессивной брутальности и гиперсексуальности и, напротив, был отмечен общим добрым настроем, что также всегда было свойственно народной одежде. Отмеченными оказались также грамотность конструктивных решений и предельная аккуратность художественного исполнения показанных учащимися моделей.

Следует обратить внимание также на характерную в данном случае установку на коллективное творчество, способствующей реализации идеи «искусство — социальный мир», которая все чаще характеризует современный художественный процесс, придавая ему черты универсальности. При этом следует отметить, что учебный процесс изначально задал принципиальную равнозначность его участников, что помогло созданию своего рода целостного проекта.

Исполнители не были связаны никакой жесткой стилистической логикой, имели только общие установки и получали право на свободную эстетическую игру, разрушающую границу фиксированных художественных представлений. С одной стороны, создание внестилевых (надстилевых) форм, использующих новые технологии, сегодня является вполне «транскультурным», с другой — фантазии авторов были обусловлены личными, в какой-то степени наивными и провинциальными контекстами. На пересечении этих сфер культурного сознания возникла «зона» художественного смысла, где актуальное-авангардное приобретало «локально-узнаваемый» вид, воплощая тем самым эстетические потенции региона. Немаловажен и тот факт, что авторы использовали для создания моделей ограниченный набор материалов, отвечающий художественным и технологическим традициям народного костюма, что обусловило удивительное эстетическое единство сформированного художественного образа.

Таким образом, этнофутуризм как культурное явление представляет собой один из благоприятных сценариев развития социокультурной ситуации, который позволяет реализовать культурные стратегии развития регионального в глобальном и аккультурации глобального в региональном.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Розенберг Н.* Традиционная культура финно-угров Поволжья и Приуралья в условиях глобализации / Глобализация и локальная культура. Сб. науч. ст. Отв. ред. Г.И.Зверева. М., 2002. С. 146—153.

[2] *Миловзорова М., Раскатова Е.* Современная художественная культура провинции: способы самоидентификации. Там же. С. 127—136.

[3] *Лысова Н.Ю.* Многогранность неизведанного // Центр и периферия. 2003. № 1. С. 64.

[4] Там же.

Поступила 06.07.2005.

ИЛЬИН В.В., КЕВБРИН Б.Ф., ПИСАЧКИН В.А. Макросоциология: Учебник. — Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2004. — 304 с.

В последние 10—15 лет научная общественность не испытывает недостатка в публикациях по различным аспектам социального знания. Особенно это касается социологии. Динамично развиваются исследования в области политической социологии, гендерные исследования, конфликтологические и стратификационные исследования и т.д. Многие из них представляют собой весьма глубокие разработки, детально анализирующие социальную реальность. Это стало возможным благодаря наметившейся за последние 20 лет специализации социального знания, позволяющей детально рассматривать различные аспекты эволюции общества, формулировать практические рекомендации по оптимизации социальных процессов. Развитие современной социологической теории, вобравшей в себя весь плюрализм социологической мысли мира, с высокой долей уверенности позволяет это сделать. Вместе с тем начинает формироваться ситуация дефицита общетеоретического, обобщающего взгляда на механизмы социального развития современного общества, а социальная научная мысль подошла к рубежу (когда «за деревьями не видно леса»), требующего преодоления. Такую возможность предоставляет макросоциологический уровень исследований. Необходимо иметь в виду, что в процессе анализа социальной реальности иногда бывает трудно провести грань между макросоциологическим и социально-философским исследованием. В этом смысле авторам рецензируемой книги, на наш взгляд, вполне удалось это сделать, и она представляет несомненный интерес.

Следуя принципу стандартной компоновки учебных пособий и учебников, авторы, тем не менее, предложили оригинальную структуру книги. Она состоит из пяти глав: «Социология как наука», «Социальные общности», «Социализация», «Социально-историческое развитие», «Социальная трансформация». И дело даже не в том, что «прожженный» опытом лектор не встретит в этой книге привычных тем относительно общества как системы, человека и общества, социальной стратификации и т.д., а в оригинальных подходах к, казалось бы, уже давно решенным научным проблемам.

Анализируя в первой главе предмет, метод, методологию, структуру, ориентацию, стандартную социологическую теорию, понимающую антропосоциологию и базовую концептуальную структуру общества, авторы утверждают, что макросоциология — это раздел социологии, отличающийся от прочих ее разделов масштабом изучения социальной реальности. Разграничение исследовательских ареалов производится экстенсивно (со стороны формы) и интенсивно (со стороны содержания). Теории низшего и среднего уровня комбинируют знанием добытым опытным путем, поисковым потенциалом, а теории высшего уровня (макросоциология) поставляют фундаментальные схемы организации продуктивного опыта. Следовательно, призвание макросоциологии, по мнению В.В.Ильина, Б.Ф.Кевбрина и В.А.Писачкина, состоит в творческом путеводительстве: генерации

базы трактовки социальных явлений, отработке принципов тематизации предметной сферы (С. 3).

Предметом социологии в широком смысле являются общественные системы и организация социальной реальности как пространства самоутверждения жизнедействующей личности. Социологическая проблематика, по мнению авторов, сводится к тематизации вопросов: «что такое общество, какое значение оно имеет в жизни человека, в чем его истинное существо и к чему оно нас обязывает?». В различные эпохи человечество по разному отвечало на эти вопросы. В связи с этим к несомненному достоинству учебника следует отнести характеристику основных направлений теоретической социальной мысли: античности, средневековья (универсализм, символизм, иерархазм, телеологизм), нового времени, просвещения, новейшего времени (антропологизм, историзм, механицизм, натурализм, неомарксизм, органицизм, позитивизм, психоаналитизм, психологизм, структурализм, сциентизм, феноменологизм, формализм, функционализм, холизм, эволюционизм).

Во второй главе анализ социальных общностей осуществлен на микроуровне с диахронией этого вопроса и макроуровне. К микроуровню авторы отнесли группу, охарактеризовав ее как вид сообщества, представляющего собой агрегацию лиц, консолидированных пространственно, темпорально, функционально (С. 54). Она подразделяется на массу, толпу, публику, социальный круг, социальный слой, касту, клику, артель, секту, союз, клуб, клан, корпорацию и партию. Систематизация этих групп представлена большими и малыми группами, стихийными и сознательными, формальными и неформальными, безусловными и условными, референтными и группами членства, ингруппами и аутгруппами. Их диахрония включает в себя первобытное стадо (австралопитеки, архантропы, неандертальцы), догосударственность (родовая община, семья, соседская (территориальная) община, предгосударственность (восточная деспотия, античный полис) и собственно государственность. Причем, начало государственности авторы связывают не с насилием, а с поддержанием, организацией, налаживанием общего воспроизводства. «Главное — не перераспределение, не угнетение, не присвоение прибавочного продукта, а отладка ритма, достижение оптимума работоспособного целого» (С. 74—75).

Важнейшими формами макроуровня социальных общностей В.В.Ильин, Б.Ф.Кевбрин и В.А.Писачкин считают нацию, этнос, этнос-нацию-государство, общество и государство, большую и малую социальности, цивилизацию, Запад и Восток.

Нация, по их мнению, это державоорганизованный народ, сложившийся в данном антропогеоценозе на базе единства исторической судьбы, налаживания функционирования жизневоспроизводительных циклов (С. 91). Причем нации без государства не существует, так как именно оно дает способ консолидации, образования союза солидарности этносов, члены которого отвечают друга за друга и каждый за целостность. Проект государства-нации по определению конфликтен и эгоистичен. Его практическая реализация связана с разрушением фундаментальных начал устроения социальности. Гиперболизируя право наций на самоопределение, автономизирующийся этнос, дезориенти-

рованный преследующей шкурный интерес этнической элитой, попирает другое международное капитальное право — сохранение и поддержание территориальной (государственной) целостности (С. 92). Из этого авторы делают вполне логичное заключение, что носителем государственности является нация-народ, е не нация-этнос. Анализ соотношения понятий «этнос», «нация», «государство» приводит к выводу о том, что можно понимать «нацию» как совокупность граждан державы на базе конструированного отношения согражданства. По мнению авторов, со всех точек зрения благоразумно, социально и перспективно трактовать единый в государстве народ не как этническую, а как гражданско-политическую общность (С. 96).

Во многих научных публикациях можно встретить утверждение о том, что центральное место во взаимоотношениях общества и государства принадлежит, или должно принадлежать, народовластию (самоуправлению). Народовластие, народоправство, как полагают авторы рецензируемого учебника, — утопия. Государство не мыслимо без власти, а его функционирование неизбежно предполагает обособление властного аппарата, чиновничьего слоя, бюрократии, представляющей собой константу государственности. «Небюрократическая государственность невозможна» (С. 98). Неудивительно, что закат бюрократии К.Маркс и М.Вебер связывали с закатом государственности. Интенция государства — обязательность «целого», граждан, а общества — самодеятельность «части», людей.

Вполне продуктивной представляется рассмотрение большой и малой социальностей (что на макросоциологическом уровне вполне естественно). Большая социальность — это политическая зона, а именно: социальные институты, полномочные должностные учреждения, административные функции, властные организации, т.е. все, что представляет государственно-публичную сферу. Малая социальность — неполитическая зона (невзирая на ее прозрачность: семейное право, социальный патронаж и т.д.): совокупность неинституциональных реакций, приватных утверждений, эгоистических мотиваций, индивидуальных решений. Это частная сфера. Залог успеха большой социальности, олицетворяемой государством заключается в минимальном вмешательстве в малую социальность. Малая социальность, как святая святых личности, неприкасаема, самоценна.

Нервом цивилизации является преодоление хаоса, неконтролируемых, слепых природных и социальных сил. Отталкиваясь от этой посылки, авторы книги трактуют цивилизацию с позиций поддержания жизнедеятельности, а именно: как образ жизни, детерминируемый базовыми устоями существования; как воспроизводство способов воспроизводства жизни (С. 103). Отличительная особенность цивилизации заключается в ее жизневоспроизводительном укладе, технике обмена деятельностью, способе вершения исторического бытия, обеспечении выживания. Элемент технологичности отличает ее от культуры, которая в самом широком смысле объективирует субъективный порыв к высокому. Цивилизация с культурой соотносятся как тело с духом. Первая (материальное развитие, общественная организация) — телесная оболочка социума, вторая — его духовная жизнь, душа. Оттого цивилизация, в отличие от культуры, есть институционально-технологическая идентичность людей.

Весьма категоричны авторы в отношении взаимодействия Запада и Востока. По их мнению, не существует генеральной исторической линии унаследования народами западного типа прогресса. Суть не в уровне потребления и качестве существования, а в иных началах продуктивности (С. 111). Отсюда и их трактовка основополагающих механизмов российского бытия. «Порядок заменен принуждением, карательной мерой, репрессией. Всеобщим регулятором поведения становится исключающая право сила. Неправовой способ российского обмена — от силовой иерархии. Право сакрализует нормы. Сила — волюнтарные акты. Никогда в истории России силовая иерархия не позволяла защитить, отстаивать права» (С. 127). Сила власти (власти как социального института), как справедливо, на наш взгляд, отмечено в книге, для России, ее выживания необходима. Только сильная власть перестраивала, одухотворяла, подкрепляла, обеспечивала существование в конфликтной геополитической среде обитания в условиях борьбы на два фронта. Губительна для России власть силы (власть как сакральная сущность). В общем и целом позиция В.В.Ильина, Б.Ф.Кевбрина и В.А.Писачкина укладывается в евразийскую трактовку места и роли России в мировом пространстве: «С Европой нас единит вера, с Азией — история» (С. 143).

Социализация, как отмечено в третьей главе учебника, представляет собой триединый процесс «человек-индивид-личность». Его развитие проходит посредством аккультурации (процесс овладения достижений человечества, культивирование в индивиде исторически сформированных гуманитарных качеств), индивидуации (индивидуальная личность не как абстракт, а как субъект социальности). Будучи персонально уникальной, человеческая личность индивидуальна. Осуществление и реализация самооценки (критического квалифицирования личностью своих потребностно-мотивационных состояний и уровней притязаний), отчуждения (объективного процесса деятельности человека и его продуктов в самостоятельную, довлеющую над ним враждебную силу), социальной ориентации личности (конформизм, тоталитаризм, гуманизм) ведут к формированию другого триединства — «личность-общество-государство», т.е. общественно и государственно ориентированной личности. Однако авторы делают весьма существенную оговорку о том, что апелляция к «рационально» задаваемому «благу» людей (к чему постоянно прибегает государственная власть) — химера, так как никто не может решить за человека, в чем его истинное благо. Такая апелляция механизирует личность, не учитывает, что нельзя доктринально рассчитать «благоразумность» (С. 201).

В основу четвертой главы «Социально-историческое развитие» положены базовые презумпции этой темы. Во-первых, историческое развитие не есть прямая реализация экстенсивного разнообразия. Социально-исторические структурные перевоплощения основаны на переводе интенсивного разнообразия в экстенсивные. Во-вторых, в истории реализуются не механические, а системные, органические, целевые типы причинности. В-третьих, локомотивом реализации исторического развития является самоорганизация: регуляция целостности, наращивание адаптивности, рост оптимальности и т.п. (С. 218).

Взгляд на природу вещей через призму модели длинных волн, социальных циклов и ритмов сводится в книге к тезису о том, что онтологический базис истории двусоставен. Исходные человеческие цели, мотивы, интересы, ценности накладываются на объективные условия жизнедеятельности. Причем они подвержены циклическим зависимостям и имеют собственную ритмику. Исторические события в силу этого многопричинны.

Вековая привычка воевать вначале инициировалась противоречиями между государями, затем — между нациями-государствами, а теперь национально-государственная конфликтность теснится регионально-корпоративной. Это не значит, по мнению авторов, что роль национального государства упраздняется. Это значит, что его роль изменяется. Национальное государство сохранит и даже усилит свою роль в вопросах суверенитета, предоставления, соблюдения гарантий культивации, эксплуатации территориальных, природных, ценностных богатств, завещанных народам их предками (С. 252). Следует также согласиться с утверждением о том, что цивилизационные условия России, США и Европы различны, но угрозы у них сходные и кардинальная цель обновляющейся России — не требуя более проявления вечного терпения от народа, добиться ненасильственного процветания державы-нации (С. 254—255).

Под социальной трансформацией в пятой главе авторы понимают нерасчлененное понятие, описывающее преобразовательные эффекты. Теория объясняет, социальное действие совершает, творит реальность. В этом состоит обоюдоострость социального действия, которой свойственны две посылки. Первая состоит в молчаливом признании того, что нельзя делать историю без любви к ближнему. Главное в действии — сохранять, поддерживать, обеспечивать естественный тип воспроизводства жизни. Вторая объединяет «дизайнеров политического шока» (С. 270), видящих в народе не более чем аморфное серое сборище. И та и другая имеют место и периодически превалируют друг над другом.

Авторы совершенно правы в утверждении о том, что центральное место в реализации социальной политики занимает ее рациональность. По их мнению, она таится в диалектической триаде «цель-средство-результат». Из этого следует: не все цели хороши, даже хорошие цели иногда не достигаются, даже достижимые хорошие цели никогда не достигаются любой ценой.

Социальная трансформация происходит в процессе реформ, инноваций и революций. Авторы солидарны с мнением А.Камю относительно причин революций. По их мнению, революции противостоит не контрреволюция, а творчество. Прогресс обусловлен тем, что при любых порядках творцы неустанно отыскивают такие формы, которые одерживают верх над духом революции и инерции и поэтому отпадает надобность в революции. Когда творческие люди перестают появляться, революция неминуема.

Однако нельзя сказать, что революция позади. Разгосударствление, о чем мечтало либеральное и демократическое сообщество страны, произошло, но формально. Оно, по мнению авторов, не принесло ни эффективности, ни оптимальности, ни инициативности. «Наблюдается специфический тип трансформации собственности из безликой государственной в

персонифицированную чиновно-бюрократическую. Аппаратчики стали вполне конкретными собственниками ранее неконкретной государственной (общественной) собственности. Государство, таким образом, как было, так и осталось у нас всем» (С. 282). Социально-историческая инерция налицо.

Рецензируемая книга содержит много интересных и оригинальных мыслей, высказаны они вполне определенно и категорично, но не со всеми можно согласиться. Так, например, авторы пишут: «Линия противостояния цивильно продвинутых белых мегаполисов люмпенскому отсталому цветному гетто, по нашему, всецело определит рубеж столкновения. Это будет не столкновение цивилизаций, а столкновение рас, белой автохтонной культуры и пришлого бескультурья цветных аллохтонов, взрывающих выкованный веками, отлаженный строй жизневоспроизводительного деятельностного обмена» (С. 265). Что значит «люмпенское отсталое цветное гетто»? Тикио, Сеул, Банкок, Сингапур, Пекин и т.д., об упоминании которых у промышленно развитых «цивильно продвинутых белых» на лице возникает «кислая мина», ибо они начало конца их напыщенной именно цивилизационной экспансии? Вряд ли уместно говорить о «пришлом бескультурье цветных аллохтонов», как и о бескультурье каких-либо народов вообще. Уж если авторы не только признают, но и кладут в основу своего анализа волны жизни, циклы и ритмы, пропорции и фазы социально-исторического развития, то следует говорить о других типах культуры. Нет «бескультурных цветных», есть принципиально иная культура, а бескультурья достаточно и в «цивильно продвинутых белых мегаполисах». Возможно, авторы руководствовались какими-то более глубокими императивами, тогда обозначать их следует более четко.

Впервые в научный оборот введено понятие «фундаментальные социальные константы» как жизневоспроизводственные инварианты, экзистенциальные абсолюты, спорадично находящиеся путем проб и ошибок жизнеустроительные оптимумы, выражающие стиль, строй, порядок отлаженного существования. Это стало возможно благодаря аналогии с фундаментальными естественно-научными константами. Однако эта идея могла бы получить более развернутую конкретизацию, поскольку возникает необходимость «разведения» понятий социальных констант и различных индексов, характеризующих различные аспекты социальной жизни (качество жизни, уровень потребления и т.д.).

Следует также отметить, что книга понятийно и категориально несколько перегружена. Учебник предполагает ясный и доступный стиль изложения материала. Более того, он рекомендован Межвузовским ученым советом Центросоюза Российской Федерации в качестве учебника для студентов кооперативных высших учебных заведений. Не умаляя достоинств и способностей студентов кооперативных институтов, можно утверждать, что многие разделы учебника у студентов, без предварительной социально-философской подготовки, вызовут затруднения. По большому счету этот текст и по содержанию, и по стилю изложения значительно шире учебника. Это целостный фундаментальный труд, изобилующий интересными мыслями и наводящий на размышления.

В.В.КОЗИН,
доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук

ЛОГИНОВА Н.Н., ПРЕСНЯКОВ В.Н. Социально-экономическая география Республики Мордовия: Учеб. пособие. 2-е изд.— Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 152 с.

Последние годы для учебной литературы по географии Республики Мордовия оказались достаточно плодотворными. Начиная с 1990 г. и по настоящее время в издательстве Мордовского университета вышло около двух десятков учебных пособий по физической и экономической географии республики. Они рассчитаны прежде всего на студентов университета, но не менее активно используются учителями общеобразовательных школ и средних специальных учебных заведений Мордовии. В связи с этим хочется отметить продуктивную и систематическую работу в этом направлении доцентов кафедры экономической и социальной географии университета Н.Н.Логиновой и В.Н.Пресняковой, подготовивших и издавших серию подобных пособий. Необходимость этого диктовалась быстро меняющейся экономической обстановкой в республике и ощущаемым в связи с этим недостатком учебной литературы, позволяющей преподавателю и студентам более эффективно рассматривать происходящие процессы на территории Мордовии. Последним и, на наш взгляд, наиболее удачным учебным пособием по данному предмету можно считать второе, исправленное издание, вышедшее в 2005 г.

Это пособие представляет собой традиционное по структуре издание, в котором рассматриваются экономико-географическая оценка географического положения, природных условий и ресурсов; изменения, произошедшие в динамике, структуре и географии населения и важнейших отраслей хозяйства; особенности микроэкономических районов, выделяемых в последнее время на территории республики. Весь учебный материал основан на современной научной базе и учитывает изменения экономической жизни региона. Учащиеся школ и студенты получили пособие с последними статистическими и источниковыми материалами, дающими подробную характеристику территории. В результате мы имеем не только новый практикум по учебному курсу, но и качественное учебное пособие, удовлетворяющее современные потребности студентов и преподавателей при изучении соответствующих курсов, тем и вопросов.

Восприятию материала способствует не только грамотно отобранный теоретический материал, но и детальная разработка методического аппарата. Вопросы и задания, имеющиеся в конце каждой темы, позволяют использовать их при повторении изученного, активизируют студентов на самостоятельное исследование наиболее заинтересовавших их проблем, касающихся территории республики. На наш взгляд, это важно, так как позволяет преподавателю расширить образовательные и воспитательные возможности курса.

В разделах пособия рассматриваются экономико-географические проблемы Мордовии, связи природы, населения и хозяйства с единым экономическим и социальным пространством России. Для восприятия такого единства в географии традиционно применяются возможности картографического метода. Пособие служит наглядным примером такого использования. Авторы сумели практически все наиболее

важные аспекты при характеристике территории не только проиллюстрировать, но и увеличить возможности текста за счет логично включенных в него картосхем, расширить информационные возможности и зрительно продемонстрировать те или иные процессы и явления, происходящие на конкретной территории. Способствуют усвоению учебного материала и многочисленные таблицы, построенные на основе статистических данных 2002—2003 гг. и выделяемые в тексте, а также словарь наиболее важных для понимания содержания разделов специальных терминов. Это позволяет использовать пособие не только на занятиях по географии, но и при изучении других дисциплин, так как интерес к своему краю среди молодежи постоянен, однако не всегда удовлетворению такого интереса способствуют учебные материалы. На наш взгляд, рецензируемое пособие развивает подобный интерес.

С.Я.ЖУКЛИНА
(г.Саранск)

ЧАЛУХИН А.Н. Вопросы комплексного развития рыночной экономики Республики Мордовия. — Саранск, 2005. — 168 с.

Изучению вопросов эффективности комплексного развития хозяйства региона посвящены работы ряда зарубежных и отечественных экономистов. Ими исследованы закономерности территориального разделения труда, факторы, определяющие специализацию и комплексность развития регионов, критерии их экономической эффективности. Была предпринята попытка не только осмыслить содержание понятий «комплексность», «комплексное развитие», но и дать качественную характеристику этим процессам, выработать способы количественной оценки явлений, связанных с ними.

Большой вклад в рецензируемую книгу внес В.А.Лычагин, исследовавший размещение производительных сил Мордовской АССР в своей монографии «Комплексное развитие промышленности экономического района и трудовые ресурсы» в 1964 г. Вместе с тем в 1980—90-е гг. начатые исследования практически были прекращены, и многие вопросы эффективного управления специализацией и интеграцией предприятий с учетом современных условий не находили отражения в экономической литературе.

В связи с этим монография А.Н.Чалухина, посвященная вопросам перспективного развития народного хозяйства Мордовии на основе комплексной специализации отраслей материального производства и сферы обслуживания, представляется весьма актуальной и своевременной. Республика Мордовия сегодня — регион Приволжского федерального округа, имеющий наряду с общими для всего округа свои специфические особенности. Не рассматривая все пропорции, складывающиеся в целом по ПФО, автор останавливается на одной из его составных частей.

Монография состоит из введения, трех глав, и заключения.

Во введении автор обосновывает необходимость такого исследования на современном этапе, определяет цели и задачи работы, а также методы исследования. Интересной представляется предложенная автором методика оценки эффективности отраслей территориально-производственного комплекса Республики Мордовия, включающая два этапа. На первом этапе производится межрайонный расчет, который позволяет определить эффективность развития и размещения соответствующих производств в Мордовии сравнить их с вариантами развития и размещения в других районах. На втором этапе проводится внутрирайонный расчет по выявлению наиболее эффективных отраслей хозяйства республики. Этот метод позволяет иметь наиболее достоверную информацию и выявить резервы совершенствования специализации и комплексного развития хозяйства РМ.

В первой главе «Природные, экономические и исторические условия развития народного хозяйства Республики Мордовия» автор на основе обширного статистического и аналитического материала проводит анализ различных условий, оказавших влияние на развитие народно-хозяйственного комплекса республики.

Во второй главе «Характеристика современного хозяйства Мордовии» автор дает развернутую

оценку современному состоянию промышленности и сельского хозяйства в республике, ее месту в ПФО и России в целом, особенностям развития региональной специализации, комплексности хозяйства и размещения производительных сил.

В третьей главе «Обоснование комплексного развития и специализации хозяйства Мордовии на перспективу» автор обосновывает разработанную им концепцию развития хозяйства РМ на перспективу. Он приводит различные варианты развития отраслей экономики, изучает проблемы размещения производства на территории республики и его эффективность. Особое внимание А.Н.Чалушиным уделено рационализации экономических связей.

В заключении делается вывод о том, что фактор комплексного развития народного хозяйства Мордовии, означающий рационализацию региональных пропорций и связей во многом является определяющим в стратегии развития экономики республики.

В то же время необходимо отметить следующее. Во-первых, анализируя природно-ресурсный фактор развития экономики и оценивая влияние экономических условий на развитие хозяйства, автор не затрагивает важнейший ресурсный потенциал региона — финансовые ресурсы, а для налаживания производства и увеличения выпуска продукции требуются значительные инвестиции. Во-вторых, известно, что Республика Мордовия еще существенно отстает в развитии инфраструктуры регионального рыночного хозяйства от других регионов и России в целом. Однако А.Н.Чалухин рассматривает только один из элементов рыночной инфраструктуры территории региона — транспортное хозяйство, его состояние и возможности, оставляя без внимания другие элементы.

В целом монография А.Н.Чалухина представляет собой обстоятельное, оригинальное и законченное исследование. На наш взгляд, рецензируемая монография дает весьма наглядное представление о процессе, обеспечивающем эффективное функционирование хозяйственного комплекса региона с учетом ресурсного потенциала, наличия традиций и территориальной специализации экономики, имеющихся производственно-технологических и центробежных тенденций, объединения интересов системы территориального управления и открывающихся рыночных возможностей.

В.П.МИНИЧКИНА,
зав. сектором региональной экономики НИИ регионологии, кандидат экономических наук (г.Саранск)

СЕРГЕЕВ С.А. Политическая оппозиция в современной Российской Федерации (федеральные и региональные аспекты). — Казань: Казанский гос. ун-т, 2004. — 464 с.

В монографии рассмотрены основные подходы исследований политической оппозиции, охарактеризованы основные типы политических оппозиций, проанализированы проявления политической оппозиционности. Особое внимание уделено политической оппозиции в Республике Татарстан.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов политологических, социологических и административно-управленческих специальностей, практических работников сфер политической коммуникации и управления, а также всех, интересующихся проблемами современной российской политики.

МАКАРКИН Н.П., КЕДРОВ В.Н., МИТРОХИН В.В. Теория и практика обеспечения устойчивости банковской системы. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. — 140 с.

В монографии изложены теоретические и методологические подходы к обеспечению устойчивости отечественной банковской системы, осуществлен анализ устойчивости банковской системы Республики Мордовия, сформулированы предложения и практические рекомендации по ее оптимизации.

Для работников банковской системы, ученых-экономистов, студентов, аспирантов и докторантов, изучающих экономику.

ЧАЛУХИН А.Н.Вопросы комплексного развития рыночной экономики Республики Мордовия. — Саранск, 2005. — 168 с.

В монографии анализируются природные, экономические и исторические условия развития народного хозяйства республики, дается характеристика ее современного хозяйства, обосновывается комплексность развития и специализации Мордовии.

Для руководителей, специалистов отраслей народного хозяйства и предприятий, преподавателей и студентов высших и средних специальных учебных заведений.

НИКОЛАЕВА Е.А. Ментальные смыслы женского литературно-художественного творчества в России. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. — 172 с.

В книге автор исходит из представления о женской литературе как о художественном воплощении женской ментальности, аккумулирующей в себе особенности мировосприятия, оценки и мироощущения женщины в творческом процессе.

Для всех, интересующихся проблемами истории и теории литературы.

НИКОНОВА Л.И., КАНДРИНА И.А. Как лечить народы Поволжья и Приуралья. — Саранск, 2005. — 213 с.

В монографии систематизированы знания по традиционной медицине финно-угорских и тюркских народов (коми, марийцев, мордвы, удмуртов, башкир, татар, чувашей). Через призму народных представлений рассматривается мир знахарей и колдунов, причины, профилактика и способы лечения многих заболеваний, формы и правила, а также этнические нормы поведения в лечебном процессе и передача накопленных знаний от одного поколения к другому. Обобщен опыт исследования различных методов целительства.

Для специалистов и всех, интересующихся традиционной медициной.

Пути и методы преобразования социальной действительности: методология, теория и практика деятельности молодежных объединений / Под ред. М.Д.Мартыновой. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. — 176 с.

В монографии представлены методология, теория и практика деятельности молодежных объединений, дана их типология. Систематизированы представления о формировании и развитии молодежных движений в России и за рубежом, нормативно-правовой базы государственной молодежной политики. Особое внимание уделено направлениям деятельности молодежных организаций на современном этапе.

Для всех, интересующихся проблемами молодежных организаций и реализации государственной молодежной политики.

ANNOTATIONS

Official Statement of President of the Russian Federation V.V. Putin on Major Points of National Development

Speech of Head of the Republic of Mordovia at the Civil Forum «10 Years of Creation»

A.S.Lukin, Yu.V.Derishev. Economic Basis for Determining Efficiency of Municipal Development Programmes

Problems arising in the course of determining efficiency of municipal development programmes are considered. Offers aimed at modernisation of determining efficiency of municipal development programmes on the basis of investment analysis are formulated and substantiated. The essence of municipal development programmes as investment projects of special kind is highlighted.

S.I.Yakovleva. Regional Experience in Elaboration of Substantiations for Territorial Infrastructure Development

Regional versions of strategic planning of territorial infrastructure after the example of 57 constituent entities of the Russian Federation are presented. Classification of regions on the basis of approaches to elaboration of infrastructural divisions (strategies) and priority trends in infrastructure development is made. Groups were spatially interpreted on map-schemes. Attention is paid at the lack of conceptual and methodological provision of infrastructure of regional development.

Basic Indices if Social and Economic Situation in the Russian Federation Constituent Entities in the 1st Half of 2005

Kh.K.Kazancheva. Main Trends in Driving of a Region out of Depressive Conditions

The article is devoted to the research of possible trends in driving the economy of the Kabardino-Balkarian Republic out of depressive conditions. The article presents some results of the research how historically formed heterogeneity of social and economic space of Russia influences upon the functioning of the state, structure and efficiency of economy, strategy and tactics of institutional transformations and social and economic policy.

I.E.Ilyin. Evaluation of Modern Agrarian Reform in a Region

On the basis of state statistical data and sociological researches the analysis of social and economic processes in the rural area of the Chuvashi Republic in the period from 1991 to 2005 is presented in the article. Special attention is paid at reforms in regional agri-industrial complex, formation of multi-mode economy, functioning of different forms of management, problems of social reconstruction of the village. Peculiarities in social behaviour of rural population of the Chuvashi Republic in the conditions of market economy are analysed.

Yu.N.Andreev. Monitoring of Regional Scientific and Technical Policy

Brief description of inter-relations between federal and regional power bodies in formation and implementation of scientific and technical policy is given. Methods for carrying out monitoring of scientific and technical policy in federative constituent entities and survey of its results in some regions are presented. Range of approaches of regional administrations towards usage of scientific and technical potential is demonstrated.

G.A.Balykhin. Development of Educational System in the South Federal District and in the Chechen Republic as Factor for Stabilisation of Geopolitical Environment in the South of Russia

Basic trends in the development of educational systems of regions, comprising the South Federal District of Russia are presented in the article. Special attention is paid at the reconstruction and development of educational system of the Chechen Republic.

S.M.Murgaev. International Co-operation of the Kalmyksky State University

Main trends of international co-operation of the Kalmyksky State University in the sphere of education, advances training and carrying out fundamental and applied scientific researches are highlighted in the article.

T.M.Dadaeva. The Dynamics of Gender Structure in the Labour Market in the Republic of Mordovia

On the basis of statistical and sociological data problems of gender inequality in the labour market in the Republic of Mordovia are analysed. The position of men and women are estimated on the basis of such indices as employment, unemployment, salary is estimated. Mechanisms for constructing and reproduction of gender structure in the labour and employment market are considered.

M.M.Shulga. Higher Education as Value: Sociological Aspect

On the basis of the material of sociological research, carried out among the students of Stavropol in 2005 as well as a number of other sociological researches, carried out in recent years, tendencies in changing of value of higher education in the system of values of students are analysed.

D.G.Kurachjov. Inter-Confessional Perception of Modern Young People

Inter-confessional perception of modern young people, its phenomenological essence, problems and mains ways for its optimisation are analysed in the article.

Yu.V.Vasiljev. Mechanisms and Methods for Reconciling Ethnic Conflicts in the South of Russia

The essence and causal complex of the ethno-political conflict in the South of Russia are considered in the article. Political, ethnic, social, confessional, geopolitical, economic and other factors, forming

conflictability as social phenomenon are singled out and analysed. Special attention is paid at the mechanisms and methods for reconciling ethnic conflict which exclude possibility of its reproduction in the South of Russia.

V.I.Antonova, L.A.Poelueva. Mechanism of Informational Influence on Harmonisation of Ethno-Cultural Processes in the Republics of the Privolzhsky Region

The role regional printed ass media in the processes of harmonisation of ethno-cultural relations, problem of the content and forms of modern news-papers in the republics of the Privolzhsky Region is considered in the article.

V.P.Ivanov. The Dynamics of Settling and Number of the Chuvash People in the Regions of Russia in the XX Century

Peculiarities in the dynamics of number and settling of the Chuvash ethnos in the XX century in the territory of the Chuvashi Republic as well as of the Russian Federation are considered in the article. Special attention is paid at the reasons and factors, influencing ethno-demographic processes and migration of the Chuvash people. The research is based on the materials of state statistics and population censuses, including the one of 2002.

Yu.N.Mokshina. Ethno-Standards in Community Self-Government of Mordva

The article is devoted to the analysis of behaviour standards, systems of bonuses, sanctions and punishments in community self-government of the Mordva people.

V.A.Ivanov. Provision of the Marji Regional Militia and Protection of Rights of its Staff in 1920th

The dynamics of material and technical provision of the militia bodies in the Marji Autonomous District and protection of social rights of militia-men in 1920th are analysed in the article.

G.N.Semjenova. Reflection of National and Cultural Specificity of the People in Nominal Totalities (on the material of languages with mixed systems)

Nominal totalities in different languages are analysed. The process of reflection culture in a language is considered. Factors contributing the formation of the meanings of nominal totalities both in language and speech are highlighted.

O.G.Belomoeva. Ethno-Futurism: the Regional in the Global

Upon the examples of the creative work of Yu.A. Dyrin and L.N. Kolchanova, the artists, regional component of the creative work in the global process of fine arts is analysed.

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители — Министерство образования Российской Федерации, Министерство промышленности, науки и технологий Российской Федерации, Правительство Республики Мордовия и Федеральное государственное научное учреждение «НИИ регионологии».

Темы журнала — процессы, происходящие в регионах в области экономической, социальной, политической и духовной жизни, проблемы федеративного устройства государства, взаимоотношения федеральных и региональных структур власти, региональная политика в научно-технической сфере, образовании и культуре.

Объем журнала — 10 п.л.

Мы выходим ежеквартально.

Подписка на журнал принимается во всех отделениях связи без ограничения по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» «Газеты и журналы».

Подписная цена на I-е полугодие 2006 г. — 140 руб.

Индекс журнала ***73335***

АВТОРАМ

* Уважаемые коллеги, с 2005 г. журнал «Регионология» перешел на частичную самоокупаемость. В связи с этим публикации в нашем журнале платные: 150 руб. за страницу. Оплата производится не позже 10 дней после уведомления автора о публикации. Наши реквизиты:

ФГНУ «Научно-исследовательский институт регионологии»
Мордовское отделение № 8589 Сбербанка России
р/с 40202810439010000006
к/с 30101810100000000615
БИК 048952615
ИНН 1326049155.

* Статья, предоставляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала. Объем статей — до 12 м. с. Примечания приводятся в конце. При цитировании и ссылке на те или иные источники необходимо указать фамилию автора, название книги, место, год издания и конкретные страницы. Все материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном виде.

* В аннотации (8—10 строк) просим кратко изложить содержание статьи.

* В авторской справке необходимо указать Ваши фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень и звание, должность, место работы, домашний адрес, телефон. Просим выслать свою фотографию.

Журнал распространяется по подписке, часть тиража — бесплатно.

Технические редакторы *Т.Т.Алыкова, Е.Н.Маскаева, С.А.Пулова*
Макет *И.А.Пакшиной*
Перевод аннотаций *С.И.Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Сдано в набор 12.09.2005. Подписано в печать 14.10.2005. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Jurnal. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 14,41. Тираж 1000 экз. Заказ № 4571.

Адрес редакции: 430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а. ФГНУ «НИИ регионологии». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95.
E-mail: redreg@yandex.ru, rri@moris.ru

Набрано в Федеральном государственном научном учреждении «НИИ регионологии».
430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ Республиканская типография «Красный Октябрь».
430000 г. Саранск, ул. Советская, 55а.